Диаконический университет прикладных наук
Национальный центр изучения и развития социального обеспечения и здравоохранения Финляндии (STAKES)
Региональная общественная организаций социальных проектов в сфере благополучия населения «Стеллит»

Употребление алкоголя в России: история, статистика, психология

Санкт-Петербург

2007 г.

Подготовлено при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Финляндии в рамках проекта “**Client-based Addiction Treatment - development project for addiction treatment and rehabilitation in St. Petersburg and the Russian Karelia”.**

Гурвич И., Горячева Н., Левина О., Мустонен Х., Одинокова В., Паккасвирта Т., Русакова М., Симпура Ю. Употребление алкоголя в России: история, статистика, психология. СПб. Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2008 – 184 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Употребление алкоголя населением России является предметом пристального интереса со стороны не только научных работников, но писателей, публицистов, общественных и государственных деятелей уже в течение почти двух столетий. Особую окраску, которую придает употребление алкоголя, без преувеличения, всем сторонам российской жизни, издавна отмечают и зарубежные авторы. К сожалению, актуальность этой темы для российской действительности не снижается.

Относительно новые угрозы, такие как все более расширяющееся употребление наркотиков, особенно в молодежной среде, способны только на время снизить интерес к алкогольной проблематике. Однако и в те периоды, когда проблема алкопотребления как будто бы отходит на задний план, она неизменно и быстро напоминает о себе эксцессивной смертностью, вызванными «человеческим фактором» техногенными катастрофами и огромными экономическими потерями.

Можно утверждать, что на сегодняшний день, как и столетия назад, алкоголь является важнейшим «внешним» фактором, губительно действующим на здоровье и социальное благополучие российского населения, и, по-видимому, он останется таковым в обозримый период времени. Вместе с тем, история пьянства в России – это и история борьбы с ним, причем борьбы, в основном, безуспешной. И сегодня мы можем легко заметить упование на меры противодействия пьянству и алкоголизму, уже применявшиеся в российской истории, причем иногда и неоднократно, и не приносившие сколько-нибудь заметного успеха.

Подобная ситуация с употреблением алкоголя ставит ряд вопросов, без ответа на которые нет никаких оснований рассчитывать на сколько-нибудь заметные успехи в борьбе с пьянством и алкоголизмом. Сформулируем их.

- Можно ли в условиях России мерами государственного управления и экономического воздействия на оборот спиртосодержащих напитков минимизировать их потребление населением?

- Существуют ли какие-то особенности русского паттерна алкопотребления, делающие его высоко резистентным к мерам государственно-управленческого и экономического воздействия?

- Имеются ли какие-либо, хотя бы потенциально эффективные, меры, способные реально минимизировать алкопотребление и его негативные эффекты для населения?

Сложность ответа на эти вопросы обусловлена, прежде всего, определенной мифологизацией проблемы, существующей как в общественном сознании, так и в сознании лиц, принимающих решения, и даже в сознании некоторых исследователей,

работающих в русле алкогольной тематики. Под мифологизацией здесь понимается, конечно же, не ложное отражение действительности, но отражение скорее целостное, в ущерб адекватности отображения существующих в реальности противоречий.

Приведем основные, на наш взгляд, мифы, описывающие и объясняющие наиболее существенные аспекты алкоголизации российского населения.

1. «Злая воля». Этот миф существует в разных вариантах, причем наиболее распространен из них вариант «государственный». Согласно ему, Российское государство на протяжении практически всей своей истории поощряло пьянство населения, и даже стимулировало его, исходя либо из экономических соображений (основной доход государства, получаемый в виде косвенного налога), либо из прагматических соображений (более легкая управляемость пьянствующих, отвлечение их от борьбы за свои интересы). Основным направлением борьбы с пьянством и алкоголизмом в этом случае видится прекращение получения государством доходов от алкогольного рынка, как это было в первые годы демократических реформ конца XX в.

В последние десятилетия этот миф стал модифицироваться в «спаивание российского населения международным масонством», «заговор западных стран против России». Естественно, подобные заговоры нуждаются в разоблачении, а агенты заговорщиков – в ликвидации.

2. «Культура». За половину тысячелетия широкого распространения крепкого алкоголя на территории современной России он стал неотъемлемой частью русской культуры, что делает по определению бессмысленной любую борьбу с его массивным употреблением. Единственной альтернативой здесь видится формирование особой новой «культуры употребления алкоголя», что стало в нашей стране официальной основой алкогольной политики последних десятилетий существования коммунистического режима.

3. «Хорошие времена». В истории России бывали такие времена, когда, благодаря жестким мерам государственного контроля, люди пили «хорошую водку», которая, по меньшей мере, «не вредила здоровью», и «не заболевали алкоголизмом». Основным видом борьбы с пьянством и алкоголизмом тогда становится возвращение к этим «хорошим» мерам государственного регулирования алкопотребления. Интересно, что при этом никто не задумывается, почему в свое время эти меры пришлось отменять. Новейшей модификацией этого мифа стала высоко позитивная оценка результатов «горбачевской» антиалкогольной кампании, широко распространившаяся среди исследователей стран Запада.

В общем, именно анализ соответствия этих мифов реальности и позволяет ответить на вопрос о причинах столь очевидной неподатливости русского пьянства мерам государственно-управленческого и экономического регулирования. Материалы, содержащиеся в предлагаемом читателю издании, содержат практически всю доступную сегодня информацию для ответа на данный вопрос.

Первая глава коллективной монографии посвящена истории формирования русского паттерна алкоголизации, и основана на исторических данных качественного характера, содержащихся как в отечественных, так и в зарубежных источниках. В своем большинстве они хорошо известны специалистам, однако сведение и обобщение всех этих данных позволяет получить достаточно целостную картину возникновения и формирования связанного с употреблением алкоголя поведения населения страны.

Вторая глава работы построена на статистических данных, приводимых за весь период существования алкогольной статистики в России, т.е. практически за полтора века. Известно, что в советский период алкогольная статистика засекречивалась, однако ряд центральных характеристик алкопотребления, как показывает сопоставительный анализ со статистическими данными царского периода, может быть получен из данных официальной советской статистики косвенным путем.

Оценка алкоголизации населения по динамическим рядам максимально возможной длины не только позволяет ввести в научный оборот новые статистические данные, представленные в пригодном для сравнительного анализа виде, но и выявить долгосрочные тренды в алкоголизации населения. Рассмотрение же этих трендов, в свою очередь, позволяет избежать поверхностных выводов относительно алкогольной ситуации последних десятилетий, а главное – оценить на качественном уровне эффективность мер контроля над алкоголизацией со стороны государства.

В отечественной литературе конца XIX – начала XX вв. (до 30-х годов) и начиная с 60-х гг. XX в. содержится значительный объем исследовательской информации, полученной в локальных исследованиях алкоголизации населения. Анализ этой литературы позволяет получить «срезовую» (кросс-секционную) картину характеристик феномена русского пьянства в отдельные исторические периоды. В свою очередь, сопоставление этих характеристик, какими они были на различных отрезках российской истории, дает возможность оценить их устойчивость в российской популяции. Эти данные и сопоставительные оценки приведены в третьей главе работы.

Резкие социальные изменения в России, происходившие в конце 80-х – начале 90-х годов XX вв., и сопровождавшиеся катастрофическими и не имеющими аналогов в истории негативными процессами в сфере здоровья населения, привлекли к проблеме

русского пьянства пристальное внимание зарубежных исследователей. Проведенные ими аналитические работы интересны не только своими выводами, но и использованием современной исследовательской методологии. Обзор этих исследований содержится в четвертой главе работы.

Пятая глава монографии посвящена наименее изученной стороне русского пьянства – его социально-психологическим, или поведенческим аспектам. Здесь на эмпирическом уровне анализа рассматриваются две основные темы: отношение населения к мерам государственного контроля алкоголизации и субъективная значимость употребления алкоголя. Последняя из названных тем рассмотрена, помимо прочего, в кросс-культуральном плане, что позволило в существенной мере объективизировать данные о характеристиках алкопотребления в России.

Монография подготовлена коллективом авторов в составе:

И.Н. Гурвича, доктора психологических наук, главного научного сотрудника сектора социологии девиантности и социального контроля Социологического института РАН, профессора кафедры социальной психологии факультета психологии СПбГУ;

Н.А. Горячевой, кандидата социологических наук.

О.С. Левиной, преподавателя кафедры социальной психологии факультета психологии СПбГУ;

Х. Мустонен, ведущего специалиста Национального центра изучения и развития социального обеспечения и здравоохранения Финляндии (STAKES).

В.А. Одиноковой, преподавателя кафедры социальной психологии факультета психологии СПбГУ;

Т. Паккасвирта, руководителя проектов Диаконического университета прикладных наук;

М.М. Русаковой, кандидата социологических наук, старшего научного сотрудника сектора социологии девиантности и социального контроля Социологического института РАН, старшего преподавателя кафедры прикладной социологии факультета социологии СПбГУ;

Ю. Симпура, директора Отдела благосостояния Национального центра изучения и развития социального обеспечения и здравоохранения Финляндии (STAKES).

В монографию в виде отдельных глав частично вошли некоторые наши ранее публиковавшиеся работы.[1] Кросс-культуральное исследование алкоголизации населения

[1] Гурвич И.Н. Исторические тенденции алкоголизации населения России. В кн.: Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. Под ред. Я.И. Гилинского.

Санкт-Петербурга было проведено в рамках совместного проекта «Исследование паттернов алкоголизации населения г. Санкт-Петербурга», реализованного в 1999-2003 гг. Региональной общественной организацией социальных проектов «Стеллит» в сотрудничестве Социологическим институтом Российской Академии Наук (Санкт-Петербург) и Национальным центром изучения и развития социального обеспечения и здравоохранения Финляндии (STAKES).

Авторы надеются, что ознакомление с содержащимися в монографии материалами и выводами позволит заинтересованному читателю отойти от мифологизированного понимания истоков и характеристик феномена русского пьянства, что будет способствовать переходу от лишь иллюзорно эффективных к действительно эффективным мерам противодействия тяжелой алкоголизации и профилактики ее негативных исходов для населения.

СПб. «Алетейя». 2000. СС.185 – 214. Гурвич И., Горячева Н. Пьянство и алкоголизм. В кн.: Глобализация и девиантность. Под ред. Я.И. Гилинского. СПб.2006. «Юридический центр Пресс», гл. 7.СС. 113 -161.

Глава 1. История русского пьянства

Алкоголь всегда занимал важное место в социальной и экономической жизни Российского государства. Его употребление - неотъемлемый элемент образа жизни, культуры и быта многих народов. Однако именно Россия чаще других стран ассоциируется с водкой и пьянством, и нельзя сказать, что для этого нет оснований. Сегодня, в ситуации неуклонного роста алкоголизации населения и, соответственно, всех присущих ей негативных медицинских и социальных явлений, рассмотрение употребления алкоголя в России в социально-историческом контексте является далеко не лишним.

Алкоголь, как один из важных элементов быта древних славян, упоминается в источниках, начиная, по меньшей мере, с X века н.э. Арабский путешественник Ахмед ибн Фадлан, посетивший Россию в 921-922 гг., так описал похороны знатного руса: «Пока мертвый не был сожжен, русы предавались беспробудному пьянству. Они ... пьют ночью и днем, некоторые умирают, не выпуская кубка из руки» (цит. по Топоркову, 1997; с. 47).

Памятники русского народного творчества широко иллюстрируют значение, которое имели алкогольные напитки в социальной жизни славян. Употребление алкогольных напитков упоминается в легендах, былинах, сказках и песнях. Так, в былине князь Владимир отправляет богатыря Василия Буслаевича в военный поход (Булгаковский, 1902, с. 8):

И Владимир Князь Столен - Киевский
Наливает ему чару зелена вина,
Зеленого вина полтора ведра,
Другую наливает пива пьяного,
Третью рюму меда сладкого,
И составили питье в одно место,
Становилося питья полпята ведра
И принимает Василий единой рукой
И запивает Василий на единый здох.

В несколько более позднее время тема пьянства была широко представлена в пословицах, поговорках, присказках, заговорах и молитвах против пьянства (Русский народ. Его обычаи..., 1992). И в XX веке тема употребления алкоголя в народном творчестве устойчиво сохраняется в форме анекдотов, баек и присказок (Бахтин, 1995).

Однако, по мнению русского историка И.Прыжова, пьянства как такового в Древней Руси не было. «Питье, - пишет он, - составляло веселье, удовольствие, как это и видно из слов, вложенных древнерусским грамотником в уста Владимира «Руси есть веселие пити, не можем без этого быти». Но прошли века, совершилось многое, и ту же

поговорку ученые стали приводить в пример пьянства, без которого будто бы не можем быти...» (Прыжов, 1992).

Для основной массы населения нормой в употреблении алкогольных напитков являлась умеренность. Общинное самоуправление осуществляло контроль над тем, кто, что и как пьет. Алкогольные напитки употреблялись дома, в кругу семьи, на братчинах или в корчмах. Братчинами назывались традиционные коллективные трапезы. Пили вкруговую, передавая друг другу братину (трехлитровый керамический сосуд). Человек, которого обнесли питьем на братчине, считался изгоем (Такала, 2002, с. 28).

Корчмы, или древнеславянские общественные питейные заведения, - это «место, куда народ сходился для питья и еды, для бесед и попоек с песнями и музыкой. [...] У западных славян в корчмах приставы передавали народу постановления правительства, судьи творили суд, разбирались дела между приезжими людьми, и корчмы долго заменяли ратуши и гостиные дворы» (Прыжов, 1993; с. 84). В древнерусский период наиболее широкое распространение корчмы получили в центрах экономической и социально-политической жизни страны: в Киеве, Новгороде, Пскове, Смоленске. На северо-востоке Руси (Суздаль, Владимир, Москва), где общественная жизнь была развита слабее, корчмы не имели столь большого значения.

О социальной роли алкоголя на Руси в период средневековья дают сведения исторические источники. Здесь в большинстве случаев описывается пьянство княжеской дружины, знати. Так, русское княжеское ополчение, напившееся меда и пива, потерпело поражение при реке Пьяной от значительно меньшего войска татарского царевича Арапши в 1377 г., а сам главнокомандующий, князь Иван Дмитриевич, вместе с остатками дружины утонул в реке (Карамзин, 1988, с. 350).

Осада Москвы ханом Тохтамышем в ночь с 23 на 24 августа 1382 года увенчалась успехом в значительной степени из-за пьянства в осажденном городе, причём это пьянство сопровождалось удивительным безрассудством. При осаде «одни молились, а другие вытащили из погребов боярские меды и начали их пить. Хмель ободрил их, и они полезли на стены задирать татар». Через два дня осады жители так осмелели, что отворили ворота татарам, поверив их обещаниям (Карамзин, 1988, с. 363-364).

В 1433 году Василий Тёмный был наголову разбит и пленён небольшим войском своего дяди Юрия Звенигородского на Клязьме, в 20 верстах от Москвы, потому, что «от москвыч не бысть некоея же помощи, мнози бо от них пияни бяху, а и с собой мёд везяху, чтоб пити ещё» (по: Соловьев, 1989, с.223).

Свидетельства иностранных путешественников о быте средневековых русских городов, содержат сообщения об употреблении русскими алкоголя. «Они уверены, что

хорошо принять гостей и прилично с ними обойтись, значит непременно напоить их, - пишет С. Герберштейн, посещавший Москву в 1517 и в 1526 гг. - Этот обычай соблюдается вообще у знати, и тех, кому дозволяется пить мед и пиво» (1988; с. 219).

Многие традиции употребления алкоголя историки связывают с языческими ритуалами. Так, Самсон Грамматик описывает ритуальные действия вокруг идола Святовита (XII век) (цит. по Гиандеру, 1908, с. 10-11):

> В правой руке идол держал рог ..., который ежегодно наполнялся вином из рук жреца для гадания о плодородии следующего года. [...] На другой день перед народом … жрец брал из руки идола рог, и если находил, что напитка в нем убыло, то предсказывал бесплодный год, а если напиток оставался, как был, то предвещал урожай... Потом он … наполнял рог свежим напитком, и, почтив идола... просил торжественными словами счастья себе, и стране, и людям обогащения и побед. Окончив эту мольбу, он осушал рог одним разом....

Магическое заклинание жреца сегодня можно интерпретировать как прообраз современных тостов. Полнота сосуда символизирует благополучие и плодородие. Остаток спиртного - это зло, знак недоброжелательства. Отсюда: «не оставлять зла в стакане», «Кто не выпил до дна, не пожелал добра», «Не допиваешь, так недолюбливаешь» (Такала, 2002, с. 27). С. Герберштейн пишет, что русские осушают чашу до дна, «затем пьющий опрокидывает чашу, и касается ею макушки, чтобы все видели, что он выпил все, и желает здоровья тому господину, за которого пьют» (1988, с. 219).

После крещения Руси, несмотря на осуждение церковью, пьянство, обжорство, сквернословие и другие виды «греховного» поведения устойчиво сохранялись во многих праздничных ритуалах и обрядах, имеющих языческие корни (Топорков, 1997).

Сейчас мы достаточно много знаем об алкогольных напитках, бывших в ходу, как у древних славян, так и в более позднее время. Виноградное вино было известно на Руси еще до принятия христианства. Оно импортировалось из Византии и Малой Азии. В народе широкое распространение имел квас, который, в отличие от современного кваса, был алкогольным напитком. Было широко распространено пивоварение, которое отчасти носило ритуальный характер, а потому было приурочено к определённому времени года. Медоварение возникло в Древней Руси в X – XI вв., а в XII – XV веках мед становится основным алкогольным напитком (Похлебкин, 1991; Такала, 2002).

Историческая обстановка средневековья способствовала распространению меда. Смещение границ Русского государства на северо-восток, перенесение столицы из Киева во Владимир, а затем и в Москву удаляло Русь от источников импорта виноградного вина и заставляло изыскивать местное сырьё и свои способы производства алкогольных напитков. В первую очередь таким сырьем стал пчелиный мед. Использование меда в

качестве напитка не было, как принято считать, характерно исключительно для русской культуры. Мёд служил основным напитком для торжественных случаев у большинства европейских народов средней полосы, т.е. между 40° и 60° северной широты, и встречался у древних германцев (Meth), скандинавов (Miod), и особенно широко - у древних литовцев (Medus) (Похлебкин, 1991).

Были известны две технологии производства питьевого меда, в результате использования которых получали или ставленый, или вареный мед. Ставленый мед представлял собой результат естественного (холодного) брожения пчелиного мёда с соком ягод (брусники, малины), и имел выдержку 10-15 лет. Длительность и дороговизна производства делала ставленый мед напитком знати и других зажиточных слоев населения. Варёный мёд, по сравнению со ставленым мёдом, был более низкого качества. Он был дешев в производстве, быстро приготовлялся, содержал больше алкоголя и благодаря всему этому получил широкое распространение. Считается, что вареный мед был напитком достаточно крепким. Этот мёд получает название «хмельного» или «хмеля» потому, что его в сильной степени сдабривали хмелем для подавления запаха и вкуса сивушных масел (Похлебкин, 1991; Русский народ. Его обычаи..., 1992).

В XV веке запасы пчелиного мёда в стране сильно сокращаются. Он дорожает в цене, и потому становится предметом экспорта, причем за счёт сокращения внутреннего потребления, поскольку находит спрос в Западной Европе. Для местного же употребления приходится изыскивать более дешёвое и более доступное сырьё. Этим сырьём становится ржаное зерно, уже с древнейших времён используемое для производства такого напитка, как квас (Похлебкин, 1991; Такала, 2002).

История водки – относительно недолгая. Считается, что первыми научились дистиллировать алкоголь арабы. Само слово «алкоголь» имеет арабское происхождение («аль-кохоль» – тонкий порошок, сущность вещи). На Западе перегонные кубы известны с XI – XII вв., однако перегонка длительное время осуществлялась лишь в сфере фармации, и занимались ей аптекари. Этим объясняется возникновение такого названия алкоголя, как спирт (от лат. spiro – дышать, жить), поскольку он считался лекарственным средством. Спиртные напитки из зерен становятся известны в Европе с XV века (Такала, 2002).

Существует несколько версий относительно появления водки на Руси. Общепринятым является взгляд о том, что технология производства спирта была завезена генуэзцами. Известно, что первое знакомство русских со спиртом происходит в конце XIV века. В 1386 году генуэзское посольство, следовавшее их Кафы (Феодосии) в Литву, привезло на Русь спирт. Великокняжеский двор ознакомился с этим напитком и счел его слишком крепким. В 1429 году генуэзцы вновь демонстрируют спирт при дворе Василия

Темного. Зелье на сей раз было признано вредным и запрещено к ввозу в Московское государство (Такала, 2002). Однако вскоре, уже в середине XV века, на Руси появляется собственное винокурение с использованием отечественного ржаного сырья (Похлебкин, 1991).

В Западной Европе первые «водки», то есть напитки, содержащие винный спирт и половину или менее половины объёма воды, получили латинское название «аквавита» (aqua vitae – вода жизни), от которого произошли французское «о-де-ви» (eau-de-vie), английское виски (whisky), польское «оковита» (okowita), являвшиеся или местным звучанием латинского названия или его калькированным переводом на тот или иной национальный язык. Название «живая вода» для водки в России никогда не использовалось. Этот факт известный современный исследователь истории водки В.В. Похлебкин (1991) использует для доказательства независимого происхождения напитка в России. Водка, по его мнению, была получена случайно в результате отклонения от технологического процесса квасоварения.

Значение слова «водка» - вода, но только в уменьшительной форме – диминутиве. Эта форма, а также слова в ней, за исключением личных имен, практически исчезли из современного русского языка. Слово «водка» в русской современной лексике сохранилась благодаря приобретению им терминологического значения. Почти до начала XIX века водкой называли настойку лекарственных трав, например, «водка желудочная», «водка легочная», «водка сердечная» (Похлебкин, 1991). Использование слова «водка» для обозначения алкогольных напитков долгое время считалось просторечием, поэтому в официальных документах до начала XX века для обозначения водки использовался термин «хлебное вино» или просто «вино».

Почему водка на Руси уже вскоре после своего появления становится для государства источником извлечения прибыли? Поскольку запасы меда к XV веку иссякают, его экспорт уже не мог служить существенным источником государственного дохода. Для производства же водки существовала богатая сырьевая база, а затраты на ее производство были не велики, поскольку и тогда стоимость готового продукта в десятки раз превышала стоимость сырья. Если к этому прибавить удобство транспортировки, концентрацию товара большой ценности в малом объёме и полное отсутствие проблемы хранения, т.к. спирт не портится, то всё это превращает водку в идеальный объект для государственной монополии. Как пишет В.В. Похлебкин, «... если бы водки не было, то её непременно нужно было бы выдумать, и не из-за потребностей питья (пьянства), а как идеальное средство косвенного налогообложения» (Похлебкин, 1991; с. 84).

Отметим, что доход от продажи алкогольных напитков и сырья для их производства Русское государство получало и до появления водки. В XII-XIV вв. пчеловодство и варка меда (напитка), как и экспорт меда были одной из важнейших статей дохода княжеского двора. С XIV века появляются княжеские питейные заведения, а вольное кормчество начинает преследоваться как конкурент (Прыжов, 1993).

Первая попытка полностью поставить питейное дело под государственный контроль была осуществлена во второй половине XV века, в период создания единого Русского государства. Известно, что уже при Иване III (1462-1505) за право производства меда, вина, а позднее и водки частные лица должны были платить пошлину. Единственными свободными от государственного контроля очагами винокурения до конца XVII оставались монастыри. Тогда же стали проводиться первые серьезные меры по ограничению пьянства. В частности, алкогольные напитки разрешалось употреблять только по праздникам. При Василии III (1505-1533) были введены дополнительные строгие ограничения употребления алкогольных напитков. Употреблять их систематически было позволено только слугам великого князя и иностранцам (Прыжов, 1992). С. Герберштейн писал (1988; с. 103):

> Именитые мужи чтят праздники тем, что по окончании богослужения устрояют пиршество и пьянство […] Человеку простого звания воспрещены напитки,… но все же им позволено пить в некоторые особо торжественные дни, как, например, рождество господне, праздник пасхи, пятидесятница и некоторые другие.

Основание первого питейного заведения нового типа связано с именем Ивана Грозного. После взятия Казани в 1551 году он запретил продавать водку в Москве, позволив пить ее лишь одним опричниками, и для их попоек построил дом, названный по-татарски кабаком. Позже кабаки распространились и в других городах. Вскоре кабак становится источником значительного пополнения государственного бюджета.

Если доходы корчем складывались естественным образом, то на каждый кабак органами государственного управления была положена определенная выручка. «Царевы кабаки» либо отдавались на откуп, в этом случае сумма ежегодной выплаты в казну была фиксированной, либо содержались государственными управляющими – «кабацкими головами» и «верными целовальниками». Сборщики «на вере» выбирались посадской общиной. Они должны были сдавать весь годовой доход кабака при любых обстоятельствах торговли и обязательно «с прибылью против прежних лет», но в остальном же были полностью освобождены от государственного контроля. При недоборах, указывает И. Прыжов, «казна не принимала никаких оправданий, - ни того, что народ пить не хочет, ни того, что пить ему не на что, - и настоятельно требовала недоборной суммы» (Прыжов, 1993; с. 91). В случае недобора заведовавших кабаками

кабацких голов и целовальников, а чаще обязанных их избирать посадских людей и крестьян ждал «правеж» – пытки и ежедневные публичные избиения до тех пор, пока должники не выплатят требуемую сумму. Таким образом, у народа, по сути, не оставалось выбора: или пить в казенных кабаках, или воздерживаться, но в этом случае кабацкие деньги для казны из населения все равно будут выбиты (Прыжов, 1993).

Установление кабаков и рост значения питейного дохода во многом диктовались превращением Московской Руси в государство-империю с быстрым расширением границ. В течение 25 лет в состав государства были включены обширные территории Казанского и Астраханского ханств, часть Предкавказья, Южный и Средний Урал, положено начало присоединению Сибирского ханства. Империя остро нуждалась в средствах (Афанасьев, 1997; Такала, 2002).

С введением кабаков изменились традиционные для Руси условия употребления спиртных напитков. Кабаки существенно отличались от корчем. Кабак был исключительно питейным заведением. Здесь можно было только пить, закуски не продавались (Прыжов, 1993).

Большую роль в алкоголизации народа сыграла и крепость нового напитка (Сикорский, 1912). В странах с традиционным потреблением вина и пива появление винокурения не привело к смене приоритетов выбора алкогольных напитков среди населения. В России же, напротив, ниша, прежде занимаемая медом, была быстро заполнена новым дешевым напитком, тем более что ввиду ограничений на домашнее приготовление алкогольных напитков никакой иной альтернативы водке не было. Вместе с тем, ритуальные формы употребления, например обычай «пить до дна», насильственно угощать друг друга, пить наравне со всеми, не смея уклониться, укоренившиеся в период раннего средневековья, продолжали жить в народе. В условиях «царева кабака», где основным напитком была водка, они становились опасными (Такала, 2002).

В.М. Бехтерев (1988, с. 80) писал: «Очень важным обстоятельством в деле алкоголизации российского народа стало то, что в XVI веке на смену традиционной корчме приходит «царев кабак», на века ставший неотъемлемым атрибутом русского быта». Появление водки, упадок пчеловодства, уничтожение кормчества и создание системы государственных кабаков радикально изменили «алкогольную ситуацию» (Остроумов, 1914; Соколов, 1915; Прыжов, 1993).

Иностранцы, посещавшие Московское государство в начале XVII в., оставили красочные описания русского пьянства, широко распространившегося во всех сословиях. Немецкий ученый и дипломат Адам Олеарий писал (1986; с):

> Порок пьянство распространен в русском народе одинаково во всех состояниях, между духовными и светскими, высшими и низшими сословиями, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми, до такой степени, что если видишь по улицам там и сям пьяных, валяющихся в грязи, то не обращаешь на них и внимания, как на явление, самое обычное [...] Русские никогда не пропускают удобного случая выпить или опохмелиться чем бы то ни было, но большей частью просто водкою. Они считают за великую честь, если кто в гостях или собраниях им поднесет чарку или более водки, а простой народ, холопы или крестьяне, так ценят такую честь, что если какой-нибудь знатный боярин поднесет им из собственных рук три, четыре и так далее чарок, то они все будут пить из опасения оскорбить отказом до тех пор, пока не свалятся на месте, причем иногда отдают тут и душу Богу ...

Благодаря свидетельствам иностранных путешественников русское пьянство становится известным далеко за пределами России. Однако нельзя забывать, что эти описания относятся, главным образом, к быту крупных городов, таких как Москва или Новгород. Сельское население, особенно там, где не было кабаков, по-прежнему употребляло спиртные напитки в предписанных обычаями случаях: по религиозным и семейным праздникам (Прыжов, 1993).

Установление казенных питейных заведений привело к широкомасштабным негативным последствиям. Предписание ликвидировать корчмы вызвало широкое распространение «тайных» корчем. И откупная система, и продажа на вере оказались благоприятной почвой для коррупции. Кабацкие головы и откупщики воровали и разбавляли напитки, несмотря на предусмотренные для этих преступлений строгие санкции (Соколов, 1915; Прыжов, 1993).

Финансовые злоупотребления кабацких голов, снижение качества хлебного вина из-за хищений сырья и фальсификации, рост взяточничества вызывают в 1648 году «кабацкие бунты» в Москве и других городах России, начинавшиеся из-за невозможности городским и ремесленным населением уплатить «кабацкие долги» и перераставшие в крестьянские волнения (Прыжов, 1993; Такала, 2002).

После подавления бунтов царь Алексей Михайлович реформировал питейное дело. О хорошо разработанном законодательстве здесь говорить не приходится. Не были определены ни порядок несения верных служб, ни порядок сдачи на откуп. Главное содержание соборного уложения 1649 года было направлено на борьбу с кормчеством. Однако продолжавшиеся мятежи заставили правительство вновь вернуться к этому вопросу (Такала, 2002).

Большую роль сыграл в этом новый глава российской церкви патриарх Никон. Его усилиями активизировалась проповедь церкви против пьянства, был принят целый ряд

ограничений продажи спиртного. В 1652 году откупа были отменены, кабаки переименованы в кружечные дворы, введены ограничения на продажу вина и установлена государственная монополия на продажу питей. Тем не менее, пишет И.Прыжов, «московского кабака нельзя уже было искоренить, и тем более одной переменой названия, как нельзя было уничтожить пьянства приказом продавать вино только по одной чарке» (1993; с. 99).

Ограничения просуществовали недолго. С 1660-х годов вводятся различные меры по ограничению домашнего винокурения, существование которого заметно влияло на спрос на вино. В 1663 году начинается частичный возврат к откупной системе. Головам и целовальникам было предписано «стараться, чтобы великого князя казне учинить прибыль, и питухов [пьяниц] с кружечных дворов не отгонять...» (Прыжов, 1993, с. 99).

Сербский священник Юрий Крижанич в 60-е гг. XVII века одним из первых указал на причины народного пьянства в России (1997, с. 324-325):

> Нигде на свете нет такого мерзкого, гнусного и отвратительного пьянства, как здесь, на Руси. А причина этого – корчемная монополия, или кабаки [...] Из-за этой монополии люди не смеют варить себе питья без разрешения приказных, а там им предписывается, чтобы ни выпили питье за три или четыре дня после приготовления и дольше его в доме не держали. Поэтому, чтобы скорее выпить то, что сварено, люди пьют через силу и опиваются... Бедные люди почти всегда бывают лишены питей, и вследствие того они становятся безмерно жадными до вина, бесстыдными и совершенно бешеными, так что какую бы им ни дать посудину вина, они считают божьей и царской заповедью выпить ее одним духом. Если же они соберут немного деньжонок и придут в кабацкий ад, то окончательно взбесятся, так что пропивают все свое домашнее добро и платье с плеч.

Политика Петра I, на 10 лет вернувшего откупную систему, была направлена на максимальное пополнение казны для нужд затянувшейся Северной войны. Увеличивалось число точек продажи вина, у населения конфисковались винокуренные сосуды. В спаивании народа Петр не видел большой беды. Напротив, его имя связывают с ещё более широким внедрением водки в дворянский и простонародный быт. На праздниках («ассамблеях») Петр любил видеть все высшее общество столицы. Привыкнув к простой водке, он требовал, чтобы ее пили и гости, не исключая дам. За уклонение от «служебного веселья» на приглашенных налагался штраф. Опоздавшим или уклонившимся от питья также полагался штраф: подносили огромный кубок, на крышке которого было написано «Пей до дна» («Штрафная»). Часовые следили, чтобы никто из гостей не покинул «ассамблеи» раньше времени (Ключевский, 1989; с. 35-36).

Взгляд на питейный доход как наиболее легко переносимый населением сбор приводил к тому, что правительство постоянно изыскивало средства увеличения этого

вида дохода. До середины XIX продолжается соперничество казенной и откупной систем. Борьба шла с переменным успехом, но откупное лобби было сильнее, так как именно на откупах сделали свои состояния заметнейшие представители купеческих фамилий и дворянства. Несмотря на злоупотребления откупщиков, доход казны был колоссальным, и за русским бюджетом закрепляется название «пьяного» - ни в одной стране мира поступления от напитков не составляли столь высокой доли в доходной части государственного бюджета.

Подготовка к Крымской войне требовала новых средств, и вот, в период с 1847-го по 1851-й год постепенно совершается переход к новой акцизно-откупной системе. Суть ее заключается в том, что государство монопольно производит водку на своих казённых винокурнях и продаёт её откупщику по твёрдой цене с целью получить с него, кроме оплаты, ещё и дополнительную прибыль, которая создается из сумм, полученных откупщиком в результате розничной торговли. Откупщики же, естественно, стремились нажиться как можно больше, получив не только розничную надбавку для казны, но и свою прибыль. Поэтому акцизно-откупная система привела к новым невероятным злоупотреблениям и вызвала сильнейшее народное недовольство. К 1859-у году откупщиков было 146, а служащих у них только на европейской части России – 36148 (Кикта, 1998, с. 29). Откупщики стали мощной группировкой, сконцентрировавшей большие финансовые средства.

В 50-е гг. XIX века откупные суммы на торгах резко поднялись, и, чтобы сохранить уровень прибыли, откупщики стали повышать цены на алкоголь, снижая его качество. По свидетельству И. Прыжова, водку сменила «мутная жижа», практиковались разбавления водой, обмеры, добавление извести и т.п. Названия водок, продаваемых простому народу, были крайне циничны: «Сиротские слезы», «Горемычная», «Пользительная дурь» и т.п. (Прыжов, 1993; с. 111). Снижение качества напитков усугубляло повреждающее влияние алкоголя на здоровье населения (Бехтерев, 1988).

Народ вскоре стал протестовать против сложившегося в продаже водки положения, началось стихийное движение за трезвость среди крестьянства и рабочих. В некоторых губерниях происходили массовые беспорядки и погромы питейных заведений. Поэтому сразу после отмены крепостного права в России, в общем русле хозяйственных и социальных реформ была отменена откупная и введена акцизная система (Такала, 2002).

Новизна акцизной системы, которая начала действовать с 1 января 1863 года, была в том, что главнейшим источником государственного дохода явилось обложение самого продукта потребления. Сущность акцизной системы в следующем: свобода производства спиртных напитков; свобода торговли ими; извлечение казной дохода посредством

обложения выкуриваемого спирта (акциз) и посредством обложения мест производства и продажи питей (патентный сбор), правительственный надзор как за производством, так и за торговлей спиртным (Кикта, 1998).

Единицей обложения готового продукта был градус алкоголя или одна сотая часть ведра безводного спирта. Именно это положение впоследствии привело к созданию Технического комитета, который станет жестко контролировать качество спиртного. Директор департамента неокладных сборов К.К. Грот предложил привлечь к этой работе Д.И. Менделеева, впоследствии разработавшего технологию производства сорокоградусной «эталонной» водки (Кикта, 1998, с. 29).

Однако акцизная система не прижилась в России, причем сразу по нескольким причинам. Во-первых, она не оправдалась экономически - цены на спирт и водку понизились, питейный доход казны, соответственно, упал. Во-вторых, резко снизилось качество водки, так как при низких ценах возросло стремление производителей не проиграть в прибыли, что вызвало многочисленные фальсификации. В-третьих, негативные последствия пьянства, сократившиеся в период борьбы народа с откупной системой, вновь достигли ужасающих размеров, причём не за счет роста объёмов потребляемой водки, а по своим негативным последствиям, поскольку дешёвая низкосортная водка («Дешевка забирает ловко!») привела к катастрофическому росту смертности от опоя (Прыжов, 1993; Такала, 2002).

Эти последствия вызвали попытку реформировать акцизную систему. По новому закону «О раздробительной продаже питей», принятому в 1885 году, питейные дома были упразднены и заменены лавками на вынос. Промышленность начала выпуск водочных бутылок различного, в том числе и малого, объема. Целью названных мер было перенесение употребления водки в домашние условия, однако на деле это привело к широкому распространению уличного пьянства (Сикорский, 1912). Мастеровой люд, купив «четвертинку» водки, тут же выпивал её у дверей лавки залпом для того, чтобы отдать обратно посуду и вернуть её стоимость.

Отсутствие «культуры потребления» водки у народных масс, порождённое несколькими веками существования кабака, препятствовало любым реформам, направленным на ограничение потребления водки в России. Вопрос о введении винной монополии широко обсуждался в стране в 1880-е годы. Активными сторонниками этой идеи был М.Н. Катков, идеолог «народного самодержавия», и славянофил К.П. Победоносцев, которые проповедовали широкое государственное вмешательство в экономику страны. Противники реформы настаивали на том, что финансовый интерес невозможно совместить с борьбой за трезвость. Тем не менее, в 1894 году вводится

государственная винная монополия, и к 1904 году она вступает в силу во всей стране. Задачи реформы были следующие: полностью изъять производство водки и торговлю ею в стране из частных рук; ликвидировать подпольное самогоноварение; повысить качество продаваемой водки; по возможности прививать русскому народу культуру потребления водки. За время своего существования (до 1914 года) система достигла больших финансовых успехов, однако «нравственная сторона» реформы была вновь безнадежно провалена (Такала, 2002).

В начале XX веке употребление алкоголя сельским населением оставалось большей частью эксцессивным, и было связано с религиозными праздниками и случаями, когда употребление алкоголя было предписано обычаем. Например, Д.Н. Воронов (1913) описывает обычай устраивать т.н. «помочи». В период наиболее интенсивных сельскохозяйственных работ в деревне трудно найти работников, так как все крестьяне заняты работами в собственном хозяйстве. Однако в праздники можно найти много желающих выполнить работу не за деньги, а за обильное угощение и выпивку. Такая работа, «помочи», не считалась нарушением правила о праздничном отдыхе. К этому способу найма рабочей силы чаще всего прибегали зажиточные крестьяне, помещики и духовенство, вынужденные рассчитывать исключительно на наемный труд. Вообще широко распространилось использование алкоголя в качестве средства взаиморасчетов. Свадьбы в русских деревнях традиционно сопровождались тяжелой и многодневной алкоголизацией. «Принято думать, что чем шире пьяный размах, тем почетнее свадьба и тем счастливее будут молодые», - писал Д.Н. Воронов (1913).

Система воинской службы также давала поводы к ритуализированному употреблению алкоголя. Во время войны водка выдавалась солдатам трижды в неделю, а моряки получали водку ежедневно. Водка также выдавалась как поощрение за хорошую службу. Солдаты могли получить свою пайку водки деньгами, но никогда этого не делали (Соболевский, 1900).

Наиболее тяжелая ситуация с алкоголизацией наблюдалась в городах, главным образом из-за широко распространившегося уличного пьянства. По наблюдению В.Я. Канеля (1914, с. 466):

> ...Вся улица бывает запружена рабочими, торговцами и тому подобным людом, то и дело выносящим из лавки бутыли с живительной влагой, тут же распиваемой. Через несколько часов вся улица уже пьяна и представляет из себя вертеп беснующихся на все лады... К ночи то там, то сям, под забором лежат уже замертво пьяные, нередко избитые и окровавленные, а иногда и ограбленные...

Мелкие торговцы, рабочие, ремесленники, прислуга, кустари, бездомные и городские алкоголики составляли основной контингент уличных потребителей водки (Григорьев, 1900). Вокруг употребления водки сложился почти религиозный ритуал: выходя их винной лавки с бутылками в руках, люди имели «удовлетворенные, но в то же время серьезные, проникновенные физиономии...». Тут же, у лавки «человек снимает шапку, набожно крестится широким русским жестом и очень серьезно, почти строго, начинает лить в горло водку» (Меньшиков, 1902, с. 32-33).

Первые попытки научного осмысления вреда пьянства предпринимались в России еще во второй половине XVII века. Например, в медицинском руководстве того времени указывается, что от пьянства бывает «исступление ума». Там же разъясняется: «глава есть в теле яко из печи дымная труба в дому. В нее из всего тела, паче же из желудка дым восходит, иже отягчает мозг, ибо две жилы великие протягиваются от мозга до желудка, дым же от пития много мозг повреждает» (цит. по Пруссаку, 1956; с. 404).

В конце XVIII века в России появляются первые книги, посвященные борьбе с пьянством. Среди них изданные в Петербурге «Винопродавец (корыстолюбивый) или вредные последствия, происходящие от обыкновенного подслащивания вин» в 1792 году и «Водка в руках философа, врача и простолюдина» в 1790 году в переводе с латыни. Большое распространение получают брошюры о вреде пьянства, рассчитанные на широкий круг читателей (Григорьев, 1900).

В 20-х гг. XIX века в России публикуются основополагающие труды: К. Бриль-Крамера «О запое и лечении оного» (1819) и Т. Троттера «О пьянстве и влиянии оного на человеческое тело...» (1824) в переводе с английского. Вред алкоголизма впервые получает медицинское обоснование, «до этого времени пьянство скорее привлекало внимание моралистов, нежели врачей: в пьянстве усматривали отвратительную, но не особенно вредную привычку», - писал И.А. Сикорский (1897, с. 15-16).

В 60-х годах XIX века начинается расцвет феноменологического направления в изучении алкоголизма. Большинство подобных работ представлены диссертациями - И.П. Сеченова (1860), С.С. Корсакова (1887), П.И. Ковалевского (1888) и другими.

Социально-гигиенические исследования алкоголизма начинаются в стране с 90-х годов XIX века. В частности, изучались уровень и негативные последствия алкоголизации для населения (Сикорский, 1899; Кроль, 1897; Григорьев, 1900; Коровин, 1907), влияние урбанизации (Норов, 1904; Воронов, 1913). Источниками сведений об уровне и социальных факторах алкоголизации служили официальные данные государственной статистики, бюджетные обследования, проводимые земскими статистиками, сведения,

полученные при помощи «экспедиционного метода», когда сами крестьяне вели записи своих расходов. Широко применялись анкетные опросы.

Социальные исследования алкоголизации приобретают все большую актуальность в начале XX века, в первую очередь как основа для выработки мер борьбы с алкоголизмом.

> Борьба с алкоголизмом, - писал М.Н. Нижегородцев, - должна быть разнообразной в зависимости от тех социальных групп, к которым должна применяться. В особенности это относится к России – стране с населением самым разнохарактерным по материальной обеспеченности, умственному и культурному развитию, расовым и религиозным особенностям, которые имеют столь важное значение в этиологии народного пьянства (Алкоголизм и борьба с ним, 1909, с. 3).

Действительно, как отмечал В.М. Бехтерев (1927), по территории России пьянство распространяется неравномерно, и есть большие группы населения (старообрядцы, сектанты, мусульмане, евреи), которые мало употребляют или вообще не употребляют алкогольные напитки. Вместе с тем, смертность от причин, связанных с употреблением алкоголя, в России была значительно выше, по сравнению с другими европейскими странами (Кроль, 1897; Сикорский, 1899).

Эту особенность российской алкогольной ситуации многие исследователи объясняли тем, что, в отличие от большинства европейских стран, в России сложилась такая грубая форма потребления алкоголя, как разовое потребление больших доз преимущественно крепких спиртных напитков.

> Одно дело – количество потребляемого алкоголя, а другое - способы его потребления, - писал В.М.Бехтерев. При нашей малокультурности сплошь и рядом у нас практикуется питие водки целым стаканом, часто без закусывания и даже на голодный желудок. А в этом случае алкоголь действует много более вредно, нежели при потреблении такого же количества при других условиях (1927, с. 9).

Среди причин столь массивной алкоголизации населения России исследователи называли алкогольные традиции и обычаи, снисходительное отношение к пьянству (Григорьев, 1900; Янжул, 1908б; Воронов, 1913; Сажин, 1914; Бехтерев, 1988). Г.И. Дембо (1909) и В.М. Бехтерев (1927) указывали на низкое экономическое, правовое и культурное положение масс. Государственная винная монополия рассматривалась в качестве одной из основных причин алкоголизации населения (Сикорский, 1897; Янжул, 1908б; Остроумов, 1914; Бехтерев, 1988). Отмечалось также влияние убежденности в пользе алкоголя, распространенной среди населения (Григорьев, 1900; Сажин, 1914), доступности алкоголя (Дембо, 1909). Большое значение придавалось влиянию доли крепких напитков в структуре потребления (Корсаков, 1891; Сикорский, 1897; Алкоголизм и борьба с ним, 1909; Бехтерев, 1988).

Анализировалась и динамика алкоголизации населения. По мнению И.А. Сикорского (1912), до XIX века, безусловно, было распространено пьянство среди населения, но именно 50 – 80-е годы XIX века, т.е. последние годы существования откупной системы и первые годы введения акцизной системы, выбросившей на рынки массу дешевой водки, стали периодом возникновения алкоголизма в России как массового явления. Противоположной точки зрения придерживался И. И. Янжул, который полагал, что пьянство не изменилось с XVII века, а изменилось отношение к нему, так как повысился культурный уровень среднего класса (Янжул, 1908б).

Специализированных государственных учреждений для лечения больных алкоголизмом в конце XIX века не было. С 1894 года начала работать сеть амбулаторий, организованная Попечительствами о народной трезвости. Вопрос о необходимости открытия стационара для лечения больных алкоголизмом впервые был поднят Л.С. Минором в 1887 на съезде отечественных психиатров в Москве. Однако первая лечебница открылась лишь спустя девять лет - в 1896 году в Казани, а в 1898 году – и в Москве. Московская лечебница была платной, казанская осуществляла как платный, так и бесплатный прием пациентов. Основными методами лечения алкоголиков были гипноз, трудотерапия, физиотерапия (Минор, 1888; Григорьев, 1900).

Профилактическую деятельность осуществляли Попечительства о народной трезвости - государственные учреждения, финансировавшиеся из «алкогольного» дохода. В числе их задач было: вести надзор за правильной продажей спиртного, распространять знания о вреде пьянства, издавать антиалкогольную литературу, открывать чайные и читальни, приюты для хронических алкоголиков, поддерживать трезвеннические движения.

В 1898 году группа врачей, юристов, экономистов и общественных деятелей основала при Обществе охранения народного здравия Комиссию по вопросу об алкоголизме. Практически все годы существования ее возглавлял известный петербургский психиатр М.Н. Нижегородцев. За 15 лет своей деятельности Комиссия собрала значительный исследовательский материал (Дембо, 1913). В результате своей работы Комиссия пришла к следующим выводам: 1. Алкоголь – это яд, потребление его вредно в любых формах и количествах. 2. Злоупотребление становится эпидемией, тяга масс к алкоголю неуклонно растет. 3. Злоупотребление зависит, прежде всего, от материальных и иных условий жизни людей.

В декабре-январе 1909-10 гг. Комиссия провела в Петербурге Первый всероссийский съезд по борьбе с пьянством. Съезд стал масштабным событием в науке. На нем были представлены тезисы более 100 докладов, работа форума освещалась на

страницах более чем сорока журналов. Помимо пленарного заседания были проведены три секции: алкоголь и человеческий организм; алкоголизм и общество; меры борьбы с алкоголизмом. В работе съезда участвовали представители министерств: военного, народного просвещения, финансов, морского, внутренних дел, торговли, промышленности; а также университеты: Петербургский, Киевский, Московский, Новороссийский; Императорское вольное экономическое общество; общества трезвости из многих российских городов и другие общественные организации (Лукомский, 1910). В докладах съезда широко освещалась связь алкоголизации с алкогольной политикой государства, критиковалась государственная статистика. В качестве руководящего принципа борьбы с пьянством съезд провозгласил полное воздержание от употребления алкоголя (Труды…, 1910).

Работа комиссии представляет собой наиболее конструктивную и взвешенную позицию на фоне социально-политических страстей вокруг обсуждения алкогольного вопроса в начале XX века. В частности, ученые предлагали ряд мер, направленных на борьбу с народным пьянством. Среди них были экономические меры, санитарное просвещение, привлечение к борьбе с пьянством духовенства, врачей, учителей, борьба с подпольной продажей спиртных напитков, уменьшение числа питейных заведений, снижение крепости водки, распространение безалкогольных напитков (Алкоголизм и борьба с ним, 1909). Члены комиссии пытались донести до правительства результаты своей работы, однако интереса к ним проявлено не было. Основное положение выводов комиссии о вреде алкоголя в любых формах и количествах шло вразрез с государственной политикой умеренного, но систематического употребления алкогольных напитков.

Вокруг идеи умеренного употребления в то время развернулась обширная полемика. Незадолго до первой мировой войны В.М. Бехтереву удалось убедить власти в необходимости создания государственного института для лечения и исследования алкоголизма. Однако, поскольку спонсором института выступило министерство финансов, это позволило сторонникам абсолютной трезвости обвинить организаторов института в стремлении доказать безвредность употребления алкоголя. Против института, в частности, выступал И.П. Павлов в статье «Экспериментальный институт для укрепления вящего господства алкоголя на русской земле» (Павлов, 1912;1988). В.М. Бехтерев, тем не менее, убедительно опроверг подобные домыслы, и институт был открыт в Санкт-Петербурге на базе (?) Психоневрологического института. В целом же к ним проявлено не было, сторонники безвредности умеренного употребления, как представляется, просто оказались более слабыми оппонентами.

Проблема русского пьянства привлекала внимание не только врачей, но и историков. В 1868 году выходит в свет первое обстоятельное исследование по истории питейного дела и пьянства в России, на Украине и в Белоруссии с конца I тыс. нашей эры до середины 1860-х гг. включительно - «История кабаков в России в связи с историей русского народа» Ивана Прыжова. Книга была написана в 1858 – 1863 годах в связи с подготовкой замены питейных откупов общей акцизной системой. Она содержит исчерпывающую для своего времени сводку сведений, собранных из обширного круга опубликованных отечественных и зарубежных источников.

В начале XX века появляется работы Д.Г. Булгаковского (1902), И.И. Янжула (1908а), К.Ф. Гиандера (1908), С. Остроумова (1914), В. Соколова (1915) и другие, освещающие исторические и культурные аспекты пьянства в России. Позже интерес к истории алкоголизации населения России был почти утрачен и возродился вновь уже в середине 80-х гг. XX века.

Резюмируя приведенную здесь краткую историю русского пьянства, отметим, что в России до начала XX века алкогольный вопрос никогда не рассматривался как самостоятельная социальная проблема. Все меры государственной регуляции употребления алкоголя преследовали экономические и политические цели. А.Ф. Кони писал, что история алкогольного вопроса в России напоминает смену картин и настроений, в которой государство и общество оставались сторонним зрителем (Кони, 1989, с. 78). В начале XX века в алкоголизации населения принято было винить социально-экономическое положение и тяжкий труд. После революции, когда вопросы труда были официально признаны урегулированными, причины пьянства обнаружили в «алкогольных традициях». Тем не менее, история вопроса показывает нам, что русское пьянство, считающееся как бы исконной русской традицией, имеет не столь уж глубокие корни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алкоголизм и борьба с ним / Под ред. М.Н. Нижегородцева. СПб.: Тип. П.П. Сойкина. 1909. – 69 с.
2. Афанасьев А.Л. Иван Прыжов: история пьянства и трезвости в России // Общественные науки и современность. 1997. №3. С. 85-93.
3. Бахтин В. Русское застолье // Нева. 1995. №7. С. 229-230.
4. Бехтерев В.М. Алкоголизм и борьба с ним. Л.: Изд. Лен. губпрофсовета. 1927. – 62 с.
5. Бехтерев В.М. Вопросы алкоголизма и меры борьбы с его развитием / В кн.: Классики русской медицины о действии алкоголя и алкоголизме: Избранные труды. / Сост. В.С. Воробьев. – М.: Медицина, 1988. – 304 с.
6. Бриль-Крамер, К. О запое и лечении оного. В наставление каждому, с прибавлением подробного изъяснения для неврачей о способах лечения сей болезни. М.: Университетская тип-я, 1819. – 197 с.

7. Булгаковский Д.Г. Вино на Руси по памятникам народного творчества, литературным и художественным. СПб.: «Сенатская типография». – 1902.
8. Воронов Д.Н. Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Пенза. Тип. Т-ва А.И. Раппопорт и К. 1913. – 57 с.
9. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, -1988. – 423 с.
10. Гиандер К.Ф. Культовое пьянство и древнейший алкогольный напиток человечества. – СПб, 1908. – 57 с.
11. Григорьев Н.И. Алкоголизм как общественное зло. СПб.: Тип. П.П. Сойкина. 1894. – 16 с.
12. Григорьев Н.И. Алкоголизм и преступность в Петербурге. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1900. – 246 с.
13. Дембо Г.И. Очерк деятельности комиссии по вопросу об алкоголизме за 15 лет. 1898-1913. СПб. 1913.
14. Дембо Г.И. Причины алкоголизма народных масс / Алкоголизм и борьба с ним / Под ред. М.Н. Нижегородцева. СПб.: Тип. П.П. Сойкина. 1909. С. 22-26.
15. Канель В.Я. Алкоголизм и борьба с ним. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина.1914. – 532 с.
16. Карамзин Н.М. Предания веков. Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского» / Сост. Г.П. Макогоненко. - М.: «Правда», 1988. – 768 с.
17. Кикта С.В. К.К. Грот и борьба с винными откупами в России // Московский журнал. 1998. №8. С. 28-29.
18. Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения в 9-ти томах. Т. IV. М, 1989.
19. Кони А. Ф. Избранное / Сост., вступ. ст. и примеч. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова. - М.: Сов. Россия, 1989. - 496 с.
20. Коровин А. Опыт анализа главных факторов личного алкоголизма. М.: Тип. В. Рихтер. 1907.- 94 с.
21. Корсаков С.С. Курс психиатрии. М.: Тип. Д.И. Иноземцева. 1891. – 338 с.
22. Корсаков С.С. Об алкогольном параличе. М.: Тип. И.Н. Кушнерева и К., 1887. – 462 с.
23. Крижанич Ю. Политика. – М.: «Новый свет», 1997. – 527 с.
24. Кроль Т. К вопросу о влиянии алкоголизма на заболеваемость, смертность и преступность. СПб.: Тип. Штаба отд. корп. жандармов. 1897. – 161 с.
25. Лукомский М. Трезвый съезд // Современный мир. 1910. № 2. с. 59.
26. Меньшиков М.О. Поклонение алкоголю // Вестник трезвости. 1902. № 88.
27. Минор Л.С. К вопросу о пьянстве и его лечении в специальных заведениях для пьяниц // Труды I съезда отечественных психиатров. М. 1888. с. 93.
28. Норов В. Казенная винная монополия в свете статистики. Часть 1. Потребление вина. Участие общества в борьбе с пьянством и в организации виноторговли. СПб.: Тип. Н.Н. Кломбукова. 1904. – 114 с.
29. Пруссак А. Изучение алкоголизма и лечение его в России во II пол. XVII века // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Т. 56. Вып. 5. с.404. (Год?)
30. Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М.: О-во истории и древностей российских при Московском университете. – 1870. – 1174 с.
31. Остроумов С. Из истории пьянства на Руси. СПб.: Тип. Алекс. - Невск. О-ва трезвости. 1914. – 38 с.
32. Павлов И.П. Экспериментальный институт для укрепления вящего господства алкоголя на русской земле (1912) / В кн.: Классики русской медицины о действии алкоголя и алкоголизме: Избранные труды. / Сост. В.С. Воробьев. – М.: Медицина, 1988. – 304 с.
33. Похлебкин В.В. История водки IX – XX вв. М.: Интер-Версо. - 1991. – 285 с.
34. Прыжов И. История кабаков в России // Отечество. Краеведческий альманах. 1993. №4. (первое издание 1868 г.)

35. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. – М.: «Автор». – 1992. – 617 с. Репринт изд. 1880 г.
36. Сажин И.В. Меры борьбы с народным пьянством / Алкоголизм и борьба с ним / Под ред. М.Н. Нижегородцева. СПб.: Тип. П.П. Сойкина. 1909. С. 27-30.
37. Сажин И.В. Психологические основы алкоголизма и роль духовенства в борьбе с ним. СПб.: Тип. Алекс. – Невск. О-ва трезвости. 1914. – 30 с.
38. Сеченов И.П. Материалы для будущей физиологии алкогольного опьянения. СПб.: Тип. Я. Трей, 1860. – 64 с.
39. Сикорский И.А. Алкоголизм и питейное дело. М.: И.Н. Кушнерев и К. 1897. – 56 с.
40. Сикорский И.А. Надвигающийся великий кризис от вина. 2-е изд. Киев. Тип. С.В. Кульженко. 1912. – 16 с.
41. Сикорский И.А. О влиянии спиртных напитков на здоровье и нравственность населения России. Киев: И.Н. Кушнерев и К., 1899. – 98 с.
42. Соболевский А.В. Очерк литературы по вопросу об алкоголизме в войсках // Журнал русского общества охранения народного здравия. 1900. № 10. С. 775-802.
43. Соколов В. Пьянство на Руси в эпоху первых Романовых и меры борьбы с ним // Голос минувшего. 1915. №9.
44. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. / Сост. С.С. Дмитриев. – М.: «Правда», 1989. – 768 с.
45. Такала И.Р. Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России. – СПб.: «Журнал «Нева». – 2002. – 336 с.
46. Топорков А. Принимался он за питье за пьяныя... // Родина. 1997. №7.
47. Троттер, Т. О пьянстве и влиянии оного на человеческое тело в физическом и нравственном отношении с показанием способа лечить пьянство. Пер. с англ. СПб.: Тип. Мед. деп. Мин. вн. дел., 1824. – 143 с.
48. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством 28 декабря 1909 – 06 января 1910 гг. В 3-х томах. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1910.
49. Янжул И.И. История пьянства и борьбы с ним. СПб.: Просвещение. - 1908а – 43 с.
50. Янжул И.И. Пьянство как социальный недуг и борьба против него. СПб.: Просвещение. - 1908б – 96 с.

Глава 2. Исторические тенденции в алкоголизации населения России (по данным официальной статистики)

В настоящей главе рассматривается историческая динамика употребления алкоголя населением России в XIX-XX вв. на основе данных официальных статистических публикаций. Подобная динамика рассматривается как результирующая переменная действия широкого ряда социально-экономических, социально-психологических и историко-культуральных факторов. Конечно, действие подавляющего их большинства может только гипотезироваться в объяснительной теоретической модели уровня популяционного потребления алкоголя.

Наиболее очевидны, а потому часто принимаются за определяющие те факторы, которые связанны с государственной политикой в сферах производства, потребления и нейтрализации негативных эффектов употребления алкогольных напитков. Подобная политика может быть охарактеризована по двум основным направлениям - способу прямого или косвенного налогообложения употребления спиртных напитков и методам прямого государственного регулирования уровня употребления.

За рассматриваемый исторический период в России был предпринят целый ряд попыток прямого государственного регулирования уровня употребления алкогольных напитков. Первая из них была осуществлена царским правительством вначале первой мировой войны, и получила название “сухого закона”. Он обосновывался потребностями проведения воинской мобилизации, вводился на время войны, и применялся, хотя неполно и непоследовательно, с 1914 г. В 1919 г. СНК РСФСР как бы продолжил действие “сухого закона”, запретив своим постановлением изготовление и продажу спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ, за исключением легких виноградных вин. Окончательная отмена “сухого закона” произошла в 1925 г.

Две следующие попытки государственного регулирования связаны с постановлениями ЦК КПСС 1970-1974 гг. и 1985 г. Меры 1970-х годов включали ограничение места и времени продажи крепких спиртных напитков; запрет производства 50-ти и 56-и градусной водки; снижение производства крепких напитков и повышение производства пива и винной продукции; усиление преследования за изготовление самогона; и, наконец, принудительное лечение алкоголиков («трудовое перевоспитание»).

Меры 1985 года предусматривали сокращение производства спиртного с 11-12 литров до 3 литров в год на душу населения; усиление борьбы с самогоноварением; осуществление профилактики пьянства.

В обоих случаях, согласно оценке Б.М. Левина и М.Б. Левина (1988), сколько-нибудь существенного снижения уровня употребления достигнуто не было, поскольку

население компенсировало снижение производства и продажи спиртных напитков самогоноварением. Эта оценка основывается на потреблении сахара, так как сахар выступает первичным сырьем для 3/4 всего объема изготовляемого населением самогона.

С началом рыночных реформ (с января 1992 года) государственная монополия на производство и торговлю спиртным была временно отменена. На алкогольный рынок хлынула не облагаемая акцизами алкогольная продукция, а также значительное количество фальсификатов. В 1993 году государственная монополия на производство и реализацию алкогольной продукции была восстановлена.

Последующий ряд событий в сфере российской алкогольной политики относится уже ко второй половине 2000-х гг. В 2006 году были приняты поправки к «Федеральному закону о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции». Наступившие изменения алкогольной политики были направлены на усиление государственного контроля экономики оборота спиртосодержащих напитков, вытеснение с рынка нелегальных и мелких производителей, увеличение бюджетных поступлений от продажи алкоголя и повышение его качества. Суть поправок заключается в требовании повышения уставного капитала для предприятий - производителей спирта и спиртосодержащей продукции, а также предприятий розничной торговли. Это привело, как и следовало ожидать, к ликвидации мелких производителей спирта и алкогольной продукции, а в ряде регионов - и мелких торговых точек, т.е. к «укрупнению» предприятий отрасли.

С 1 июля 2006 г. существенно ужесточены правила торговли спиртными напитками. Функция лицензирования соответствующих предприятий закрепляется за субъектами Российской Федерации. При этом регионы наделяются правом ограничивать время продажи алкогольной продукции крепостью более 15 процентов. Кроме того, продажа крепкого алкоголя запрещается в местах массового скопления граждан, на вокзалах, в аэропортах, метро, на оптовых продовольственных рынках, объектах военного назначения, а также в ларьках, палатках и с рук.

В июле 2006 года произошла смена действовавших акцизных марок и внедрение Единой государственной автоматизированной информационной системы (ЕГАИС) электронной регистрации алкоголя. Замена марок потребовала времени, что привело к снижению доступности алкоголя для потребителей из-за его недостаточного количества в магазинах в летние месяцы этого года. Наконец, запрет на экспорт молдавских и грузинских вин дополнил картину событий на алкогольном рынке России в 2006 году.

Переходя к анализу уровня алкоголизации в российской популяции за период XIX в. - середины 2000-х гг.., необходимо указать на некоторые методические особенности

использованного в работе подхода. Прежде всего, он основывается на системе отражающих алкоголизацию населения показателей, рекомендованной ВОЗ относительно информации, имеющейся для страны в целом (см.: Рутман, Моузер, 1988). Вместе с тем, в полной мере учитывались особенности, присущие государственной статистической системе России.

За рассматриваемый период территориальные границы России неоднократно менялись в значительных пределах. Здесь принят подход к России, как к исторически сложившемуся единому государству, имеющему определенное территориально-этническое “ядро”. Другими словами, использовались те статистические данные, которые на каждый данный момент в наибольшей мере отражали состояние этого “ядра”, представляющее интерес на сегодняшний день, а не состояние отдельных территориально-государственных или административных образований..

Для дооктябрьской России таким “ядром”, безусловно, являлись Европейские губернии. Следует отметить, что корректность выбранного подхода основывается и на различиях в способах взымания питейного налога (монопольные и привелигированные губернии) и просто на отсутствии многих данных по Азиатской России в статистике царского периода. Для советского периода, в силу планомерного перераспределения товарных и денежных потоков внутри страны, более правомерным, напротив, представляется использование данных по стране в целом. С 1990 г. вновь используются данные по собственно России.

Таким образом, использование статистических данных было ориентировано не столько на валидность первичных “точечных” оценок употребления алкоголя (внутреннюю валидность), сколько на валидность отражаемых ими исторических трендов (внешнюю валидность). Все “моментные” оценки, используемые в работе, кроме иллюстративных, а также данных по индустриальному абсентеизму и семейным бюджетам, являются расчетными, то есть основаны на абсолютных цифрах. Здесь необходимо отметить, что сами эти значения в различных официальных статистических изданиях могут существенно различаться (до 6-и значений по одному и тому же показателю!). В соответствии с общими принципами статистического анализа в таких случаях брались оценки, наиболее близкие к соседним членам динамических рядов. Особенно сильно влияет на надежность конечных оценок рассогласованность данных по численности населения. Она максимальна для 1913 г. (около 10 млн. чел.), 1940 г. и 1963 г. (более 3 млн. чел.).

Сравнение полученных расчетных значений с соответствующими значениями, приводимыми в статистических источниках (кросс-валидизация), не показало различий,

выходящих за пределы различий в статистических базах оценок. Конечно, за советский период существуют лишь косвенные данные об уровнях алкоголизации населения. Однако историческая преемственность советской и царской систем государственной статистики делают, на наш взгляд, вполне допустимыми некоторые динамические сопоставления. Отбор статистических источников, использованных в работе, основывался: для источников до 1991 г. - на библиографиях статистических изданий, для источников после 1991 г. - на сплошном анализе официальных статистических публикаций.

Система государственной статистики России, сложившаяся на протяжении XIX - XX веков, содержит в себе 83 показателя, из которых расчетным путем могут быть получены 79 интенсивных и экстенсивных коэффициентов, отражающих уровень употребления алкогольных напитков населением. Наиболее информативные из них приведены в таблице 1, таблице 2 и таблице 3. Таблицы наглядно демонстрируют, что только по объему денежных поступлений от продажи спиртных напитков и по наличию в стране сахара могут быть получены непрерывные динамические ряды за последние 115 - 145 лет. Все остальные показатели отражают динамику алкоголизации лишь за определенные, относительно короткие исторические периоды, причем сам набор показателей зависит от экономической системы, мер государственного регулирования употребления и информационной политики, существовавших в эти периоды. Отсюда ясно, что только анализ, основанный на всей совокупности имеющихся показателей употребления алкоголя, может сформировать сколько-нибудь приближенное к реальности представление о наблюдающейся здесь исторической динамике.

Таблица 1

Производство, импорт и продажа сахара, этилового спирта и алкогольных напитков в натуральном выражении на душу населения*

Годы	Сахар, кг		Спирт этиловый, абс. алк., л., производство
	Производство и импорт	Продажа	
1860	7,2 (1864)	-	5,3 (1863)
1870	-	-	5,5 (1867)
1880	10,0 (1882)	-	5,1 (1881)
1890	15,5 (1897)	-	3,8 (1885)
1900	17,2	-	-
1910	5,0	3,9 (1913)	3,2 (1913)
1920	0,8	7,2 (1916)	1,0 (1916)
1930	11,0	-	1,8
1940	14,6	-	4,7
1950	20,1	-	4,1
1960	40,1	-	8,0
1970	50,6	-	-

1980	48,1	-	-
1990	32,7	28,3	-
1995	32,2	17,1 (1992)	4,1
1998	-	16,8	3,4
2001	-	18,9	5,7
2002	61,6	20,7	6,2
2003	58,4	20,4	6,3
2004	48,2	27,3	6,,4
2005	56,0	29,4	6,5

Годы	Алкогольные напитки, абс. алк., л.			
	Производство	Доля крепких напитков, %	Продажа	Доля крепких напитков, %
1860	-	-	4,2 (1863)	-
1870	-	-	5,0 (1867)	-
1880	-	-	3,4 (1885)	-
1890	-	-	1,0 (1896)	-
1990	-	-	2,5	-
1910	3,9 (1913)	89,8 (1913)	3,0	90,8
1920	-	-	-	-
1930	-	-	-	-
1940	2,2	86,9	-	-
1950	2,2 (1952)	79,7 (1952)	-	-
1960	3,8	68,9	4,7	74,2
1970	6,6	62,0	6,5	60,4
1980	8,5	58,9	8,2	56,2
1990	5,3	73,7	5,4	71,5
1995	4,0	85,1	6,5	80,0
1998	3,4	69,7	7,6	79,3
2001	5,8	63,7	8,3	71,0
2002	6,3	63,1	8,7	69,5
2003	6,4	60,6	9,1	67,8
2004	6,7	52,1	9,5	64,3
2005	6,7	50,6	9,7	62,6

Таблица 2

Объем продажи алкогольных напитков в денежном выражении и условия продажи*

Годы	Доля продажи алкогольных напитков в доходной части гос.бюджета - объеме розничного товарооборота, %	Доля расходов на алкоголь в семейных бюджетах, %
1860	41,2 **	-
1870	33,4 (1873)	-
1880	34,3	-
1890	25,0 (1891)	-
1990	18,2	-
1910	15,7 (1912)	-
1920	3,4 (1922)	5,0 (1923)
1930	5,1	-
1940	15,9	2,8

1950	14,7	2,8 (1952)
1960	15,8	4,6
1970	17,4	4,9
1980	15,9	4,3
1990	11,8	4,1
1995	6,0 (8,3)	2,6
1998	9,0	2,6
2001	10,1	2,4
2002	10,4	2,2
2003	10,4	2,2
2004	9,9	2,1
2005	9,3	1,9

Годы	Специализированные винно-водочные магазины - лицензии	
	Количество жителей на 1 магазин (лицензию), тыс. чел.	Доля от общего числа продовольственных магазинов, %
1860	0,5 (1867)	-
1870	-	-
1880	4,5 (1897)	-
1890	-	-
1990	3,4	-
1910	5,6	-
1920	36,0 (1923)	-
1930	-	-
1940	51,1	10,7
1950	64,2	6,4
1960	355,6	0,8
1970	260,8	0,5
1980	54,8	2,1
1990	73,9	3,4
1995	98,9 (1992)	1,6 (1992)

* В скобках год, на который имеются данные;
** 1832 г. - 26%; 1840 г. - 28,4%; 1850 г. - 31,7%.

Таблица 3

Социальные последствия алкоголизации*

Годы	Алкоголизм и металкогольные психозы на 100 тыс. чел.		Койки наркологические на 10 тыс. чел.	Смертность на 100 тыс. чел.	
	Инцидент	Превalенс		Несчастные случаи, отравления, травмы	По причинам, связанным с употреблением алкоголя
1860	-	-	-	-	3,1 (1862)
1880	-	-	-	-	0,7 (1882)
1970	95,8	-	-	142,0	-
1980	244,2	1236,0	2,6	141,0	12,3 (1985)
1990	152,0	2170,0	4,9	133,7	12,3

1995	155,5	1927,2	2,4	236,6	39,2
1998	110,9	1554,0	2,1	187,5	21,6
2001	140,5	1530,0	2,1	230,1	37,4
2002	154,8	1544,0	2,1	236,8	42,3
2003	159,1	1547,0	2,1	233,6	44,0
2004	153,1	1548,0	2,1	327,1	42,7
2005	147,4	1547,0	2,1	315,9	40,9

Годы	Индустриальный абсентеизм, на 1-го работающего в промышленности, дн.**	Преступления и покушения, соверш. в сост. алкогольного опьянения***, %	Осуждены	
			За нарушение антиалкогольного законодательства****, %	Напр. на принуд. лечение по поводу алкоголизма**** %
1860	-	-	1,4	-
1870	-	-	2,3 (1867)	-
1920	23,6	-	-	-
1930	4,5	-	-	-
1970	2,5	-	-	-
1980	1,6	40,6 (1986)	15,4 (1986)	11,2 (1987)
1990	1,2	53,0	9,0	8,4
1995	4,8	23,6	-	-
1998	-	18,8	-	-
2001	-	13,7	-	-
2002	-	12,9	21,9	-
2003	-	10,8	-	-
2004	-	10,4	-	-
2005	-	8,8	-	-

* В скобках год, за который имеются данные; ** прогулы и неявки без уважительных причин; *** От числа преступлений и покушений; **** От числа осужденных.

Первая группа показателей употребления алкогольных напитков отражает уровень производства и продажи их населению, а также сырья для их изготовления (табл. 1). Производство спирта и спиртосодержащих продуктов в абсолютном (то есть безводном) алкоголе на душу населения в 1860-х годах превышало пять литров и нарастало, хотя и незначительно, в 1870-х годах, после чего резко снизилось к 1920-м - 30-м годам до 1,0 - 1,8 л., с подъемом до 8 л. и более литров в 1960-х и 1980-х годах при некотором спаде в 1970-х. В 2000-х гг. наблюдается неуклонный рост этой цифры, и сегодня она наиболее высока, начиная с периода 1980-х годов.

Следует отметить, что, начиная с 70-х годов XX в., и до сего времени уровень производства этилового спирта стал соответствовать его уровню в производстве алкогольных напитков. Подобная учетная ситуация не уникальна, и наблюдалась, например, в 1895-м - 1900-м гг. Здесь не ясно, откуда берется спирт, используемый для технических и медицинских целей, однако уровень производства спирта полностью

характеризует и уровень производства спиртосодержащих продуктов. В остальные годы уровень производства спирта, был, естественно, выше, чем уровень его содержания в спиртных напитках, за исключением 1913-го года, когда отмечалось некоторое превышение спирта в алкогольных напитках, по-видимому, за счет продуктов дрожжевого производства. Действительно, производство пива в этом году достигло 80,6 млн. дал, цифры, не наблюдавшейся до конца 1930-х годов.

Рассмотрим детальнее те периоды, в течение которых наблюдались резкие изменения в объеме производства алкогольных напитков. После 1870-х годов снижение производства алкоголя носило достаточно плавный и постепенный характер, а с периода введения “сухого закона” поддерживалось на уровне 1 л. чистого алкоголя на душу населения. Однако с начала 1920-х годов уровень производства стал быстро нарастать, и составил в 1922-23 гг. 1,1% в общем объеме валовой продукции, а в 1924-25 гг. - уже 2,2%. Резкий подъем производства алкогольных напитков отмечается в 1933-37 гг., когда количество абсолютного алкоголя на душу населения увеличилось с 2,3 л. до 4,7 л., то есть более чем вдвое. Соответственно, в 1935 г. доля винокуренного, дрожжевого и водочного производства в общем объеме валовой продукции пищевой промышленности достигала 7,5%. Подъем производства 1960-х годов достиг, по-видимому, максимума в 1963 г., когда было произведено 8,8 л. абсолютного алкоголя на душу населения. В 1980-х годах этот уровень не превысил 8,5 л., и снизился быстрее, чем в 1960-х годах. Для 2000-х годов этот уровень характеризуется непрерывным нарастанием, хотя сегодня еще не достигает уровня 1980-х годов.

Уровень продажи алкогольных напитков значительно точнее отражает реальное употребление алкоголя в населении, однако данные о продаже носят более фрагментарный характер, чем данные о производстве. В общем, уровень продажи до конца 1980-х годов был закономерно ниже уровня производства, благодаря наличию товарных запасов у производителей, торгующих организаций, и, наконец, у самого населения. Уровень продажи алкогольных напитков оказался значительно выше уровня производства в 1960-х годах, что при высоком уровне производства этилового алкоголя вызывает сомнение в достоверности данных об уровне производства алкогольных напитков. В 1990-х годах подобное различие, как будет показано далее, объясняется импортом.

В XIX в. максимальный уровень проданных алкогольных напитков, 5 л. на душу населения, отмечался на рубеже 1860-70 гг., а в XX в. такой же уровень был вновь достигнут на рубеже 1960-70 гг., однако продолжал повышаться до 8,2 л. к 1980 г., с последующим постепенным снижением. К концу 90-х гг. XX в. уровень продаж алкоголя

резко возрос, достигнув к 2001 г. уровня 1980 г., и продолжал увеличиваться. В настоящее время (2005 г.) значение этого показателя, существенно превзошло все максимумы прежних лет, и достигло 9,7 л. на душу населения. Минимальный уровень продажи, 1 л. на душу населения, отмечался в последние годы XIX в..

Анализ динамики потребления сахара в стране отчетливо указывает на мнимый характер снижения употребления алкоголя, отражаемый в снижении уровня его продажи. В XIX в. уровень потребления сахара в пищевом рационе был в России традиционно низким, и свеклосахарное производство в стране стало быстро развиваться лишь с 1826 г., когда были повышены таможенные пошлины на ввозимый сахар. К середине века отечественная промышленность уже полностью удовлетворяла потребности внутреннего рынка. Вновь сахар стал импортироваться фактически с начала 1950-х годов, поскольку ранее такие закупки носили разовый характер, и не составляли существенной доли имеющегося в наличии в стране сахара.

1928 г. - 0,4%	1960 г. - 2,8%	1995 г. - 45,5%
1938 г. - 0,02%	1963 г. - 1,6%	2000 г. – 75%
1950 г. - 11,1%	1992 г. - 39,4%	2005 г. – 58%

Уже в начале 1960-х годов зависимость от импорта была практически преодолена. С 1992-го года в качестве импорта из стран СНГ стали учитываться поступления на внутренний рынок России из основных сахаропроизводящих районов бывшего СССР. Таким образом, долей импорта сахара в 1950-х и 1990-х годах нельзя пренебречь, и она учтена в данных табл. 1.

Сопоставление данных о производстве и продаже сахара не позволяет получить столь отчетливой картины, как при сопоставлении аналогичных данных по спиртосодержащим продуктам. В 1910 г. и в 1990-х годах уровни продажи были ниже уровней наличия сахара в стране, однако это различие весьма неравномерно по годам. В 1916 году, напротив, уровень продажи оказался в 9 раз выше уровня производства и импорта для 1920 года, что позволяет предположить существование в этот период широкомасштабного неучтенного производства и/или импорта сахара.

В целом же обнаруживается чрезвычайно жесткий параллелизм увеличения производства - импорта сахара и снижения производства - продажи алкогольных напитков. В XIX в. подобный рост устанавливался в 1880-х - 1890-х годах. После некоторого снижения в начале XX века рост вновь начался с 20-х годов, и в 40-х - 50-х годах наличие в стране сахара достигало уровня 1990-го года. Резкий подъем данного показателя (вдвое!) отмечается на протяжении 1950-х годов, затем (на 1/4) - в 1970-х годах, с практически неизменным уровнем до конца 1980-х годов. Только в 1990-х годах здесь наметилось

устойчивое снижение до уровня физиологически обоснованных норм потребления. В 2000-х годах, однако, произошел резкий рост уровня производства и импорта сахара, который оказался вдвое выше уровня 1990-х гг., равно как и максимальных показателей производства и импорта за прежние годы.

О масштабах, которые приобретало самогоноварение в периоды проведения ограничительно-запретительных мер, позволяют судить некоторые косвенные данные. Так, за изготовление, сбыт и хранение крепких спиртных напитков домашней выработки было осуждено (на 100 тыс. чел.):

1924 г. - 654	1986 г. - 0,04
1925 г. - 447	1989 г. - 0,77
1926 г. - 191	1990 г. - 0,91
1927 г. - 122	1993 г. - 1,77

Приведенные данные демонстрируют значительно большую жесткость карательных мер в начале XX в., чем в конце века. Для наглядности укажем, что количество осужденных за приготовление и сбыт спиртных напитков в Ленинградской области, включая Ленинград, в 1924 г. составило 2037 чел., что практически равняется количеству осужденных по данному составу по всей стране в 1991 году (2045 чел.). Это, однако, не означает соответствующего уменьшения масштабов самогоноварения. Действительно, в 1989 г. доход от производства и продажи самогона в “теневой экономике” составил 23 млрд. руб., что равняется 46,1% уровня продажи алкоголя в ценовом выражении для данного года, а в 1990 г. - 35 млрд. руб., что равно уже 63,4% уровня продажи алкоголя по официальным каналам реализации в этом году.

Любопытно, что государственные органы периодически пытались бороться с самогоноварением путем замены в продаже сахара-песка сахаром-рафинадом. Соотношение этих двух товарных видов сахара таково.

Годы	Сахар-рафинад	Сахар-песок	Годы	Сахар-рафинад	Сахар-песок
1887	1	1,3	1960	1	3,3
1900	1	1,5	1970	1	5,4
1910	1	2,3	1990	1	3,5
1915	1	1,8	1995	1	36,9
1920	1	5,2	1998	1	47,4
1930	1	7,0	2001	1	89,2
1940	1	3,0	2002	1	103,1
			2003	1	83,0

Приведенные данные хорошо иллюстрируют эффективность подобных мер: вслед за ограничением производства и продажи алкогольных напитков возникала

необходимость увеличения производства и/или импорта сахара-песка. Заметно, что эта мера использовалась в 1914, 1930-х и 70-х. После 1995 года рафинад вообще в политике не задействован и его доля в продаже ничтожна.

Отсюда становится очевидно, что рост уровня продаж алкогольных напитков является только частью роста уровня алкопотребления в стране в 2000-е годы. Другая часть формируется самогоноварением, распространение которого в условиях рыночной экономики обусловлено, по-видимому, высокой относительной стоимостью алкогольных напитков в легальном обороте.

В целях нейтрализации последствий высокого уровня употребления крепких алкогольных напитков широко рекомендуется их замена в производстве и продаже на более слабые и безалкогольные напитки. С 1910-х и до 1980-х годов наблюдается устойчивая тенденция снижения доли ликеро-водочных и коньячных изделий в общем количестве спиртосодержащих напитков.

Однако уже с конца 1980-х годов доля крепких спиртных напитков сначала в производстве, а затем и в продаже, начинает быстро нарастать, несмотря на то, что за период 1980 - 90 годов производство на душу населения в России минеральной воды увеличилось в 1,9 раза, а безалкогольных напитков - в 1,5 раза. В 1995 г. доля производства крепких спиртных напитков сравнялась с уровнем 1950-го года. Однако уже с конца 1990-х годов доля крепких напитков и в производстве, и в продаже постепенно, но неуклонно снижается, достигнув своего исторического минимума к 2005 г. На фоне столь высокого уровня производства и продажи крепких алкогольных напитков это снижение их доли, по видимому, следует связать с опережающим ростом производства и продажи слабоалкогольных и безалкогольных напитков.

Вторая группа показателей, отражающих потребление алкоголя в популяции, связана с их продажей в денежном выражении, а также с условиями продажи (табл. 2). Доля дохода от продажи алкоголя в доходной части государственного бюджета царской России с периода введения акцизной системы определялась денежным объемом акцизов с продажи алкоголя. Уже с момента повторного введения откупной системы доходы бюджета стали, хотя и медленно, нарастать. Максимальный их уровень был достигнут к 1860-у году (свыше 40% доходной части бюджета), после чего началось относительно медленное снижение (до менее чем 16% в доходной части бюджета). Бюджет царской России получил в литературе справедливое название “алкогольного”. Например, в период с 1844 г. по 1863 г. доходы бюджета превысили расходы только в 1859 г., причем исключительно за счет повышения питейно-откупной суммы.

В течение XIX в. уровни производства алкоголя соответствовали уровням дохода бюджета от его продажи. Собственно, только значительное снижение доли доходов от продажи алкоголя в бюджете и сделало возможной попытку введения “сухого закона”. В социалистический период до 1922 г. уровень доходов от продажи алкоголя по-прежнему определялся суммой акцизов, составлявшей в этом году чуть более 3% доходной части бюджета.

Далее доходы от продажи алкоголя перестали фигурировать в статистических данных, однако представление об их уровне можно получить на основе доли алкогольных напитков в общем объеме розничного товарооборота. В 1930 г. названная доля несколько превышала 5%, но уже по материалам торговой переписи 1935 г. для городских предприятий торговли эта доля равнялась 49,3%, при том, что винно-гастрономические магазины составляли 22,7% от всех городских продовольственных магазинов (22,5% - по торговой площади).

Далее уровень продажи алкогольных напитков не приводился; - их маскировали рубрикой “другие продовольственные товары”. Покажем состав рубрики по годам, для которых эти данные имеются (в соотношениях).

	1940	1950	1958	1980	1985	1990
Алкогольные напитки	3,4	6,6	8,6	8,8	7,0	4,4
Безалкогольные напитки						
Другие продовольственные товары	1	1	1	1	1	1

Легко заметить, что именно в годы наиболее высоких уровней продажи алкогольных напитков их доля в структуре “других продовольственных товаров” была максимальной, что позволяет приравнять, хотя и с некоторой коррекцией, эту рубрику к доле алкогольных напитков в общем объеме розничного товарооборота. Как видно из табл. 2, названная доля в течение периода 1940-х – 1980-х годов поддерживалась на уровне 15%-16%, соответствующем уровню 1912-го года, что позволяло относительно безболезненно для бюджета страны проводить различные ограничительные меры.

К началу 2000-х гг. доля продажи алкогольных напитков в объеме розничного товарооборота стабилизировалась на уровне около 10%, причем к середине 2000-х проявилось тенденция даже к ее некоторому снижению.

Специального рассмотрения требует ситуация, сложившаяся в 1990-х годах, когда доля алкогольных напитков в общем объеме розничного товарооборота снизилась к 1995 г., по сравнению с 1980 г., втрое. С 1992 г. осуществляется попытка возврата к акцизной

системе взымания “питейных сборов”. Покажем доли поступлений в доходную часть бюджетов страны от всех подакцизных товаров.

1992 г. – 4,0%	1993 г. – 3,6%	1994 г. – 4,2%	1995 г. – 3,2%

А далее?

Ясно, что эти цифры ни в коей мере не отражают уровня потребления алкогольных напитков населением. Действительно, доля розничного товарооборота в официально неучтенных каналах реализации в 1990-х годах составила:

1990 г. - 7,5%	1992 г. - 34,1%
1991 г. - 11,3%	1993 г. - 36,7%
	1994 г. - 38,8%

Импорт алкогольных и безалкогольных напитков из стран “дальнего зарубежья” в денежном выражении за эти годы составил доли, равные следующим долям сумм продажи алкогольных напитков в розничном товарообороте:

1992 г. - 8,0%	1994 г. - 15,5%
1993 г. - 25,8%	1995 г. - 27,4%

То же.

Следовательно, можно допустить замещение в общем объеме продажи алкогольных напитков официально учитываемого объема импортом и нелегальным производством, с реализацией по официально неучтенным каналам. Поскольку все рассмотренные показатели отражают нелегальные производство и продажу алкогольных напитков только косвенно, можно лишь предполагать, насколько на их основании требуют корректировки официальные статистические данные, показывающие снижение уровня употребления алкоголя в 1990-х годах.

О реальности такого снижения говорят, между тем, и данные по долям затрат на алкоголь в семейных бюджетах. С 1923 г., когда начали проводиться систематические бюджетные обследования, максимальный относительный уровень затрат на алкогольные напитки наблюдался именно в начале 1920-х годов (5%). Приближение к этому уровню (4,9%) отмечалось и в 1970-х годах, то есть в периоды наиболее последовательного проведения ограничительных мер. В 1980-х годах здесь также наблюдался относительный подъем, однако, менее выраженный, чем два предыдущих. В 1990-е годы доля затрат на алкоголь в семейных бюджетах снизилась почти вдвое по сравнению с максимальными цифрами, и стала даже ниже, чем в 1940-50-х годах. Увеличение доли расходов на алкоголь в семейных бюджетах было обусловлено, по-видимому, не столько увеличением государственных цен на спиртные напитки, сколько спекуляцией. Об этом косвенно позволяют судить данные о масштабах уголовных репрессий за спекуляцию спиртным. Так, в 1922 г. по этому составу было осуждено 26040 чел., тогда как за весь период 1986-93 гг. - лишь 1260 чел.

В 2000-х годах доля расходов на алкоголь в семейных бюджетах стала минимальной за все последние три четверти века ,- 1,9% в 2005 г., - что может быть обусловлено как снижением стоимости спиртного относительно уровня доходов населения, так и прогрессирующим ростом самогоноварения.

Доступность алкогольных напитков для населения отражают показатели количества жителей на один специализированный винно-водочный магазин при государственно-монопольной системе, или на одну лицензию - при акцизной системе. Динамика ограничительных мер находит здесь свое выражение в доле специализированных торговых предприятий среди всех продовольственных предприятий (магазинов, предприятий общественного питания, ларей и т.п.).

Тенденция к снижению доступности алкогольных напитков была отчетливо выражена уже в царский период. С 1860-го по 1910-й год количество лицензий и специализированных предприятий “кабацко-трактирного промысла” уменьшилась в 11 раз, с 500 чел. до 5600 чел. на одну лицензию/предприятие. Особенно быстрым снижение стало в советский период, дав в 1960-е - 1970-е годы абсурдные цифры 1/3 - 1/4 млн. чел. на одно специализированное торговое предприятие так, что подобные предприятия, составлявшие в 1940 г. более 10% всех торговых предприятий продовольственного профиля, стали составлять менее 1%. В 1980-е годы начинается быстрый рост удельного веса предприятий торговли винно-водочной специализации, сменившейся снижением в 1990-х годах до около 100 тыс. чел. на одно предприятие. Более детальный анализ ситуации 1990-х годов по торговой площади показывает следующее соотношение специализированных предприятий торговли и продовольственных предприятий в целом:

1990 г. - 1,5% 1993 г. - 0,8%

Таким образом, расчетная доступность алкогольных напитков оказывается еще ниже отражаемой долей винно-водочных специализированных магазинов в общем числе продовольственных магазинов. Однако данные торговой переписи 1994 г. показывают, что 4388 предприятий имели в своем общем объеме розничного товарооборота удельный вес алкогольных напитков свыше 50%. С учетом этих предприятий, которых оказалось, как показывают расчеты, в 2,9 раз больше, чем специализированных винно-водочных, доля торгующих алкогольными напитками предприятий составляет уже 4,7% всех продовольственных магазинов. Доступность алкогольных напитков для населения в 1990-е годы, следовательно, повысилась, причем пропорционально темпам прироста, наблюдающимся с начала 1980-х годов, за счет включения алкогольных напитков в ассортимент неспециализированных торговых предприятий.

Третью группу показателей уровня потребления алкоголя населением составляют показатели, отражающие социальные исходы злоупотребления. По сравнению с показателями первых двух групп, показатели этой группы представлены в отечественной статистике наиболее фрагментарно (табл. 3). Превaленс, то есть количество соответствующих больных в населении, или болезненность, для хронического алкоголизма и мет-алкогольных психозов с 1985 г., когда он составил $1617^{0/0000}$, до 1990 г., где он был равен $1423^{0/0000}$, монотонно снижался для бывшего СССР. Однако в 1990 г. отмечались наиболее выраженные различия между СССР и РСФСР по данному показателю: для России он равнялся $2170^{0/0000}$, и к концу 1990-х также монотонно снижался. В начале 2000-х превaленс, после незначительного роста в 2001 г., в 2002-2005 гг. стабилизировался на уровне около $1550^{0/0000}$.

Инцидент, то есть количество впервые выявленных больных этими заболеваниями, или заболеваемость, по своей динамике в эти годы отличался от превaленса. И для бывшего СССР, и для РСФСР он имел тенденцию к снижению от цифр, соответственно 217,00/0000 и 266,10/000 в 1985 г. до цифр $123{,}0^{0/0000}$ и $152{,}0^{0/0000}$ в 1990 г. Минимальное значение в 1990-е годы для России инцидент имел в 1992 г., когда его уровень равнялся 103,30/000, однако затем наметился быстрый рост до уровня конца 1980-х годов. В 2000-х гг. наблюдается незначительный рост инцидента в 2001-2003 гг., с последующим, также незначительным, снижением в 2004-2005 гг. Снижение превaленса при росте инцидента объясняется убылью удельного веса больных в популяции, то есть их эксцессивной смертностью. Действительно, за 5 лет, с 1990 года, уровень смертности по причинам, связанным с алкоголизацией, бывший относительно стабильным в течение предшествовавшего десятилетия, вырос более чем втрое(!). Максимальный уровень смертности по названным причинам в этот период наблюдался, по-видимому, в 1994 г., когда, по различным оценкам, он составил 46,50/0000 - 57,40/0000 (!). Далее некоторое снижение смертности наблюдалось к 1998 г., после чего, в 2003 г., возник следующий эксцесс, когда алкогольная смертность достигла значения $44{,}0^{0/0000}$. В 2004-2005 гг. уровень смертности по причинам, связанным с алкоголизацией, продемонстрировал незначительное снижение.

Сравнение с данными, имеющимися за XIX век, показывает, что максимальный уровень смертности, связанной с алкоголизацией, наблюдался в 1862 г., то есть практически совпадал с максимумом производства и продажи алкогольных напитков, и равнялся $3{,}1^{0/0000}$, причем уже через 20 лет снизился в 4,4 раза. Конечно, это отличие может частично объясняться и изменениями в подходах к диагностике патологических состояний, связанных с употреблением алкоголя, тем более что в царский период

регистрация смертей относительно редко осуществлялась на основе врачебных свидетельств.

В советский период данные о смертности по причинам, связанным с употреблением алкоголя, маскировались в общей рубрике смертей от несчастных случаев, отравлений и травм. Приведем структуру этой рубрики по некоторым последним годам, за которые имеются соответствующие данные (в соотношениях):

1990 г. - 1 : 7,3 1993 г. - 1 : 4,3 1995 г. - 1 : 4

При сравнении этих данных с табличными легко устанавливается выраженная тенденция к гиподиагностике случаев, связанных с употреблением алкоголя. Нет оснований предполагать, что этой тенденции не было и в XIX в., однако уровень отмечаемых здесь различий превышает пределы возможной вариации в диагностических суждениях. Приведенные данные позволяют, кроме того, говорить об относительно стабильном предшествующем уровне смертности по причинам, связанным с употреблением алкоголя, начиная, по меньшей мере, с 1970-х годов.

Возможны различные объяснения эксцессивной смертности алкоголиков в 1990-х годах. Значительный объем поступления на рынок и продажи спиртных напитков по неофициальным каналам реализации может способствовать высокой доле суррогатов и фальсификатов в реальном потреблении. Резкое ухудшение качества алкогольных напитков при акцизной системе отмечалось отечественными авторами уже в конце XIX в. - начале XX в. Наконец, как показывают данные табл. 3, в 1990-е годы резко снизилась мощность специализированных наркологических лечебных учреждений (почти до уровня 1980-го года, когда наркологическая служба только создавалась), и в 1998-2005 гг. она оставалась на том же низком уровне.

Уровень индустриального абсентеизма, то есть прогулов и неявок на работу без уважительных причин на протяжении XX века был в России максимальным в 20-е годы, и с 30-х годов начал снижаться. Повторное повышение уровня абсентеизма отмечается в 70-х годах и, причем более резкое, в 90-х годах. В двух первых случаях подъем абсентеизма отчетливо совпадает с ужесточением мер государственного регулирования употребления алкогольных напитков. О связи индустриального абсентеизма с алкоголизацией работающих в первый из этих периодов ярко говорят данные по московским товарищеским дисциплинарным судам, действовавшим на промышленных предприятиях в 1920-е годы, где 55% всех разбиравшихся проступков составляли невыходы на работу из-за пьянства. В 2000 –х гг. соответствующие статистические данные органами государственной статистики публиковаться перестали.

Об уровне девиантного пьянства позволяют судить и данные о количестве пьяных, к которым были применены административные меры. В 1919 г. этот уровень для РСФСР составил 0,90/0000, а в 1989 г. - 0,050/0000. Для количества преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, это соотношение по России, по-существу, обратное (тыс. чел.).

1925 г. - 28, ? 1926 г. - 90,0 1994г. - 284,9 1995г. - 305,5

Необходимо отметить, что для доли преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, существуют две различные статистические оценки (в табл. 3 приведены “жесткие” оценки).

Годы	“Мягкая” оценка	“Жесткая” оценка
1985	30,9%	-
1986	24,3%	40,6%
1987	-	41,8%
1988	19,4% - 29,5%	49,7%
1989	33,4%	53,5%
1990	-	53,0%
1991	-	51,4%
1995	23,6	-
1998	18,8	-
2000	15,0	-
2002	12,9	-

Как видно из приведенных данных, во второй половине 1980-х годов и “мягкая”, и “жесткая” оценки имели тенденцию к нарастанию, а в 1990-х, по “жестким” оценкам, - к снижению. В конце 1990-х – начале 2000-х гг.эта тенденция (по «мягким» оценкам) сохранялась. Сама “жесткость” или “мягкость” оценки зависит, по-видимому, от учитываемых составов правонарушений. Приведем доли правонарушений и преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, по различным составам (для тяжких преступлений - включая покушения).

Составы	1987	1990	1992	1995	1998	2001	2002
Хулиганство	63,4%	72,4%	72,2%	64,2%	56,5%	41,9%	40,0%
Разбои	64,9%	67,7%	66,0%	36,6%	31,2%	26,1%	24,2%
Грабежи	48,8%	53,4%	51,6%	25,5%	20,4%	14,4%	12,2%
Кражи государствен-ного и обществен-ного имущества	21,7%	27,0%	26,6%	-	-	-	-
Кражи личного имущества граждан	24,9%	30,2%	33,0%	-	-	-	-
Умышленные убийства	70,0%	-	-	54,9%	55,4%	50,9%	48,6%

Нанесение тяжких телесных повреждений	75,4%	-	-	55,6%	54,6%	27,1%	42,9%
Изнасилования	59,8%	-	-	63,2%	69,6%	57,3%	53,1%
Нарушения правил дорожного движения	15,8%	17,7%	18,3%	-	-	-	-

Эти данные показывают, что, во-первых, для большинства приведенных составов более корректной является “жесткая” оценка, во-вторых, что для более тяжких преступлений более характерно их совершение в состоянии алкогольного опьянения, чем для менее тяжких, и, в-третьих, что доля состояний опьянения при совершении тяжких преступлений повышалась до 1990 г., после чего начала снижаться, тогда как доля состояний опьянения при совершении менее тяжких преступлений и правонарушений, для которых вообще менее характерно их совершение в состоянии алкогольного опьянения, напротив, имеет тенденцию к росту. Снижение доли тяжких правонарушений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, отмечалось и в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Данные о менее тяжких правонарушениях за этот период в официальных статистических публикациях не представлены.

Конечно, приведенные данные не могут быть интерпретированы в плане этиологического значения алкоголизма для совершения преступлений. За период 1987-1991 гг., вначале которого были признаны больными и подвергались принудительному лечению по поводу алкоголизма несколько более 1/10 части осужденных, эта доля снизилась до 7%.

Количество осужденных за нарушение антиалкогольного законодательства определяется, прежде всего, долей осужденных за изготовление, сбыт и хранение крепких спиртных напитков домашней выработки. Действительно, за нарушение правил торговли спиртными напитками в 1986-93 гг. было осуждено 1260 чел., то есть в среднем 157,5 чел. в год, а за вовлечение в пьянство несовершеннолетних - 71 чел., то есть в среднем менее 9 чел. в год. Вариация всех трех названных показателей по годам не имеет существенных различий. Динамика же их за названный период такова. Максимальное число осужденных за нарушение антиалкогольного законодательства, 17,10/0000, отмечалось в 1987 году, после чего стало быстро снижаться до уровня 7,80/0000 в 1991 году. Сопоставление уровней этого показателя с уровнями 1860-х - 70-х годов демонстрирует максимальное различие на порядок, хотя и не столь разительное, как различие в связанной с алкоголизацией смертности. В тоже время в эти годы XIX в. отмечалась, в отличие от 90-х годов нашего столетия, тенденция к росту, а не к снижению масштабов уголовной репрессии за этот вид противоправных деяний.

В 2002 г. было подвергнуто уголовному и административному преследованию 349 768 лиц, совершивших правонарушения, связанные с незаконным производством и оборотом этилового спирта и алкогольной продукции, что составило 241 на 100 тыс. нас. Таким образом, В 2000—х годах, по сравнению с 1990-ми годами, напротив, наблюдается резкое расширение репрессивных мер воздействия за нарушение антиалкогольного законодательства.

Представленный историко-статистический анализ состояния потребления алкоголя российским обществом на протяжении почти двух веков позволяет сделать некоторые обобщения. Подобных обобщений требует, прежде всего, устойчивая и высоко воспроизводимая связь уровней алкоголизации населения и периодов нарастания системных кризисных явлений в стране. Все четыре таких периода, наблюдавшихся в анализировавшийся отрезок времени, и нашедших свое политическое выражение в отмене крепостного права, Октябрьском перевороте, “оттепели” и “перестройке”, сопровождались ростом эксцессивного пьянства в населении.

С позиции медицинской модели алкоголизма названная зависимость интерпретируется лишь на основе мифологизированных объяснительных схем, типа “столетних циклов российской истории”, “фаз солнечной активности” или “пассионарности”. Более прозаичные, но и более релевантные объяснения могут быть даны исходя из поведенческой модели алкоголизма. Основанные на ней объяснения предполагают, однако, двунаправленный характер причинных связей. В рамках первого направления причинности эксцессивное пьянство выступает только одним из проявлений так называемого “социетального беспокойства”, результатом которого и являются, в конечном итоге, социально-политические изменения. В рамках второго направления причинности, напротив, сами социальные изменения порождают стресс, неадекватной, хотя и культурально детерминированной реакцией преодоления которого выступает тяжелая алкоголизация.

Конечно, в рамках собственно статистической методологии исследования не могут быть получены убедительные аргументы в пользу преобладания того или иного направления причинности. Ужесточение мер социального контроля алкоголизма в трех из четырех макросоциальных ситуаций, - при отмене крепостного права, двух революциях и “перестройке”, - предшествовало радикальным социальным изменениям, и в одном случае, - “оттепели”, - следовало за ними. Однако “оттепель” вполне правомерно рассматривать и как проявление своевременно не разрешившегося социального кризиса. Не делая здесь никаких выводов о причинности, укажем лишь, что исторически все периоды

ужесточения социального контроля алкоголизации оказались связаны с нарастанием уровней ассоциированных с алкоголизацией форм социальных девиаций. Истоки этой связи вполне могут корениться и в исторической традиции политического руководства страной, склонной идентифицировать пьянство с этиологией, а не с симптоматикой "социетального беспокойства".

В любом случае результаты анализа свидетельствуют о крайне низкой эффективности социального контроля алкоголизации населения, причем в исторической перспективе эта эффективность катастрофически снижается, практически вне зависимости от жесткости проводимой уголовной политики. Собственно, положение о неэффективности социального контроля является общим местом в работах теоретиков данной области. Столь же общим возражением на их доводы является предположение о том, что "без контроля было бы еще хуже". Насколько именно хуже может быть без социального контроля алкоголизации, достаточно ярко показывает ситуация с алкоголизмом в России 1990-х годов.

В этот период особенно отчетливо проявился исторический тренд изменения характера алкоголизма в стране, заключающийся в диспропорциональном, относительно роста потребления алкоголя, росте тяжелых аберрантных форм алкоголизации. Хотя после максимального за весь рассматриваемый исторический период уровня потребления алкогольных напитков, достигнутого в 1980-х годах, в 1990-х годах наметилась тенденция к его снижению, неуклонный рост тяжелейших медицинских и социальных последствий алкоголизации продолжался.

Алкогольная ситуация, сложившаяся в России в первой половине 2000-х годов, т.е. в период «суверенной демократии», достаточно противоречива. Наметившаяся в 1990-х годах тенденция снижения уровня употребления алкоголя населением прервалась, и уже с конца 1990-х - начала 2000-х гг. вновь устанавливается рост этого уровня. Однако к середине 2000-х гг. проявилась стабилизация и даже некоторое снижение уровней показателей, характеризующих влияние алкоголя на состояние здоровья населения, таких как численность больных алкоголизмом, заболеваемость и смертность по причинам, связанным с употреблением алкоголя. Наблюдалось и уменьшение доли преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Другими словами, уровень аберрантного пьянства стал снижаться.

Государственная алкогольная политика характеризовалась ужесточением антиалкогольных мер в части преследования незаконного производства и продажи алкогольных напитков, а также мер контроля оборота спирта и спиртосодержащих жидкостей. Остававшаяся низкой мощность наркологической службы показывает, что

акцент в алкогольной политике делался на меры скорее полицейского, чем медицинского контроля.

Сказанное позволяет охарактеризовать этот короткий период времени как, в известной мере, переходный. Исходя же из представленного выше исторического анализа, выявляющиеся в периоде «суверенной демократии» тенденции позволяют предположить, что он знаменует собой начало следующего присущего России исторического цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блиох И.С. Финансы России XIX столетия: История - статистика. / СПб: Типогр. М.М.Стасюлевича. 1882. т. I. VII. - 292 с.

2. Левин Б.М., Левин М.Б. Алкогольная ситуация - 1988. / Препринт доклада. М.: ИСИ АН СССР. 1988. - 49 с.

3. Печерин Я.И.Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов. т. 2., с 1844 по 1863 год включительно. / СПб: Типогр. Ю.Н.Эрлиха. 1898. - 304 с.

4. Рутман И., Моузер Д. Методические рекомендации по изучению проблемы потребления алкоголя и разработке соответствующих мероприятий. / Женева: Офсетная публикация ВОЗ № 81, 1988. - 116 с.

Глава 3. Отечественные исследования алкоголизации населения России

Проблема распространения пьянства и алкоголизма явилась предметом систематических исследований отечественных ученых уже в конце XIX века. И по меркам современной методологии эти работы отличает высокий научный уровень, а многие из полученных результатов не утратили своего значения по сей день.

Дореволюционный период

Алкогольная ситуация оценивалась исследователями как тревожная уже в конце XIX века. И.А. Сикорский (1899) проанализировал данные государственной статистики за 1870-1887 годы и показал связь уровня преступности и потребления алкоголя в населении, отметив рост смертности от опоев и увеличение доли женщин среди больных алкогольными психозами.

Н.И. Григорьев (1900) продемонстрировал тяжелую алкоголизацию петербургского населения по данным о преступности и доли алкоголиков в петербургских больницах. Эта доля превышала средний по России показатель более чем вчетверо.

Сопоставление душевого потребления алкогольных напитков в России и ряде европейских стран позволило некоторым исследователям сделать вывод о том, что само по себе душевое потребление не отражает особенностей алкоголизации населения, а к негативным последствиям алкоголизации в России приводит русский «способ пития» (Дмитриев, 1911; Канель, 1914 и др.).

Активно исследовалось влияние на алкоголизацию социально-экономических факторов. В качестве основных показателей благосостояния большей части населения брались урожаи зерновых и ценовая политика в отношении алкогольных напитков. С.А Первушин (1909), а позже Д.Н. Воронов (1912) показали параллелизм годичного объема урожая и уровня употребления вина. Связь интерпретировалась следующим образом: материальное благосостояние крестьян способствовало росту брачности и других поводов к традиционному употреблению алкоголя, что и сказывалось на росте уровня его потребления.

И.А. Сикорский (1899) проанализировал влияние цен на потребление алкоголя и обнаружил, что акцизная система в целом способствовала алкоголизации населения благодаря снижению цен на водку. Повышение же акциза сопровождалось снижением уровня употребления и смертности по причинам, связанным с употреблением алкоголя.

Противоположного мнения придерживался В.К. Дмитриев (1911). Он провел уникальное по своему плану исследование воздействия различных социально-экономических факторов на уровень употребления алкоголя, в котором показал, что не

существует непосредственной зависимости между ценой алкоголя и спросом на него, между динамикой потребления и урожаем, акцентировав внимание на влиянии на алкопотребление ожидания населением тех или иных мер правительства. В.К. Дмитриев показал, что ограничительные меры в виде повышение цен на алкоголь если и оказывают влияние на динамику употребления, то в самой малой степени.

В ходе этих исследований было обнаружено, что существуют характерные особенности потребления алкоголя городским и сельским населением. В частности, большинство исследователей указывали на то, что потребление алкоголя сельскими жителями регулируется традициями, тогда как в городах значение традиций нивелируется.

Влияние урбанизации на уровень употребления алкоголя изучал Д.Н. Воронов (1912). Автор провел оригинальное исследование в г. Пенза и Пензенском уезде. Цифры монопольной статистики были малопригодны для оценки реального соотношения уровней городского и деревенского потребления, так как город являлся поставщиком алкоголя для деревни. Поэтому Д.Н.Воронов предложил следующий метод оценки названного соотношения: продавцы казенных винных лавок фиксировали объем проданного алкоголя, повод приобретения, а также отпуск вина шинкарям (бутлегерам). Эти данные и позволили автору охарактеризовать уровень и характер городского и деревенского употребления алкоголя. Например, пик продаж в городе приходился на базарные и предпраздничные дни. В дни поста резко снижались продажи вина в крупной посуде, однако на отпуске вина в мелкой посуде пост почти не сказывался. Снижение употребления в уезде было связано с периодами сезонных сельскохозяйственных работ, за исключением летних церковных праздников и периодов приобретения вина с целью взаиморасчетов по выполнению сельскохозяйственных работ.

Эксцессивный рост алкоголизации в уезде наблюдался осенью, в период реализации сельскохозяйственных продуктов и в связи с большим количеством религиозных праздников и свадеб, достигая пика на Рождество и в канун Нового года. Городское употребление распределялось в течение года более равномерно. Кроме того, горожане реагировали ростом потребления алкоголя на любые праздники, тогда как крестьяне – только на престольные.

Алкоголизацию различных социально-демографических групп населения изучал Н.И. Григорьев (1900). Он проанализировал истории болезни 23943 больных алкоголизмом, лечившихся в период 1886-1897 гг. в Санкт-Петербурге. Автор выявил тот факт, что процент вдов, лечившихся от алкоголизма, почти в четыре раза превышал процент вдовцов, Объясняет он это тем, что овдовевшие женщины, «скатываясь» по

социальной лестнице, от нужды начинали заниматься проституцией, что и приводило их рано или поздно к алкоголизму.

В соответствии с вероисповеданием среди алкоголиков преобладали православные и католики. Автор показал распространенность алкоголизма в различных сословных группах (табл. 1).

Таблица 1.

Распределение алкоголиков по сословиям в 1886-1897 годах в Санкт-Петербурге, на 10 тыс. каждого сословия

Сословие	Пол	
	Мужской	Женский
Крестьяне	26,1	3,8
Мещане, ремесленники, цеховые рабочие	29,4	3,9
Отставные солдаты и нижние чины	4,9	1,4
Купцы и купеческие дети	5,3	0,7
Дворяне личные и потомственные	17,8	2,8
Почетные граждане личные и потомственные	6,4	0,4
Духовенство	4,0	3,1
Финляндцы	22,1	3,3
Иностранцы	58,0	0,1

Расчеты Н.И. Григорьева показали, что распространенность алкоголизма среди мужчин существенно превышала таковую среди женщин, и была наибольшей среди представителей наиболее низкого (крестьяне, мещане) и наиболее высокого (дворяне) социального статуса. Вместе с тем, среди русских по национальности жителей Петербурга алкоголизм был распространен намного меньше, чем среди проживающих здесь же представителей других национальностей –в большинстве своем финнов и немцев.

На основе обширного статистического материала Н.И. Григорьев также продемонстрировал связь алкоголизма с родом занятий. Среди мужчин (на материале 14771 больных алкоголизмом) чаще всего встречались рабочие - по добыче ископаемых, обработке дерева и металлов, фабричные и заводские, чернорабочие (31%), работники торговли и трактиров (16%), прислуга, извозчики и другие работники «транспорта» (14%), портные и пошивщики обуви (9%), рабочие по строительству и обслуживанию зданий (9%), лица без занятий (8%).

Лица со средней и высокой квалификацией, т.е. служащие всех уровней, духовенство, работники творческого и интеллектуального труда, составляли не более 10% алкоголиков, причем главным образом за счет сверхпредставленности среди них писцов и чертежников, работающих у частных лиц.

Среди 1795 больных алкоголизмом женщин преобладали лица без занятий (40,5%), работницы сферы обслуживания, - прислуга, швеи, прачки, - (28,6%) и фабрично-заводские работницы (21,2%). В качестве причины распространения алкоголизма среди рабочих Н.И. Григорьев указывает на существование среди них убежденности в полезных свойствах алкоголя и привычки смотреть на употребление алкоголя как на развлечение.

На материале исследования 470 петербургских мастеровых Н.И. Григорьев (1989) показал связь пьянства с крайне тяжелыми материальными и жилищными условиями жизни мастеровых, широкой распространенностью туберкулеза и других заболеваний. Большинство мастеровых начали пьянствовать еще в детстве или во время обучения, а некоторые - сразу после начала самостоятельной семейной жизни.

Начало опросных исследований среди различных групп населения связано с широко развернувшейся деятельностью Комиссии по вопросам алкоголизма при Русском обществе охранения народного здравия.

О широкой распространенности алкоголизации среди рабочих свидетельствуют данные О. Каспарьянца (1910) и Б.Д. Магидова (1910). Так, среди опрошенных Б.Д. Магидовым 1750 рабочих 6% страдали запоями, еще 3% употребляли алкогольные суррогаты. Среди опрошенных О. Каспарьянцем 856 бакинских (русских по национальности) рабочих 14,5% перенесли белую горячку. Автор связывает алкоголизацию рабочих с плохими материальными условиями их жизни. По данным проведенного им опроса, в зимний период рабочие употребляли большее количество водки, прибегая к ней как к питательному и согревающему средству. Причинами пьянства, в соответствии с ответами рабочих, в 1/3 случаев были нужда и горе, в 11% случаев - усталость, тяжелая работа.

Социально-психологические факторы алкоголизма изучались в исследовании А. М. Коровина (1907), хотя эта работа была посвящена изучению роли наследственности в этиологии алкоголизма. Автор обследовал 67 мужчин, больных алкоголизмом, происходящих из обеспеченных слоев населения. Результаты исследования показали, что основные факторы алкоголизма – это характеристики социального окружения, алкогольные предрассудки и обычаи, широко распространенные в семейной, школьной и общественной жизни. Они оказывают более сильное влияние на алкоголизацию, чем наследственность.

Среди основных причин детской и подростковой алкоголизации дореволюционные исследователи называют отсутствие знаний у родителей о вреде алкоголя для здоровья ребенка и широко распространенное использование алкоголя в качестве лекарственного средства. Г.П. Горячкина (1896) на материале амбулаторного приема 1671 ребенка в

возрасте до 12 лет продемонстрировала, что треть детей с различной степенью регулярности получают алкоголь в качестве лекарства, в половине случаев – по инициативе врача, и еще в половине случаев – по инициативе родственников. Детей в возрасте 10-12 лет, работавших подмастерьями, спаивали на работе. В целом, до 16% из числа обследованных детей систематически употребляли алкоголь.

Наиболее масштабным в этой области было исследование алкоголизации крестьянских детей, проведенное А.М. Коровиным (1910). Он обследовал 22617 школьников в 358 сельских школах Московской губернии. Анализ результатов показал широкую распространенность употребления алкогольных напитков детьми. Употребляли алкоголь 67,5% мальчиков и 46,2% девочек. С возрастом доля «пьющих» нарастала, однако у девочек оставалась в 1,5 раза меньшей, по сравнению с мальчиками. Главными «пропагандистами» употребления алкоголя были родители детей. Отец чаще предлагал алкоголь мальчикам, мать – девочкам. Сельские школьники употребляли алкоголь в тех же случаях, что и взрослое население – в праздники, торжества и т.п. Мальчики предпочитали крепкие напитки, девочки – слабые. У употребляющих алкоголь подростков снижалась успеваемость.

Д.Н. Никольский (1910) показал распространенность алкоголизации среди студентов столичных высших учебных заведений. В различных учебных заведениях она составила 58,3 % – 71,5% от числа обследованных, а от 1,5% до 2% студентов употребляли алкогольные напитки ежедневно. Алкоголь употреблялся студентами не часто, «по случаю», но, как правило, до состояния глубокого опьянения.

С.А. Первушин (1909) предложил следующую классификацию употребления алкоголя: столовое потребление («для аппетита, здоровья», присущее высшим слоям общества), обрядовое (в соответствии с обычаем, наиболее распространено среди крестьян) и «наркотическое» (с целью забыться, отвлечься от забот, преобладает в рабочей среде).

С начала XX века, благодаря развитию учения о причинах преступлений, появляются сведения о преступности в связи с алкоголизмом. Доля пьяниц среди осужденных, по данным разных авторов, колеблется от 1/3 до более чем половины. По данным 3226 дел Казанского окружного суда за 1885-1894 гг., проанализированных Т.К. Кролем (1897), доля таких преступлений составила 42,7 были в состоянии опьянения %. Н.И. Григорьев (1900) изучил 10000 дел Петербургского окружного суда и обнаружил, что в 40,5% случаев в Петербурге и в 37,2% случаев в уездных городах подсудимые во время совершения преступления были в состоянии алкогольного опьянения или страдали алкоголизмом. Исследование Е.И. Тарновского (1913) демонстрирует параллелизм уровня

преступности и уровня среднего душевого потребления алкоголя на данных по 35 губерниям и областям Российской империи.

Ряд исследований был осуществлен в связи с введением «сухого закона» 18 июля 1914 года. Первое время исследования демонстрируют явный положительный результат. Число задержанных в пьяном виде снизилось по второй половине 1914 года по сравнению со второй половиной 1913 года почти в три раза. Наблюдается резкое снижение производственного травматизма, поступлений в больницы в связи с алкогольными психозами и отравлениями (Мендельсон, 1916). Прогулы рабочих снизились на треть (Отрезвление рабочих, 1915).

Казанское губернское земство опубликовало в 1916 г. исследование «Год трезвости в Казанской губернии». Был проведен опрос городских рабочих, ремесленников и губернских крестьян (всего 3440 респондентов), выкопировка статистических сведений. Показано, что за год трезвости улучшилось экономическое положение крестьян. Возросло потребление чая и продуктов питания. Возросли сбережения населения в кредитных учреждениях. Уровень преступности понизился на 49% (по М.Н. Гернету, 1922).

Исследования 20-30 годов

Первое время после революции 1917 года продолжала действовать запретительная антиалкогольная политика царского правительства, продолженная в 1919 году постановлением СНК РСФСР «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ». Однако в последующие годы постепенно расширялся перечень напитков, разрешенных к продаже, а в 1925 году этот перечень включил и водку.

Во второй половине двадцатых годов происходит оживление исследовательской деятельности, так как последствия «сухого закона», а потом и его отмены сделали проблему алкоголизации высокоактуальной, а борьба с пьянством и алкоголизмом стала государственной задачей. Большую роль в организации и проведении исследований проблемы в этот период сыграл созданный в 1923 году Институт социальной гигиены.

В ряде исследований было прослежено влияние запретительных мер и их отмены на алкоголизацию населения. Исследования демонстрировали, насколько успешно ограничение продажи водки было восполнено подпольным производством самогона (Алкоголизм, 1929). По данным Д.Н. Воронова (1930), ряды самогонщиков пополнялись в городе из среды рабочих, в губерниях – их среды обедневшего крестьянства. Таким образом, производство самогона стало для части населения существенным источником дополнительного дохода. По данным В.М. Четыркина (1924), самогонным промыслом

занимались 8% от общего числа крестьянских дворов. В работе находилось не менее миллиона самогонных аппаратов.

После отмены «сухого закона» отмечался интенсивный рост потребления водки, хотя и самогон еще долго сохранял свое значение. В исследовании Ю. Ларина (1929) число семей московских рабочих, расходующих деньги на алкоголь, с 1925 по 1928 год возросло втрое. Э.И. Дейчман (1929) продемонстрировал рост преступности в связи с ростом потребления спиртных напитков в 1923-26 годах. Главным образом это были акты хулиганства, совершенные в состоянии опьянения.

Исследования также показывают тенденцию к концентрации алкоголизации среди городских жителей. По расчетам Э.И. Дейчмана (1929), города, имея в то время лишь 18% населения Советского Союза, потребляли 43,3% всей сорокоградусной водки. Эксцесс массивной алкоголизации в городах сопряжен с праздничными и выходными днями. Об этом косвенно свидетельствует рост преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, по воскресеньям (тогда - единственный выходной день) и понедельникам (день «опохмеления») (Гернет, 1922. с. 163).

Сельское же потребление по-прежнему регулировалось существующими в отношении алкоголя обычаями. Д.Н. Воронов (1926) показал, что среди сельских жителей болезненным влечением к алкоголю были вызваны не более 3,2% случаев алкоголизации. Более же 40% случаев были связаны с «обрядовыми» поводами.

Тем не менее, уровень потребления алкоголя сельскими жителями оставался высоким. В исследовании алкоголизации сельских жителей, предпринятом Центральным статистическим управлением (Алкоголизм…, 1929), для сбора данных использовался метод найма добровольных статистических корреспондентов. Анализ их 25767 анкет показал широкую распространенность самогоноварения в деревне. Объем душевого потребления алкоголя составил 9,3 литра, из которых 7,5 приходились на самогон. Наибольший уровень употребления самогона отмечался в хлебородных регионах.

Влияние материального благосостояния на алкоголизацию присутствовало в тематике многих исследований рассматриваемого периода.

В бюджетном исследовании семей рабочих в 1924-1928 годах (Ларин, 1929) рост заработной платы не вел к уменьшению пьянства, если не сопровождался при этом улучшением жилищных условий и участием в общественной деятельности. Напротив, улучшение жилищных условий и участие в общественной жизни сопровождалось снижением алкоголизации даже при прежнем размере заработка.

По данным обследования на машиностроительном заводе в Ленинграде (Дейчман, 1929) при переходе из группы с низкой заработной платой в группу с высокой заработной

платой отмечалось увеличение душевого потребления всех спиртных напитков за исключением самогона. Так, потребление водки возрастало в 10 раз, виноградного вина – в 16 раз, пива – в 59 раз, а потребление самогона снижалось в 4 раза. Несмотря на это, доля бюджета, расходуемого на алкоголь, даже несколько снижалась. В крестьянских семьях, напротив, с ростом доходов возрастали как траты на алкоголь, так и доля бюджета, на него расходуемая.

Ю. Ларин (1929) приводит любопытные данные о влиянии партийности на алкоголизацию. Меньше всего средств на алкоголь расходовали партийные, как общественно активные, так и пассивные. Вдвое больше расходовали на алкоголь общественно пассивные, беспартийные и «малокультурные» лица. Общественно пассивные, беспартийные и «культурные» заняли промежуточное положение. Однако совершенно противоположная ситуация наблюдалась в периоды религиозных праздников - Пасхи и Рождества. Расходы партийных на алкоголь удваиваются, тогда, как расходы беспартийных возрастают только на 30-70%. В исследовании Н.И. Чучелова (1927) отмечалось «тормозящее» влияние партийности на алкоголизацию молодежи.

По инициативе Института социальной гигиены проводились массовые обследования учащихся. Э.И. Дейчман (1927) обследовал 2000 детей младшего школьного возраста, используя метод «замаскированного» опроса. Не знакомы со вкусом спиртного были только 11,8% детей, ¼ детей употребляли алкогольные напитки каждое воскресенье, более половины – регулярно по праздникам. Алкоголем детей обычно угощали родители. Нередко они же посылали детей за покупкой алкоголя.

В. Липский и И. Тетельбаум (1929) опросили 264 учащихся фабричной школы, и обнаружили, что к употреблению алкоголя подростков, как правило, побудили родители и близкие родственники, а актуальная алкоголизация происходила в кругу сверстников. Подростки выпивали в среднем около 1,5 бутылок водки в месяц. Разовая доза алкоголя у 14-17-летних была большей, по сравнению с юношами старшего возраста. Большинство подростков не были информированы о вреде алкоголя, ссылаясь на что, «если врач советует вино – значит оно полезно». Среди причин алкоголизации учащихся авторы также отмечают отсутствие возможностей для проведения досуга.

В исследовании А.И. Исхаковой (1929), опросившей 6598 казанских школьников, были проанализированы поводы употребления алкоголя детьми и их родителями. Результаты демонстрируют, что дети копируют родительский паттерн употребления алкоголя.

Резюмируя приведенные данные, отметим, что, несмотря на определенные недостатки, исследования, как дореволюционного периода, так и периода 20-30 гг., имели

выраженную социальную направленность. Применялись различные исследовательские методы: анкетный опрос, интервью, корреспондентский метод, медицинские осмотры, бюджетные обследования, метод наблюдения, анализ данных государственного учета.

Была прослежена роль социально-классовой позиции в алкоголизации населения. Так, была показана концентрация потребления среди представителей низшего класса - промышленных рабочих и лиц, занятых ручным трудом, а также среди представителей высшего класса – дворянства, студенчества.

Большое значение в распространении алкоголизации, в особенности среди детей и подростков, придавалось низкому уровню гигиенических знаний среди родителей и врачей. Также было показано, что в алкоголизации подростков большое значение имеет научение родительскому паттерну потребления.

Была, кроме того, продемонстрирована глубокая интегрированность потребления алкоголя в жизнь различные слоев населения. Большую роль здесь играли культурные нормы потребления, действующие в связи с различными, и, прежде всего религиозными событиями.

Были получены оценки роли различных социально-экономических факторов в алкоголизации населения. Обнаружилась неэффективность запретительной политики. Исследовательская деятельность в сфере алкогольной проблематики, таким образом, была высоко продуктивной до той поры, пока в начале 30-х годов она не была полностью свернута.

Послевоенный период – конец 1980-х

В послевоенный период в Советском Союзе, как и в других странах-участницах Второй мировой войны, наблюдался рост алкоголизации. Реакцией правительства стало в 1958 году постановление по борьбе с пьянством, основной мерой которого было ограничение мест разливной торговли алкогольными напитками. В 1972 г. последовала новая волна ограничительных мер, которые включали преследование нетрезвых на улицах, помещение алкоголиков в лечебно-трудовые профилактории. Была развернута пропаганда «культурного потребления», которая сопровождалась широким выпуском дешевых плодово-ягодных вин.

Исследования алкоголизма на начальном этапе этого периода практически полностью посвящены его клиническим аспектам. Однако значение социальных и социально-психологических факторов все же отмечается в ведущих руководствах по алкоголизму 60-х – 70-х годов (А.А.Портнова и Н.И. Пятницкой, И.В. Стрельчука, В.М. Банщикова и Ц.П. Короленко). С начала 60-х годов происходит засекречивание статистики по производству и продаже спирта, затратам населения на алкоголь, всем

социальным и медицинским последствиям алкоголизации. Исследования, посвященные распространенности алкоголизма на территории страны, в этот период не проводились. Распространенность изучалась, главным образом, в выборочных исследованиях, носивших клинико-статистический характер.

Отдельные исследования, посвященные выявлению причин алкоголизации, начинают проводиться с 60-х годов. Доступ к большинству этих материалов был ограничен. До настоящего времени они хранятся в библиотеках под грифом «Для служебного пользования».

Первое за этот период масштабное социальное исследование алкоголизации было проведено Г.Г. Заиграевым (1966). Методами анкетного опроса и интервью были обследованы рабочие двух машиностроительных заводов, контингент медвытрезвителей и лица, осужденные за мелкое хулиганство, а также диспансерные и стационарные больные алкоголизмом. В исследовании устанавливалась связь пьянства с занятостью в неблагоприятных производственных и климатических условиях, неквалифицированным трудом. Среди контингента больных алкоголизмом преобладали лица с начальным образованием, рожденные и выросшие в трудные военные и послевоенные годы.

По мнению Г.Г. Заиграева, материально-бытовые трудности не ведут к алкоголизму, однако опосредованно влияют на алкоголизацию через характер семейных отношений, уровень образования и культурных потребностей, форму проведения досуга. Автор отмечает и обратное влияние алкоголизации на ухудшение условий труда и быта, демонстрирует воздействие употребления алкоголя в раннем возрасте на достигнутый во взрослости уровень образования.

В качестве основной причины алкоголизации населения автор указывает «питейные обычаи», носителями которых являются микросоциальные группы. Такие обычаи поддерживаются благодаря существующему «снисходительному» отношению к пьянству. Также подчеркивается негативное влияние ограничения мест разливной торговли алкоголем, благодаря которым распространилось уличное пьянство.

Значительный интерес представляет исследование Б.М. Сегала (1967). На материале обследования 688 диспансерных и 515 стационарных больных им изучались социальные, личностные и биологические переменные пациентов в связи с особенностями клиники и течения алкоголизма.

Уровень доходов, образование, жилищные условия больных не отличались от таковых в контрольной группе. Автор отмечает значение ближайшего социального окружения и родительской семьи. У 70% алкоголиков родители считали допустимым умеренное пьянство, у 10% - тяжелое опьянение. В ближайшем социальном окружении

тяжелое пьянство встречалось в 53% случаев, «умеренное» - в 43%, и лишь в 4% осуждалось.

Основными поводами алкоголизации было желание не отстать от компании, отмеченное 56% больных, транквилизирующее действие алкоголя, на которое указали 33% больных, и облегчение социальных контактов - 20% больных.

Нарушенные семейные отношения в детстве отмечались у 52,5% обследованных. Психопатии и вегетативно-эндокринная патология не являлись ведущим этиологическим фактором алкоголизма, но влияли на более раннее начало систематического пьянства, и чаще встречались в более тяжелой стационарной группе больных. На алкоголизацию женщин влияла наследственная отягощенность, психопатии, неврозы, психогении, гипосексуальность.

При изучении факторов, влияющих на стойкость лечебной ремиссии, было установлено, что при ранних рецидивах имело место учащение конфликтов на работе и в семье, а также сохранение старых связей с собутыльниками. Положительное влияние на стойкость ремиссии оказывал более высокий культурный уровень больных.

Г.В. Морозов и А.К. Качаев (1971) в эпидемиологическом исследовании изучили влияние клинико-биологических, психологических и профессиональных факторов на возникновение алкоголизма. Как и в исследовании Б.М. Сегала, психопатические особенности личности в преморбидном периоде не были ведущим фактором алкоголизации. На алкоголизацию мужчин оказывал влияние фактор традиционного употребления алкоголя (у 36,9% больных), доступ к спирту на работе (14,1%), ранняя самостоятельная жизнь (14,7%). На алкоголизацию женщин влияли психогении (57,1%), алкоголизм близких (подруг, мужа) (15,3%) и доступ к спирту на работе (12,0%).

По образованию и занятости среди больных преобладали лица с начальным образованием, мужчины, работающие в промышленности и строительстве, и женщины, работающие в сфере торговле и бытового обслуживания. Авторы делают вывод о том, что образовательный и профессиональный уровень личности обусловливает специфику той микросоциальной среды, которая является носителем традиций, обычаев и индивидуальных установок к употреблению алкоголя.

Алкогольные установки и «традиции микросоциальной среды» как ведущий фактор алкоголизации рассматривает В.В. Нагаев (1972). На материале 500 больных алкоголизмом он изучал социально-психологические характеристики их личности. По месту работы у 69% больных поощрялось умеренное пьянство, у 23% больных было обычным тяжелое пьянство. Для ранней пробы и начала употребления алкоголя имело

значение воспитание в детском доме, интернате, одним родителем или родственниками. Ранняя проба алкоголя была характерна, кроме того, для выходцев из крестьянских семей.

Социальные факторы алкоголизации стали предметом целого ряда клинико-статистических исследований. Их характеристики и основные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Исследования факторов алкоголизации на клинических выборках

Авторы, год	Характеристики исследования	Факторы алкоголизации
Рахальский, 1973	Статистический анализ материалов наркологического стационара, женский алкоголизм	Индуцированный алкоголизм – 45,1%. Мотив – сохранение семьи. «Алкогольная профессия» - 9,1%, медицинская профессия – 9,1%. Преморбидная психопатия – 1,5%.
Зиняк, Артеменко, 1973	Статистический анализ контингента наркологического стационара в Кишиневе в 1969-71 гг.	Профессиональный статус: среди мужчин 80% рабочие и служащие, среди женщин 50% - колхозницы и неработающие.
Щенникова, 1974	Материалы ПНД, 1454 акта судебно-медицинской экспертизы, 5587 контрольных карт диспансерного наблюдения, 500 больных алкоголизмом, 120 их семей, контрольная группа	Социальный статус: рабочие: мужчины – 78,3%, женщины – 55,4%, служащие – 19,7-33,5% соответственно, пенсионеры – 7,0-1,1% соотв., домохозяйки – 2,5%. Среди мужчин-рабочих преобладают квалифицированные, среди женщин – неквалифицированные. Среди мужчин - служащих преобладают ИТР и работники сферы обслуживания, среди женщин – работники сферы обслуживания и медицинские работники. Воспитание в неполной семье. Низкий образовательный уровень матери. Повод употребления – традиционный, влияние товарищей по работе.
Петушков, 1976	115 больных алкогольными психозами.	Негативное влияние оказывала профессия , связанная с экспедициями
Левертов, 1977	1370 стационарных и диспансерных больных, проживающих в городе и сельской местности, механическая случайная выборка	Среди мужчин преобладали рабочие и колхозники, среди женщин – колхозницы. Причина злоупотребления: влияние окружения – 54,7%, семейные проблемы – 17,2%, неприятности на работе – 8%, «неустойчивая психика» - 17,5%. Фактор традиционного потребления.
Тюков, 1983	Статистическое исследование материалов наркологического диспансера, 1396 карт	Начальное образование было у 58,5% больных. Алкоголизация близких родственников – 26,3% (отец – 13,0%, брат или сестра - 6,6%, мать – 1%, отец и брат – 2,3%).
Анучин и др., 1984	164 женщины, больные хроническим алкоголизмом, 24 девушки-подростка с бытовым пьянством	Алкоголизация мужа – 37%, алкоголизация в рабочем коллективе – 17%, стрессовые события – 13,3%. Влияние группы сверстников в подростковом возрасте. Психопатоподобные расстройства – у 88,5% больных.
Агаев и др., 1985	80 больных алкоголизмом женщин, в возрасте 19-55 лет.	Низкий образовательный и профессиональный уровень. «Алкогольная профессия» – 15%, семейные конфликты, развод, одиночество – 22,5%, злоупотребление алкоголем мужа – 25%, алкоголизм развился на фоне климактерического периода – 35%.

Легко заметить, что в представленных клинико-статистических исследованиях скрыто присутствует идея о «социальных корнях пьянства» в виде носительства «алкогольных традиций». В качестве факторов развития женского алкоголизма акцентируется роль психопатических отклонений личностного развития и психогенных факторов. Подчеркивается влияние профессиональных факторов, из которых основной – это доступность алкоголя по месту работы.

В начале 70-х годов на кафедре социальной гигиены и организации здравоохранения II Московского медицинского института было предпринято комплексное социально-гигиеническое исследование алкоголизма (Ю.П. Лисицын, Н.Я. Копыт, В.П. Бокин, В.Г. Запорожченко, О.П. Чекайда). Изучалась распространенность злоупотребления алкоголем среди различных социальных групп, социальные последствия алкоголизации, факторы и причины злоупотребления алкоголем и алкоголизма, организационные формы и методы борьбы с ним. В исследовании был применен широкий круг методов, включая анализ документов, опрос, клинико-социальное обследование лиц, злоупотребляющих алкоголем и их семей и другие (Лисицын, Копыт, 1978).

Авторы предложили определение понятия «злоупотребление алкоголем» на основе ряда критериев. Критериями злоупотребления считались выраженные признаки алкоголизма (абстинентный синдром, запой), начальные признаки алкоголизма (влечение к алкоголю, алкогольная амнезия, повышение толерантности) и употребление алкоголя без признаков зависимости чаще двух раз в неделю с разовой дозой более 300 г водки и с негативными социальными последствиями в виде приводов в милицию и помещения в вытрезвитель (Копыт, Запорожченко, Чекайда, 1972).

Основные результаты комплексного исследования таковы. Было показано, что официальный учет больных не отражает реальной распространенности злоупотребления. Авторы получили сведения о лицах, злоупотребляющих алкоголем, путем объединения данных о состоящих на учете в психоневрологическом диспансере, доставленных в медвытрезвитель и обслуженных скорой помощью в состоянии опьянения, с последующей алфавитизацией на одно лицо. Таким образом, был определен контингент злоупотребляющих в г. Москве. Из полученного контингента лишь 14,1% состояли на учете в психоневрологическом диспансере. Для 2/3 злоупотребляющих основным местом учета был медвытрезвитель, еще 1/5 злоупотребляющих были идентифицированы врачами «скорой помощи». Злоупотребляющие алкоголем женщины чаще всего попадали в учет по данным «скорой помощи», мужчины – по данным медвытрезвителя. Был

рассчитан интенсивный коэффициент злоупотребления алкоголем среди населения г. Москвы, равный 58:1000, с соотношением мужчин и женщин 1:20 (Копыт, 1977)[2].

По социальному составу среди мужчин, злоупотребляющих алкоголем, преобладали рабочие (2/3) и служащие (1/3), среди женщин – служащие (2/3) и рабочие (1/5). По роду занятий среди мужчин преобладали лица, занятые в строительстве, работники коммунального хозяйства и бытового обслуживания, среди женщин – работники торговли, общественного питания и автотранспорта (Копыт и др., 1974; Копыт, 1977).

На основе анализа литературы и результатов исследования авторы разработали концептуальную схему воздействия социально-психологических факторов на алкоголизацию. Согласно схеме, в возрасте до 15 лет воздействуют «пусковые» факторы, представляющие собой, главным образом, особенности семейного функционирования. В подростковом возрасте на алкоголизацию влияет наследственность и микросоциальная среда. В возрасте 19-26 лет происходит развитие злоупотребления под воздействием факторов начала трудовой деятельности, самостоятельной жизни и норм производственного коллектива. В более старшем возрасте действуют факторы, поддерживающие злоупотребление – физическая и психологическая зависимость (Запорожченко, Копыт, 1975).

Влияние алкоголизации на заболеваемость и смертность населения анализировалось в рамках комплексного социально-гигиенического исследования алкоголизма (Копыт и др., 1974; Копыт, 1977; Лисицын, Копыт, 1978). Смертность больных алкоголизмом существенно отличалась от смертности населения, прежде всего, по возрасту дожития и причинам.

Так, была проанализирована структура смертности больных алкоголизмом на материале 488 больных мужского пола. Причинами смерти половины мужчин явились несчастные случаи, отравления, травмы, причем 1/3 из них– отравления алкоголем, ½ - несчастные случаи на транспорте. Треть злоупотреблявших умерли от сердечно-сосудистых заболеваний, 7,4% - от новообразований, 5,7% от болезней пищеварительной системы, главным образом, алкогольного цирроза печени, 4,9% - от болезней органов дыхания. Среди других причин смерти основное место занимал туберкулез органов

[2] Аналогичная методика была применена в Челябинске на данных за 1970-79 гг. (Розенфельд, 1984). Распространенность алкоголизма по данным психоневрологических учреждений в городе составила 4,2 на 1000 взрослого нас. в 1970 г. и 19 на 1000 чел. в 1979 г., в сельской местности соответственно 2,3 и 13,1 на 1000 чел. взрослого нас., По данным медвытрезвителей в городе этот коэффициент составил 55,2 чел. на 1000 взрослого населения в 1977 г. и 64,8 в 1979 г. По данным скорой помощи по городу распространенность алкоголизации в 1979 г. составила 132,1 у мужчин и 9,3 у женщин на 1000 чел. соответствующего пола.

дыхания. Почти 2/3 представителей изученного контингента умерли до достижения 50-летнего возраста.

Общая заболеваемость среди злоупотребляющих по сравнению с контрольной группой жителей Москвы была выше в 1,2 раза, и ее пик приходился на более ранний возраст – 50-59 лет, по сравнению с пиком в 60 лет и старше в контрольной группе.

Сходные результаты получил В.Н. Ильюшкин (1984). Он проанализировал 732 истории болезни больных алкоголизмом (из них 643 – мужчины). На момент смерти 65,2% не достигли 50-летнего возраста, из них половина умерла в возрасте 36-45 лет. Травмы, несчастные случаи и отравления послужили причиной смерти 47,4% больных, болезни органов кровообращения – 27,1%. Средний возраст дожития больных алкоголизмом составил 45,8 лет, тогда как среди населения он был равен 62,1 года.

Структура смертности больных алкоголизмом претерпевала изменения в связи с возрастом. В возрастном интервале 20-29 лет травмы, несчастные случаи и отравления в 3,7 раза чаше приводили к смерти, чем болезни системы кровообращения, а в возрасте 50-ти лет и старше смертность от заболеваний системы кровообращения в 1,3 раза превышала смертность по причинам травм, несчастных случаев и отравлений.

Автор установил связь причин смерти с динамическими характеристиками алкоголизма, такими, как давность заболевания и тип течения. Большая давность заболевания приводила к снижению риска смерти от травм и отравлений, но повышала риск смерти от сердечно-сосудистых заболеваний. Для высокопрогредиентного типа течения алкоголизма был характерен повышенный травматизм, а для низкопрогредиентного – повышенная смертность от сердечно-сосудистых заболеваний.

Влияние алкоголизма на соматическую заболеваемость по г. Москве было продемонстрировано В.В. Кулешовой (1980). Автором были обследованы 2735 больных, мужчин в возрасте 20-50 лет, проходивших лечение в диспансерах и лечебно-трудовых профилакториях. Интенсивный показатель болезненности алкоголиков в 6,8 раза превышал показатель болезненности в популяции и составил среди наркологических больных 471, и среди находящихся в ЛТП 363,4 на 1000 чел., по сравнению с 68,4 на 1000 населения г. Москвы соответствующего пола и возраста. Превышение по сравнению с общей популяцией для сердечно сосудистых заболеваний составляло 7,8 раза, для заболеваний пищеварительной системы – 2,6 раза, для заболеваний печени и желчевыводящих путей – 34,8 раза, для заболеваний дыхательной системы – в 17 раз.

По данным Л.Г. Розенфельд (1984), полученным в результате анализа данных по Челябинску и области за 1977-1979 гг., уровень заболеваемости мужчин, злоупотребляющих алкоголем, в соответствии с критериями, предложенными Копытом,

Запорожченко и Чекайдой (1972), оказался на 21% выше уровня заболеваемости в популяции города и на 24,3% - в популяции области. Уровень несчастных случаев, травм и отравлений был, по сравнению с общей популяцией, в 2 раза выше среди злоупотребляющих в городе и почти в 3,5 раза выше - среди злоупотребляющих в области.

У женщин алкоголизация была связана с повышением более чем вдвое частоты заболеваний половой системы и совершения абортов. В отношении абортов несколько ранее к сходному заключению по результатам опроса и клинического обследования сельских жителей Ленинградской области пришел А.Г. Федоров (1975). Им была обнаружена связь между разовой дозой употребляемого женщиной алкоголя и числом совершенных ею абортов.

Как уже было отмечено, промышленные рабочие исторически являлись в России одной из групп населения с наибольшей распространенностью алкоголизации. Возможно, поэтому заболеваемость с временной утратой трудоспособности в связи с алкоголизацией изучалась, в основном, среди рабочих промышленных предприятий. Согласно результатам исследования московских авторов (Копыт и др., 1974; Копыт, 1977; Лисицын, Копыт, 1978), в структуре заболеваемости злоупотребляющих алкоголем после простудных заболеваний количественно преобладал травматизм в быту. Заболеваемость по цехам коррелировала с числом злоупотребляющих в каждом их изученных цехов. В целом, заболеваемость злоупотребляющих алкоголем рабочих была в 1,9 раза выше, чем в контрольной группе, сформированной методом «пара-копий».

В исследовании Л.Г. Розенфельд (1984), проведенном несколькими годами позже в г. Челябинске и Челябинской области, уровень заболеваемости промышленных рабочих, злоупотреблявших алкоголем, в 2,5 раза превышал этот уровень в группе не употребляющих алкоголь. Для рабочих совхозов это превышение было в 3 раза. С использованием метода дисперсионного анализа автором было установлено, что по силе влияния на уровень заболеваемости с временной утратой трудоспособности злоупотребление алкоголем занимает первое место, - 28,8%, - среди других факторов. Затем следуют семейное положение - 19,1%, производственные условия - 18,4%, возраст - 12,3%, профессия - 7,3% и стаж - 5,1%.

Одним из примеров изучения проблем собственно индустриального алкоголизма служит исследование на одном из промышленных предприятий г. Риги (Сочнева и др., 1981). Авторами была разработана шкала алкоголизации, которая при проверке в пилотажном исследовании выявляла 97% больных алкоголизмом, начиная со второй стадии заболевания (по Б.М.Сегалу). Анкетный опрос охватил 1500 рабочих.

У больных алкоголизмом рабочих был обнаружен более низкий профессиональный и образовательный статус, склонность к «штурмовщине», восприятие своей работы как связанной с риском, толерантность к алкоголизации в родительской семье. Для них была характерна конфликтность в микросоциальном окружении, низкая удовлетворенность своей жизнью, высокий доход.

Л.В. Мещеряков (1989) провел опрос 1952 рабочих, занятых на буровых работах, 1557 работников транспорта и 2300 человек из числа жителей крупного промышленного города (г. Томск), а кроме того, 245 больных алкоголизмом. Распространенность проблемного пьянства и алкоголизма составила 123 человека на 1000 человек населения в 1984 году и 110 человек на 1000 человек населения в 1986 году. Наблюдаемое снижение распространенности этих видов алкопотребления было обусловлено началом горбачевской антиалкогольной политики.

Методами многомерного анализа (дискриминантный и факторный анализ) были статистически оценены факторы алкоголизации у больных алкоголизмом и проблемных пьяниц. Обнаружилось, что алкоголизм сопряжен с личностными факторами путем смягчения характерологических девиаций, а пьянство – с социально-психологическими факторами - в функциях поддержания традиций и облегчения общения.

В.Н. Тихонов (1983) осуществил исследование социальных и производственных факторов, способствующих тяжелой алкоголизации. Автором был проведен анкетный и социометрический опрос 945 работников промышленных предприятий. В соответствии с долей в коллективе тяжелых больных алкоголизмом, состоящих на учете в наркологическом отделении психиатрической больницы, были выделены 5 коллективов: четыре – с наибольшей долей больных и один контрольный. Доля больных алкоголизмом в «алкогольных» коллективах составляла 37,3% - 64,0%, в контрольном – 13,5%.

Коллективы с наибольшей долей больных характеризовались неблагоприятными производственными условиями и более высокой текучестью кадров. В этих коллективах было больше мигрантов из сельской местности, работников с низким образовательным уровнем, разведенных и имеющих худшие жилищные условия. Помимо этого, «алкогольные» коллективы отличала возможность дополнительного дохода, подвижный характер работы, сезонные колебания темпа и объема работ, слабый контроль со стороны руководства.

Для «алкогольных» коллективов была характерна высокая толерантность к алкоголизации: 81,4% - 98,7% опрошенных считали приемлемым употребление алкоголя на работе, против 10,1% в контрольном коллективе, 65,6% - 76,0% считали нормальным систематическое употребление алкоголя, против 13,7% в контрольном коллективе.

Систематическое пьянство у представителей «алкогольных» коллективов начиналось при переходе именно на это место работы.

Неформальную лидерскую позицию в «алкогольных» коллективах чаще всего занимал мужчина, злоупотребляющий алкоголем или больной алкоголизмом, с большим стажем, с сохранной социальной и профессиональной адаптацией. Алкоголизация часто отмечалась и у формальных лидеров. В контрольном коллективе случаи алкоголизма среди формальных и неформальных лидеров были единичными.

По результатам дисперсионного анализа доля влияния социально-психологических факторов на алкоголизацию составила 19,5%, профессиональных факторов– 8,6%, а их совместное влияние – 5,9%.

Основные результаты исследований индустриального алкоголизма начала 90-х годов представлены в таблице 5.

Таблица 5.

Исследования индустриального алкоголизма

Авторы, год	Характеристики исследования	Уровень алкоголизации	Факторы алкоголизации
Копыт и др., 1972; 1974; Запорожченко, 1975; Копыт, 1977	1624 рабочих промышленного предприятия г. Москвы, интервью	Алкоголизм и систематическое пьянство среди мужчин – 37,1%, среди женщин – 1,9%. Абстиненты – 1,4%. Умеренное употребление – 62,2% мужчин, 96% женщин. Среди рабочих 4% состоят на учете в ПНД	Воспитание без родителей, семья с одним родителем. Низкий культурный уровень, неорганизованный досуг (77,1%).
Дюкарева, 1982	Опрос рабочих горячего цеха промышленного предприятия	Абстиненты – 23,6%, употребляют 1-3 раза в месяц – 45,3%, употребляют 4 более раз в мес. – 31,1%	Неорганизованный досуг и отдых. «Поводы» употребления – выходные, получение заработной платы, встречи с друзьями.
Яраус, 1984	520 работников промышленных предприятий – членов «алкогольных микрогрупп»	В составе алкогольных микрогрупп 18,1% членов – без признаков алкоголизма, 38,1% алкоголизм I стадии, 43,8% - алкоголизм II стадии	«Алкогольная микрогруппа» – социально-психологический фактор вовлечения в алкоголизацию
Кошкина, Петракова, 1988	459 работниц предприятия пищевой промышленности	Абстиненты – 24,8%; 3 раза в год – 1 раз в мес. – 66,0%; 2-3 раза в мес. и чаще – 9,2%.	Алкоголизация одного из членов семьи. Доступ к спирту на работе.
Кулигин, 1990	1000 женщин - работницы прядильно-ткацкого производства и девушки, обучающиеся в	Алкоголизм – 9,6%. Употребление до 24 раз в год в разовой дозе менее 80 абс. алк. – 61,2%. Абстиненты – 22,7%. Среди учащихся ПТУ	Инициальные: неправильное воспитание, алкоголизация родителей, поощрение алкоголизации в семье, неполная семья, ранняя проба. Поддерживающие:

Авторы, год	Характеристики исследования	Уровень алкоголизации	Факторы алкоголизации
	профильном ПТУ	употребление чаще 24 раз в год в разовой дозе более 80 абс. алк. – 22,3%.	алкоголизация супруга, конфликты в собственной семье.
Шешунов, 1995	598 работников автотранспортных предприятий, мужчины 18-65 лет	Актуальное употребление алкоголя – 96%. Разовые дозы – 300-500 г водки – 43%, 500-700 г водки – 26%, 1000 и более г водки – 12,8%.	Употребление как вид досуговой активности. Стресс в семейной и производственной сфере. Дополнительный заработок. Алкоголь как средство взаиморасчетов.

Серию исследований социального состава контингента медвытрезвителей представили Б.М. Левин и М.Б. Левин (1988). Этот контингент, практически выпадающий из сферы медицинского контроля, представляет собой тяжело пьющую часть населения. По данным авторов, лишь менее 5% клиентов вытрезвителя попали туда случайно и впервые.

Анализ временной динамики этого контингента выявил ряд важных фактов. Во-первых, это нарастание доли женщин, параллельное росту женской эмансипации. Так, доля женщин за 20 лет возросла более чем в два раза:

1966-2,6%	1971-3,2%	1976-4,0%	1980-5,0%	1984-7,4%	1986-7,9%

Среди женщин стабильно преобладали занятые малоквалифицированным или неквалифицированным трудом, работники сферы обслуживания, домохозяйки. Наибольшие отличия от состава мужчин заключались в диспропорциональной доле вдов: в 1966 г. - 40%, в 1976 г. - 46%, а в 1986 г. – более половины женщин. Семейное же положение мужской части изученного контингента отражало семейное положение, типичное для мужского населения крупного города.

Однако женатые мужчины, по сравнению с не женатыми, были менее склонны к употреблению самогона и суррогатов, в структуре употребления у них меньшую долю занимали крепкие напитки. Не женатые охотнее пили в одиночку, не ища компании. Женатые значительно реже попадали в вытрезвитель по выходным дням, когда находились «под контролем». В будние дни они «брали реванш», попадая туда чаще холостых. В течение суток женатые мужчины попадали в вытрезвитель в ранние вечерние часы, так как стремились напиться до возвращения домой, тогда как поступление неженатых распределялось по времени суток более равномерно.

В 1986 году большинство попавших в вытрезвитель относились к возрастной категории 31-40 лет. Второй по численности явилась возрастная категория 21-30 лет.

Основными употребляемыми напитками были водка и крепленые вина. Около половины контингента вытрезвителя употребляли алкоголь в разовой дозе около полулитра водки или трех и более бутылок крепленого вина. Около 10% лиц, попавших в вытрезвитель, употребляли, кроме того, самогон и алкогольные суррогаты.

За десятилетие образовательный уровень контингента вытрезвителей повысился вслед за образовательным уровнем населения в целом (табл.3).

Таблица 3.

Образовательный уровень клиентов вытрезвителя, %

Образование	1975 год	1985 год
Начальное	50,0	5,6
5-9 классов	23,0	18,4
Законченное среднее	16,6	48,9
Среднее специальное	5,4	21,0
Высшее	5,0	6,0

Однако социальный состав контингента вытрезвителей оставался стабильным (табл.4). Преобладали рабочие, занятые, главным образом, малоквалифицированным и ручным трудом и строительные рабочие. Жилищные условия клиентов вытрезвителей не отличались от жилищных условий населения в целом.

Таблица 4.

Социальный состав контингента вытрезвителей, %

Социальный состав	1965	1975	1985
Рабочие	87,4	85,5	78,8
Служащие, инженерно-технические работники	9,2	11,4	16,9
Учащиеся	1,0	1,5	2,6
Пенсионеры	2,4	1,6	1,7

Исследования алкоголизации детей, подростков и молодежи

Первое за этот исторический период комплексное социально-гигиеническое исследование употребления алкоголя подростками было проведено Е.С. Скворцовой (1981). Данные собирались путем опроса 3555 подростков – учащихся 8-10 классов, подростков, состоящих на учете в центральной детской комнате милиции и наркологическом диспансере, а также в ходе обследования 495 семей злоупотребляющих алкоголем подростков, проживающих в промышленном районе Москвы. Интенсивность алкоголизации повышалась с возрастом, оставаясь меньшей у девочек. Большинство случаев алкоголизации, как и первой пробы алкоголя, были связаны с семейными торжествами.

Анализируя исследования 20-30-х годов, автор отмечает, что распространенность подростковой алкоголизации по данным ее исследования совпадает с данными тех лет, однако половые различия в уровне и интенсивности алкоголизации уменьшились. В соответствии с разработанной автором классификацией распространенность алкоголизации среди подростков была следующей:

I группа	II группа	III группа	IV группа
Употребление 1 – 4-5 раз в год, по праздникам, в незначительном количестве	«Традиционное» употребление 10-12 раз в год по праздникам и семейным торжествам	Употребление в группе сверстников и по традиционным поводам 2-3 раза в месяц	Употребление с негативными последствиями, утратой контроля, с частотой 1 и более раз в неделю
6,5%	53,7%	5,4%	5,9%
	28,5%	- абстиненты	

Для оценки влияния социально-гигиенических факторов на подростковую алкоголизацию автор сравнила выборку злоупотребляющих алкоголем подростков с контрольной группой абстинентов того же возраста. Применение дисперсионного анализа позволило оценить силу влияния на алкоголизацию 18 переменных. Наибольшее влияние оказывали продолжительный бессодержательный досуг, ранняя проба алкоголя, конфликты в семье, алкоголизация отца. Промежуточное положение по силе влияния имели факторы семейного функционирования: низкий образовательный уровень родителей, неудовлетворительное материальное положение, неполная семья. Наименьшее значение имели осложнения беременности и родов, психические отклонения в преморбидном периоде, травмы головы.

Б.С. Братусь и П.И. Сидоров (1984) изучали социально-психологические факторы подростковой алкоголизации в связи с урбанизацией. Для этого были опрошены 10000 школьников 3-10 классов из разных по величине и значению городов: Инты, Архангельска и Ленинграда.

Среди мальчиков чаще употребляли алкоголь жители Инты, среди девочек – Ленинграда, что указывает на эмансипацию девочек в крупном городе. Для детей обоего пола прослеживалась прямая зависимость частоты алкоголизации в семье от «уровня урбанизации», с максимальными показателями по Ленинграду.

Школьники, которым родители давали алкоголь по праздникам, в девять раз чаще, чем их сверстники, которым родители запрещали пробовать алкоголь, впоследствии выпивали в компании друзей. Для подростков, употреблявших алкоголь дома по праздникам и в компании сверстников, было характерно более лояльное отношение к пьянству.

Отношение к пьянству также менялось в зависимости от пола и возраста. С возрастом лояльность нарастала, оставаясь у девочек меньшей. Одобрение потребления

алкоголя по праздникам и при встрече с друзьями было связано с возрастом аналогичным образом. У мальчиков одобрительное отношение к употреблению алкоголя распространялось, кроме того, и на ситуацию употребления в выходные дни.

Выборочное исследование потребления психоактивных веществ среди сельских школьников, проведенное в 2001-2002 годах (Положение…, 2003) демонстрирует, в общем, сходные результаты[3].

В целом распространенность алкоголизации на 100 мальчиков 15-17 лет составила 71,8, на 100 девочек того же возраста – 76,7. По регионам наибольшая алкоголизация у мальчиков наблюдалась в Краснодарском и Красноярском краях, Мурманской, Пермской и Смоленской областях, у девочек - в Краснодарском и Красноярском краях, Московской, Мурманской и Смоленской областях. Наименьшая распространенность для подростков обоих полов отмечалась в республиках Удмуртия и Чувашия. Впервые подростки пробовали алкоголь в возрасте 13-14 лет и 11-12 лет, 2/3 мальчиков и ¾ девочек впервые пробовали алкоголь на семейном празднике. Среди поводов употребления алкоголя преобладали семейные праздники (у 1/3 подростков), праздники в кругу друзей (1/2 подростков), с друзьями без повода или от скуки (1/10 подростков). У сельских школьников, в сравнении с городскими, уровень алкоголизации был статистически значимо ниже.

Влияние урбанизации на алкоголизацию населения рассматривается в работе А.Г. Федорова (1975). Автор изучал алкоголизацию жителей Тосненского района Ленинградской области на материалах пациентов наркологического кабинета, психиатрической больницы, медвытрезвителя и обследования 2104 семей. Наибольший уровень алкоголизации отмечался у лиц, ежедневно выезжающих в город для работы на промышленном предприятии. Частота совершения правонарушений в состоянии опьянения была связана с долей на территории жителей, ежедневно выезжающих в город .

Наименьшая алкоголизация наблюдалась у рабочих местных совхозов. Однако в вытрезвителе отмечалась высокая, по сравнению с городскими показателями, доля учащихся и пенсионеров, что объясняется автором избытком свободного времени при территориальной изолированности района. Таким образом, ведущими факторами алкоголизации сельских жителей были ежедневные миграции в город и территориальная изолированность, снижающая возможности для проведения досуга.

---

[3] Понятия «употребление» и «злоупотребление» авторы публикации никак не раскрывают. Таким образом, результаты данного исследования дают относительную ясность только в отношении доли абстинентов.

Н.Г. Георгиевская (1982) обследовала 328 больных алкоголизмом, проживавших в сельской местности Ставропольского края. Из алкогольных напитков больные часто употребляли самогон, низкокачественные вина, суррогаты. Для этих сельских жителей была характерна поздняя обращаемость и поздняя социально-трудовая дезадаптация.

В период с 1980 г. по 1990 г. был проведен ряд эпидемиологических исследований алкоголизации населения в различных регионах СССР.

М.Г. Гулямов (1981) провел сплошное эпидемиологическое исследование распространенности бытового пьянства и алкоголизма в связи с уровнем миграционной подвижности населения в двух промышленных и двух сельских районах Таджикской ССР. В промышленном районе с большой долей мигрантов распространенность бытового пьянства составила 17%, алкоголизма – 13,3%, в промышленном районе с низкой долей мигрантов 13,3% и 9,2% соответственно. В сельских районах злоупотребляющих алкоголем лиц обнаружено не было вообще, распространенность употребления составила 0,3-0,5%. Это объясняется традиционно отрицательным отношением к алкоголю среди коренного сельского населения.

М.М. Этлис (1981) исследовал значение миграции для распространения алкоголизма в регионах Севера. Для этого автор проанализировал колебания уровня алкогольных психозов в Магаданской области за десятилетний период. Показатели заболеваемости и болезненности сравнивались с данными о миграции населения. Выяснилось, что значение миграции для региона неоднозначно. Выбытие из регионов контингента, в основном мужского, испытывающего трудности адаптации в ее начальном периоде, выводит представителей этого контингента из-под угрозы алкоголизации и повышает эпидемиологическую значимость алкоголизма среди населения, закрепляющегося на большие сроки. Прибытие контингента людей, способных адаптироваться к климатическим и социальным условиям и закрепиться на Севере увеличивает степень риска их алкоголизации, вероятность возникновения более прогредиентных форм хронического алкоголизма и способствует накоплению семейных форм алкоголизма.

Ц.П. Короленко и Н.Л. Бочкарева (1982) изучали факторы алкоголизации у приезжих жителей Крайнего Севера (Таймырский автономный округ). Авторами были обследованы 300 больных алкоголизмом. По данным исследования, в качестве ведущего психологического фактора алкоголизации выступало стремление избавиться от скуки, повысить настроение. Авторы сравнили заболевших алкоголизмом до приезда на Север с заболевшими после приезда. У страдавших алкоголизмом до приезда заболевание приобретало более неблагоприятное течение. После 1-2 лет проживания в Заполярье у 80% из них развились алкогольные психозы. И те, и другие больные отмечали усиление

тяги к алкоголизации в первые годы пребывания в Заполярье из-за выраженного состояния психического дискомфорта, особенно в первую полярную ночь. В группе лиц, не страдавших алкоголизмом до приезда на Север, психологическая зависимость в 80% случаев сформировалась в первые два года пребывания в этой зоне. Сроки течения заболевания были укороченными, в сравнении с больными европейской полосы. Таким образом, причиной алкоголизации работающих на крайнем Севере являются эмоциональные нарушения, обусловленные адаптацией к специфическим климатогеографическим условиям.

У коренных жителей Крайнего Севера алкоголизм занимал ведущее место в структуре нервно-психических расстройств. Территориально изолированные национальные группы были менее поражены алкоголизмом. Авторы связывают алкоголизацию коренных народов с переживанием культурного стресса вследствие изменения традиционного уклада жизни.

А.Д. Мишкинд (1982) изучал алкоголизацию в связи с процессами адаптации к жизни на Крайнем Севере. Мигранты рассматривались как неадаптированные, коренные жители – как полностью адаптированные к этим условиям. Всего в исследовании было опрошено 2976 жителей, 300 рабочих, 1552 учащихся и 1124 больных алкоголизмом в Ямало-Ненецком автономном округе. Хронический алкоголизм был обнаружен у 2,2% молодежи: от 1,1% среди неадаптированных до 13,7% среди представителей коренного населения. Среди населения г. Салехард распространенность хронического алкоголизма достигала 187 на 1000 населения, пьянства – 306,6 на 1000 населения.

Течение и последствия алкоголизации были более тяжелыми в группе коренных жителей. Для них были характерны патологические формы опьянения, повышенная агрессивность и склонность к совершению противоправных действий в состоянии опьянения. Для алкоголизации приезжего населения имел значение психический и физический дискомфорт в первые годы после переезда на Крайний Север. Таким образом, фактором повышенной алкоголизации северных народов выступала совокупность биологических явлений (биохимических, наследственных). Среди мигрантов употребление алкоголя выполняло транквилизирующую функцию.

А.К. Качаев и И.Г. Ураков (1981) дают сравнительную оценку алкоголизации населения в Эстонской и Таджикской республиках. Несмотря на то, что по регионам рассчитывались интенсивные показатели, сравнительная оценка была дана в виде их процентного соотношения. Тем не менее, данные демонстрируют совместное влияние этнонационального фактора и фактора урбанизации.

Распространенность бытового пьянства в республиках была одинаковой, а распространенность алкоголизма была на 24,2% ниже в Таджикской ССР. Среди населения городов Таджикской ССР бытовое пьянство было распространено на 53,7% выше, а алкоголизм на 10,5% ниже, чем в Эстонской ССР. Среди сельского населения Таджикской ССР пьянства и алкоголизма выявлено не было, а в Эстонской ССР пьянство и алкоголизм сельских жителей превышали городской уровень на 29,6%.

В исследовании С.А. Тусупбаевой (1987), проведенном на клинической выборке русских и казахских женщин, больных алкоголизмом, показано, что на алкоголизацию казашек влияли те же факторы, что и на алкоголизацию русских, однако у казашек в преморбидном периоде чаще встречались психопатии (в 29,1% у казашек и в 18,2% у русских).

В конце 80-х годов был впервые продемонстрирован уровень алкоголизации населения по данным опросных исследований на различных территориях страны. Е.Д. Красик и П.Н. Москвитин (1988) представили данные о распространенности пьянства и алкоголизма среди населения крупного промышленного города - Новокузнецка. Были обследованы 13793 человека. Распространенность бытового пьянства, определявшегося по критериям негативных социальных и медицинских последствий, составила для мужчин 39,5, для женщин 5,6 на 1000 человек. населения, распространенность алкоголизма – 115,3 и 13,3 соответственно.

Среди мужчин алкоголизм был более всего распространен среди квалифицированных (166,6:1000) и неквалифицированных рабочих (89,2:1000). Такую высокую пораженность квалифицированных рабочих авторы объясняют наблюдавшимся эксцессом заболеваемости в течение нескольких лет, предшествовавших исследованию. Рабочие просто еще не успели утратить квалификацию.

Среди женщин алкоголизм также был более распространен среди неквалифицированных (89,6:1000) и квалифицированных работниц (19,5:1000). В целом по результатам обследования репрезентативной выборки в Новокузнецке распространенность алкоголизма среди населения составила 4,7%, бытового пьянства – 1,6%.

Региональные особенности алкоголизма в прибалтийском и среднеазиатском регионах СССР изучались И.Г. Ураковым и М.А. Хотиняну (1989) путем формирования сравнимых репрезентативных выборок. В каждом регионе были обследованы сельские территории с традиционным укладом жизни и урбанизированные промышленные территории. Уровень алкоголизации был следующим.

	Прибалтика	Средняя Азия
Абстиненты	13,3%	28,3%
Эпизодическое и умеренное употребление от 1 раза в 2-3 месяца до 1-2 раз в месяц	73,7%	62,8%
Привычное бытовое пьянство	7%	8,3%
Хронический алкоголизм	6%	5,1%

Статистически значимо различались показатели абстиненции и умеренного употребления. Среди больных алкоголизмом в обоих регионах преобладали мужчины возраста 30-49 лет, с начальным образованием, относящиеся к категории рабочих. Либеральное отношение семьи к употреблению алкоголя в прибалтийском регионе создавало условия для более ранней пробы алкоголя. В среднеазиатском регионе, напротив, осуждение употребления алкоголя родителями приводило к более поздней пробе (1/3 обследованных попробовали алкогольный напиток впервые в 20-30 лет). Здесь ведущим фактором знакомства с алкоголем был отъезд из дома на учебу.

Факторами риска формирования привычного пьянства для прибалтийского региона были: принадлежность к коренной национальности, воспитание в семье, формально соблюдающей национальные традиции и обычаи, проживание в смешанном национальном окружении, невысокий уровень профессиональной квалификации, ранний возраст первой пробы и начала систематического употребления. Для среднеазиатского региона такими факторами были: принадлежность к некоренной национальности (мигранты), воспитание в семье, не соблюдающей национальные традиции и обычаи, наличие затруднений в выполняемой работе при нейтральной установке к ней.

Факторы риска формирования алкоголизма для обоих регионов были одни и те же, однако, для формирования алкоголизма у лиц из среднеазиатского региона имели более существенное значение преморбидные личностные девиации и доля мигрантов на изучаемой территории. В среднеазиатском регионе среди рабочих-мигрантов распространенность пьянства была выше в 1,6 раза, алкоголизма – в 3,5 раза по сравнению с рабочими-коренными жителями. Повышенную алкоголизацию мигрантов авторы связывают со следующими факторами: облегченным географическим перемещением семейно не устроенных, девиантных лиц, высокой заработной платой рабочих-мигрантов при малых расходах, бедным досугом.

В исследовании З.Г. Микаил-Заде (1989) была показана распространенность и динамика учтенной заболеваемости алкоголизмом по данным диспансерного учета в г. Баку Азербайджанской ССР. За период 1965 - 1978 годы заболеваемость здесь возросла в 2,3 раза, а болезненность в 4 раза, составив на конечный год рассматриваемого периода 0,72 и 6,1 на 1000 человек населения соответственно. В составе больных преобладали представители русской национальности - 68,5%, 16,8% составляли азербайджанцы, 5,8% -

татары, 5,4% - армяне, 3,5% - представители других национальностей. Больных алкоголизмом представителей коренного населения отличал более высокий уровень образования.

А. Габиани, В. Гургенидзе, В. Сванидзе (1979) отмечают рост алкоголизации жителей Грузинской ССР с начала 1970-х гг. в связи с сокращением производства традиционных для этого региона сухих вин и ростом производства вин крепленых. По данным А. Вязникова, А. Габиани и А. Тодуа (1979) 30% из 1525 состоявших на учете в психоневрологических диспансерах Грузии больных – мигранты, жители города. Употребляли водку 98,2% больных, начали с водки регулярное употребление алкоголя 50,5%. Авторы, однако, не представляют сведений о национальности больных. Они связывают алкоголизацию со стрессом, который сопровождает миграцию и адаптацию к жизни в городе.

Начало 90-х годов отмечается почти полным отсутствием исследований алкогольной тематики. Тема пьянства и алкоголизма как будто ушла на задний план.

А.А. Голов (1997) анализирует данные мониторингового исследования ВЦИОМ, проведенного в сентябре 1996 года. Изучались антиалкогольные настроения, - оценка злоупотребления алкоголем как нарушение закона, - в связи с социальным и семейным статусом и общими взглядами на жизнь на выборке 2430 человек в Москве, Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Частота употребления алкоголя возрастала параллельно величине населенного пункта. Так, в селах не реже раза в неделю употребляли алкоголь 9% опрошенных, в Санкт-Петербурге – 22%.

Антиалкогольные настроения разделяли 43% опрошенных. Чем меньше был размер населенного пункта, тем сильнее были антиалкогольные настроения. В Санкт-Петербурге их разделяли 12% опрошенных, в Ленинградской области – 50%. Исключение составила Москва, где антиалкогольные настроения разделяли 52% опрошенных.

Антиалкогольные настроения изменялись совместно с социальным статусом. Сохранение в течение последних лет низкого социального статуса сопровождалось терпимым отношением к злоупотреблению алкоголем и частотой потребления водки 3-4 раза в месяц (51%). Сохранение в течение последних лет высокого социального статуса сопровождалось сильными антиалкогольными настроениями и употреблением водки не реже раза в неделю (40%). Изменения антиалкогольных настроений происходили при повышении социального статуса. Если повышался низкий статус, то и без того не сильные антиалкогольные настроения ослабевали, если повышался средний статус, то более сильные в данной группе антиалкогольные настроения еще более возрастали.

Антиалкогольные настроения были связаны с переживанием страха перед будущим и предпочтением советского образа жизни. Терпимость к злоупотреблению была связана с приписыванием себе мужества в непредвиденных ситуациях, предпочтением свободы спокойствию и порядку, критическим отношением к советскому прошлому, отсутствием пессимизма в отношении будущего.

В конце 1980-х - начале 1990-х гг. выходит ряд работ, посвященных интерпретации сложившейся в стране алкогольной ситуации. Рост алкоголизации в застойный период А.О. Куддо (1988) объясняет действием социально-экономических причин: дефицитом предложения товаров и услуг при достаточно высокой оплате труда, значительным числом праздничных и выходных дней при почти полном отсутствии индустрии развлечений, существованием широкой сети продажи алкогольных напитков.

А.В. Немцов (1995) анализирует последствия антиалкогольной кампании 1985 года и описывает факторы, которые обусловили злокачественность этих последствий: низкая цена алкоголя в сравнении с продуктами питания, широкое распространение фальсификатов, резкое повышение уровня потребления, вызвавшее скачок алкогольной смертности.

Б.М. Левин (1995) приводит факторы употребления алкоголя в условиях быстрых социальный перемен начала 1990-х гг. Среди основных причин роста алкоголизации в этот период он называет девальвацию социальных навыков и норм (аномию), усиление социально-экономической дифференциации населения, ослабление социального контроля над алкогольной ситуацией.

Но и эти факторы действовали в условиях уже существующей широкой распространенности алкоголизации. По оценке Б.М. Левина, среди 150 миллионов взрослого населения трезвенников насчитывалось 4-5%%, умеренно употребляющих – 80-84%, пьяниц – 10-11% и алкоголиков 4-5%.

Резюме

Подводя итоги обзору исследований российской алкоголизации более чем за столетие, можно определить следующие закономерности, устойчиво воспроизводимые в большинстве исследований.

В начале XX века сформировались основные особенности паттерна российской алкоголизации. Прежде всего, это концентрация тяжелых пьяниц в городах, тогда как для населения сел была характерна периодизация алкопотребления, связанная с культурными нормами сельского населения. Во-вторых, это тяжелая алкоголизация населения в определенные дни – изначально дни религиозных праздников, впоследствии – любые выходные и праздничные дни. В третьих, это неравномерное распределение

алкоголизации по регионам России, различным по своему национальному составу. Более характерна тяжелая алкоголизация для населения европейской части России. Неоднократно было отмечено, что при приблизительно равных уровнях потребления алкоголя в России в сравнении с рядом европейских стран, такие особенности потребления приводят к более высокой частоте негативных последствий алкоголизации.

Относительно социально-классовой структуры российского общества алкоголизация концентрировалась среди представителей высшего класса (дворянства, студенчества) а также низшего (особенно – среди низкооплачиваемых рабочих). Высокий уровень алкоголизации был свойственен и иностранцам, проживающим на территории России – финнам и немцам. Пьянство рабочих в дореволюционных исследованиях чаще всего интерпретировалось с точки зрения использования алкоголя в утилитарных целях – для «согрева», отдыха после тяжелой работы, а также с точки зрения низкой информированности населения о вредных последствиях его употребления. Большое значение придавалось нормам ближайшего социального окружения. В частности, было показано, что дети воспроизводят паттерн алкоголизации родителей.

В исследованиях советского периода алкоголизация представителей высшего социального класса не исследуется. Связь алкоголизма с социально-классовой позицией в советских исследованиях очень сильна и ассоциируется с позицией рабочего и служащего с образованием не выше среднего специального. Связь алкоголизации с низким уровнем дохода рабочих, воспроизводимая в дореволюционных исследованиях, не находит своего подтверждения в исследованиях послереволюционных. Так, в исследованиях 20-30 гг. с ростом благосостояния алкоголизация рабочих возрастала. В более поздних работах советского периода уровень благосостояния рабочих - больных алкоголизмом уже не отличался от уровня благосостояния здоровых.

Большое значение в алкоголизации рабочих придается влиянию жестких субкультурных норм, поощряющих массивную алкоголизацию. Основной объяснительной моделью алкоголизации рабочих выступает марксистская модель «социальных корней пьянства». Советский рабочий класс «унаследовал» тяжелую алкоголизацию угнетенных рабочих капиталистической эпохи. Устойчивость этих «традиций» приводит к их воспроизведению и передаче в рабочей среде.

В объяснении алкоголизации женщин, как правило, акцентируются влияние личностных и реактивных факторов, таких как психопатии и стресс, а также не получающая развернутого объяснения алкоголизация мужа. В исследованиях, как дореволюционного периода, так и 1980-х гг., отмечается диспропорциональная доля вдов среди злоупотребляющих алкоголем женщин. Различия в алкоголизации мужчин и

женщин интерпретируются с позиций представления о разрушительном действии алкоголя на «более слабый женский организм».

Доступ к алкоголю по характеру работы, наличие дополнительного дохода и низкий контроль со стороны семьи или руководства выступают сквозными коррелятами алкоголизации в исследованиях как дореволюционного, так и советского периода. Уровень социального контроля понижен у представителей экспедиционных профессий и неженатых мужчин, для которых характерна более тяжелая алкоголизация с соответственно более тяжелыми последствиями. Низкий контроль со стороны руководства на работе создает, например, руководитель-алкоголик. Скрываемый от семьи дополнительный доход возникает в условиях сниженного семейного контроля.

В алкоголизации рабочих внимание акцентируется на отсутствии организованного досуга и отдыха или «низком культурном уровне» у представителей рабочей профессии. Алкоголизация воспринимается рабочими как вид досуговой деятельности.

Отмечается и нисходящая социальная мобильность алкоголизирующихся. Так, ранее начало употребления алкоголя устойчиво связано с получением более низкого образования.

Исследования негативных последствий алкоголизации показывают связь алкоголизма с промышленным абсентеизмом и травматизмом, общей заболеваемостью и смертностью. Алкоголизация повышала риск производственного травматизма и влияла на заболеваемость выше, чем факторы производства и семьи. Заболеваемость рабочих, злоупотребляющих алкоголем, в 2-3 раза превышала заболеваемость не злоупотребляющих.

Ведущей причиной смерти больных алкоголизмом являлись травмы, несчастные случаи и отравления, а также сердечно-сосудистые заболевания. Алкоголизация сокращала жизнь мужчин приблизительно на 20 лет. Молодые мужчины чаще умирали от травм и отравлений, более старшие по возрасту – от сердечно-сосудистых заболеваний.

Исследования показывают существующий исторический тренд в половом распределении алкоголизации. На протяжении XX века фиксируется медленный, но постоянный рост доли женщин среди алкоголиков, отражающий общую тенденцию женской эмансипации.

Повышение образовательного уровня тяжелопьющих происходило вслед за повышением образовательного уровня населения России в целом. Вместе с тем социальный состав злоупотребляющих алкоголем оставался относительно стабильным.

Распространенность алкоголизации среди подростков оставалась стабильной как по данным дореволюционных исследований, так и по данным исследований советского

периода. Однако, вслед за населением в целом, среди алкоголизирующихся подростков нарастала доля девушек. Толерантное отношение к употреблению алкоголя в семье приводило к более раннему началу употребления алкоголя. Как и в конце XIX века, среди советских подростков чаще алкоголизировались те, кого родители угощали алкоголем по праздникам. Вместе с тем алкоголизация была свойственна и более эмансипированным подросткам, жителям больших городов.

В регионах России и ранее СССР, населенных представителями нехристианских религий, уровень алкоголизации был существенно ниже, чем у российского населения и коренных жителей прибалтийских республик. Рост алкоголизации в таких регионах был связан с ростом доли мигрантов – рабочих и служащих из России. В случаях тяжелой алкоголизации у представителей нехристианских религий чаще отмечались факторы предиспозиции – психопатии. Также для них была характерна более поздняя проба алкоголя, часто сопряженная с выходом из-под контроля родительской семьи, в виде, например, отъезда на учебу.

В регионах Крайнего Севера рост алкоголизации был связан с двумя основными факторами. Первый – это трудности адаптации к условиям внешней среды у мигрантов – некоренных жителей региона. Второй – это восприимчивость местного населения к формированию тяжелой алкоголизации из-за действия комплекса факторов – генетически обусловленной повышенной чувствительности к действию алкоголя и стресса аккультурации. Для представителей северных народов характерны патологические формы опьянения и более тяжелое течение алкоголизма. Территориально изолированные группы оказались меньше поражены алкоголизмом.

Среди факторов алкоголизации часто упоминается миграция. Влиянием миграции интерпретируется как с точки зрения возникновения эмоционального стресса и напряженности адаптационных механизмов, так и с точки зрения выхода мигрантов из-под влияния традиционной семьи. Последнее особенно характерно для представителей нехристианских религий. Другая точка зрения на причинность в отношении алкоголизации мигрантов – это повышенная мобильность девиантных лиц, изначально предрасположенных к повышенной алкоголизации.

Регуляция потребления культурными нормами отмечается в большинстве исследований. Здесь чаще акцентируются субкультурные нормы алкоголизации рабочего класса. Алкоголь как средство взаиморасчетов упоминается как в дореволюционных исследованиях, так и в исследованиях 19920-х гг.

Непротиворечивые результаты были получены относительно влияния на алкоголизацию социально-экономических факторов. Было обнаружено, что ценовая

политика оказывает временное позитивное влияние на алкоголизацию в виде ее снижения при повышении акциза (дореволюционный период). То же наблюдается и в отношении введения «сухого закона». Возникает временное снижение алкоголизации и ее негативных последствий, которые выходят на прежний уровень, как только население налаживает производство самогона и алкогольных суррогатов. Это явление устойчиво отмечалось как в дореволюционное, так и в советское время. Снижение производства традиционных для региона слабоалкогольных напитков, например, виноградных вин в кавказском регионе, приводит к росту употребления крепких напитков и числа больных алкоголизмом.

В статье Г.Г. Заиграева (2002) освещаются результаты сравнительного исследования, проведенного под эгидой Международного центра алкогольной политики среди сельского населения 7 стран мира (2001 год), где выявлялись особенности моделей потребления некоммерческого алкоголя, то есть напитков домашнего изготовления. В соответствии с методологией Международного центра объектом исследования стали 75 типичных сельских семей, проживающих в 3-х типичных областях России - Воронежской, Нижегородской и Омской, расположенных в различных экономических и природно-климатических зонах.

Всего обследование охватило 210 человек, в том числе в возрасте до 30 лет - около 20%; 30-49 лет - 34%; 50-59 лет - 22%, 60 лет и старше - более 24%. По основному занятию респонденты распределились следующим образом: работающие - 49,5%, пенсионеры - 33,3%, временно не работающие - 10,5%, учащиеся - 6,7%. Анализ данных анкетного опроса и накопленной за 4 месяца первичной информации о структуре, частоте и объемах потребления спиртного, а также о мотивах, поводах и обстановке распития алкоголя позволил сформулировать следующие результаты исследования.

Во всех трех областях подавляющее большинство лиц, подвергнутых обследованию (до 80%), в потреблении алкоголя предпочитают, в основном, самогон, от 32% до 48% наряду с самогоном периодически потребляют водку и 10-15%% - вино, брагу и другие домашние напитки. Последующий анализ данных о количестве потребляемого алкоголя показал, что в его структуре самогона оказалось в 4,8 раза больше, чем водки. Для сравнения можно указать, что в период наиболее массового распространения самогоноварения в стране, наблюдавшегося в 20-е годы XX века, соотношение между самогоном и водкой в алкопотреблении равнялось 4,1:1. Но если в тот период массовое изготовление и потребление самогона было следствием огромного дефицита водки в условиях "сухого" закона 1914-1925 годов, то истоки нынешнего всплеска самогоноварения имеют совсем иной характер, и связаны скорее с экономическими и

правовыми аспектами государственной политики в сфере производства и реализации алкогольной продукции.

Почти две трети респондентов свое предпочтение самогону объясняют главным образом тем, что официальная водка слишком дорога и при нынешнем их бедственном материальном положении у них часто просто не хватает денег на ее покупку. Выяснилось, что из этой категории людей от 60% до 70% предпочитают покупать самогон, цена которого (15-20 рублей за поллитровку), в среднем в 2-2,5 раза ниже стоимости водки в розничной торговле (40-50 рублей). Остальные 30-40%% изготавливают самогон сами. В качестве сырья для изготовления самогона во всех трех областях в подавляющем большинстве случаев (90-95%) используется сахар. С учетом стоимости сахара (14-15 рублей за килограмм) изготовление самогона для его производителя обходится в среднем в 8-10 рублей за 0,5 литра, что в 4-5 раз дешевле стоимости официально реализуемой водки.

Чуть менее значительной (55%) оказалась группа респондентов, увязывающая свое предпочтение самогону с риском возможного отравления фальсифицированной водкой.

Для большинства обследованных характерна повышенная интенсивность алкоголизации и по показателю частоты потребления и по показателю объема потребляемого алкоголя. Такой паттерн употребления характерен для бытового пьянства или начальной стадии алкоголизма. Половина обследованных прибегает к алкоголю не реже 4-х раз в неделю (65% мужчин и 23% женщин), более чем каждый четвертый (27%) - 2-3 раза в неделю, и только каждый пятый - 2-4 раза в месяц. Среди женщин 59% употребляют алкоголь не реже 2-х раз в неделю, паттерн, еще 50-60 лет назад мало характерный для женщин России.

Также выявилась зависимость частоты потребления спиртного от возраста. У лиц старших возрастных групп частота потребления спиртного оказалась заметно выше, чем у людей молодого возраста. Если среди молодых, в возрасте до 30 лет, людей 4 раза и чаще потребляют спиртное 28% обследованных, то в возрастной группе 30-49 лет - 60%, а среди лиц старше 50 лет - уже 65%. С возрастом заметно меняется и отношение людей к различным видам спиртного. Если частота потребления самогона по мере увеличения возраста заметно нарастает, то случаи потребления водки, наоборот, значительно уменьшаются. В группе пожилых людей их в 2 раза меньше, чем в возрастной группе 30-49 лет. В результате, доля самогона в общем потреблении алкоголя с возрастом увеличивается. Так, в возрастной группе до 30 лет она превышает долю водки в 2,6 раза, в группе 30-49 лет - в 3,2, а среди лиц старше 50 лет - уже в 9 раз.

О том, что потребление алкоголя стало носить более частый и менее упорядоченный характер, можно судить по мотивам, побуждающим людей прибегать к алкоголю. У большинства респондентов потребление спиртного связано с такими традиционными поводами, как праздники или знаменательные события в семье (от 74% до 79%), встреча с родными или близкими (от 50% до 75%), а также по случаю выходных дней (от 29% до 37%). Вместе с тем, в качестве поводов для распития спиртного довольно часто выступают совсем незначительные, случайные события, например, встреча со знакомыми, а от 24% до 39% обследованных пьют, по существу, без какого-либо повода - просто захотелось выпить.

В пересчете на абсолютный алкоголь каждый охваченный исследованием сельский житель потребляет 17,3 литра, в том числе 14,4 литра самогона и 2,9 литра водки. С учетом же всех возрастных групп, включая детей и подростков до 18 лет, душевое потребление составляет 16 литров асбсолютного алкоголя, в том числе самогона - 13,2, а водки - 2,7 литра. Самыми тяжело пьющими, - 20,1 литра обезвоженного спирта на человека, - оказались обследуемые из Воронежской области (против 18,6 литров в Омской области и 15,0 литров в Нижегородской). В Воронежской области - производителе сахарной свеклы всегда, с давних времен и в периоды различной алкогольной политики государства, изготовление и потребление самогона имело весьма широкое распространение, и ныне среди обследуемых его доля в общем потреблении алкоголя составляет почти 83%.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агарков А.П. Катамнез больных, перенесших алкогольные психозы (клинико-эпидемиологические и реабилитационные аспекты). Автореф. дис. … канд. мед. наук. Томск, 1989. - 21 с.
2. Агаев А.Г., Ястребова Л.М., Жалковская Л.М. Влияние социально-бытовых факторов на развитие хронического алкоголизма // Вопросы психоневрологии. Вып. 11. Баку: Тип. АН Азерб. ССР, 1985. – С. 62-63.
3. Алкоголизм в современной деревне / Под ред. Н.А. Черлюнчакевича. М.: ЦСУ РСФСР, 1929. – 56 с.
4. Анучин В.В., Альтшулер В.Б., Власова И.Б. Преклинические и начальные проявления хронического алкоголизма у женщин разного возраста // проблемы подростково-юношеского и женского алкоголизма: Сб. научн. трудов. М.: НИИмаш, 1984. – С. 21-24.
5. Братусь Б.С., Сидоров П.И. Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. М.: Изд-во МГУ, 1984. – 144 с.
6. Воронов Д.Н. Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 году. Пенза: Т-во А.И. Раппопорт, 1913.

7. Воронов Д.Н. Анализ деревенского алкоголизма и самогонного промысла // Вопросы наркологии / Под ред. А.С. Шоломович. Вып. 2. М.: Изд-во Мосздравотдела, 1926. – 108 с.
8. Воронов Д.Н. Алкоголь в современном быту. М.-Л.: Гос. Изд-во, 1930. – 136 с.
9. Вязников А., Габиани А., Тодуа А. О некоторых результатах конкретно-социологического исследования алкоголизма (по материалам Грузинской ССР) // Некоторые результаты социально-экономического исследования проблемы пьянства и алкоголизма / Под ред. А. Габиани, И. Сахварелидзе, И. Лежава. Тбилиси: изд-во Тбилисского ун-та, 1979. С. 34-52.
10. Габиани А., Гургенидзе В., Сванидзе В. О динамике, структуре и географии алкоголизма в Грузинской ССР // Некоторые результаты социально-экономического исследования проблемы пьянства и алкоголизма / Под ред. А. Габиани, И. Сахварелидзе, И. Лежава. Тбилиси: изд-во Тбилисского ун-та, 1979. С. 13-33.
11. Гаплыков А.В. Социально-гигиеническая характеристика травматизма в связи с алкогольным опьянением // Здравоохранение Российской Федерации. 1984. №2. – С. 43-44.
12. Георгиевская Н.Г. О некоторых особенностях алкоголизма у лиц, проживающих в сельской местности // Тезисы итоговой научной конференции Ставропольского медицинского института в 1982 г. Ставрополь, 1982. - С. 120-121.
13. Гернет М.Н. Моральная статистика (Уголовная статистика и статистика самоубийств). М.: ЦСУ, 1922.
14. Голов А.А. Антиалкогольные настроения и винопитие в российском обществе // Социологические исследования в России. 1997. Вып. 2. Алкоголь-экономика-общество. – С. 17-33.
15. Горячкина Г.П. Некоторые данные об алкоголизме у детей // Детская медицина. 1896. №2. – С. 95-109.
16. Григорьев Н.И. Алкоголизм и преступность в Петербурге. СПб, Тип. П.П. Сойкина, 1900. – 246 с.
17. Григорьев Н.И. О пьянстве среди мастеровых в г. Петербурге // Вестник трезвости. 1898. №51. – С. 4-8.
18. Гулямов М.Г. Некоторые аспекты эпидемиологии, клиники, патогенеза и терапии алкогольных заболеваний // Здравоохранение Таджикистана. 1981. №6. - С. 14-21.
19. Дейчман, Э.И. Алкоголизм и борьба с ним. М.: О-во борьбы с алкоголизмом, 1929. – 224 с.
20. Дейчман Э.И. Опыт изучения алкоголизма среди школьников // Социальная гигиена. 1927. №1(9). – С. 23-35.
21. Дейчман Э.И. Алкоголь и дети // В кн.: Алкоголизм как научная и бытовая проблема. М.-Л., 1928. – С. 12-189.
22. Дмитриев В.К. Критическое исследование о потреблении алкоголя в России / Под ред. Г.Н. Сорвиной. М.: SPSL, «Русская панорама», 2001. – 368 с. (пред. изд.: 1911 г.)
23. Дробышев В.В. Медико-социальные особенности алкоголизма у учащихся сельских профессионально-технических училищ // Вопросы наркологии. 1988. №3. – С. 42-44.
24. Дюкарева А.М. Социально-гигиенические аспекты состояния здоровья и адаптации к труду рабочих в условиях нагревающего микроклимата промышленного предприятия// Медико-социальные проблемы алкоголизма и пьянства / Под ред. П.Д. Синицына. Челябинск: Челябинский мед. институт, 1982. – С. 44-49.
25. Заиграев Г.Г. Из опыта конкретно-социологического исследования причин, способствующих сохранению пьянства и средства его устранения. Автореф. … канд. филос. наук. Москва, 1966. – 18 с.
26. Заиграев Г.Г. Особенности российской модели потребления некоммерческого алкоголя // Социологические исследования. №12 2002 год, с. 33-41.

27. Зайдель Д.Ф. К вопросу об алкоголизме среди молодежи // Уральский медицинский журнал. 1930. №1. – С. 97-102.
28. Запорожченко В.Г. Копыт Н.Я. Факторы, приводящие к злоупотреблению алкоголем и развитию алкоголизма // Здравоохранение Российской Федерации. 1975. №6. – С. 22-26.
29. Зиняк М.Я., Артеменко Н.М. Хронический алкоголизм и алкогольные психозы у мужчин и женщин // В кн.: Клиника, патогенез и лечение алкоголизма. Кишинев: «Картя Молдовенескэ», 1973. – С. 40-42.
30. Ильюшкин В.Н. Смертность больных хроническим алкоголизмом (клинико-эпидемиологическое исследование). Автореферат дисс.… к. мед. наук. Москва, 1984. – 16 с.
31. Исхакова А.И. К характеристике школьного алкоголизма в Казани // Труды института социальной гигиены. Т.1. Казань, 1929. С. 191-196.
32. Канель В.Я. Алкоголизм и борьба с ним. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина.1914. – 532 с.
33. Каспарянц О. Алкоголизм и бакинские рабочие // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством 28.XII.1909 – 6.I.1910 в Санкт-Петербурге. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1910. С. 799-834.
34. Качаев А.К., Ураков И.Г. Межрегиональная оценка результатов эпидемиологических исследований алкоголизма // Седьмой всесоюзный съезд невропатологов и психиатров. М.: Обл. тип. г. Калинин, 1981. – С. 243-246.
35. Кононенко В.И., Моисеев В.М. Алкоголь и виды смерти // Актуальные вопросы наркологии. Тезисы докладов областной научно-практической конференции 24 января 1985 г. Харьков, 1985. С. 54-55.
36. Копыт Н.Я. Алкоголизм как социально-гигиеническая проблема. Автореферат дисс.… докт. мед. наук. Москва, 1977. – 50 с.
37. Копыт Н.Я., Запорожченко В.Г., Чекайда О.П. Методические подходы к изучению распространенности алкоголизма на промышленном предприятии// Здравоохранение Российской Федерации. 1972. №8. – С. 13-16.
38. Копыт Н.Я., Бокин В.П., Запорожченко В.Г., Томбаева Т.С. Социально-гигиенические аспекты изучения алкоголизма // Здравоохранение Российской Федерации. 1974. №5. – С. 22-25.
39. Коровин А. М. Опыт анализа главных факторов личного алкоголизма. М.: Тип. В. Рихтер, 1907. – 94 с.
40. Коровин А.М. Сельская школа и алкоголизм в Московской губернии. Доклад I Всероссийскому съезду по борьбе с пьянством. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1910. – 17 с.
41. Короленко Ц.П., Бочкарева Н.Л. Особенности некоторых экзогенных интоксикаций в условиях Севера. Новосибирск: Наука, 1982. – 120 с.
42. Кошкина Е.А., Петракова Т.М. Распространенность употребления алкоголя женщинами и влияющие на нее факторы // Вопросы наркологии. 1988. №1. – С. 47-51.
43. Красик Е.Д., Москвитин П.Н. Сравнительная распространенность пьянства и алкоголизма среди населения крупного промышленного города // Вопросы наркологии. 1988. №4. – С. 21-24.
44. Кроль Т. К вопросу о влиянии алкоголизма на заболеваемость, смертность и преступность. СПб.: Тип. Штаба отд. корп. жандармов. 1897. – 161 с.
45. Куддо А.О. Социально-экономические причины и последствия распространения пьянства и алкоголизма. Таллинн: АН ЭССР, 1988. – 106 с.
46. Кулешова В.В. Взаимоотношения динамики хронического алкоголизма и соматических заболеваний. Автореф. дис. … канд. мед. наук. Москва, 1980. – 20 с.
47. Кулигин О.В. Социально-гигиеническое исследование злоупотребления алкоголем среди женщин, занятых в текстильной промышленности. Автореф. дис. … канд. мед. наук. Москва, 1990. – 20 с.

48. Ларин Ю. Алкоголизм промышленных рабочих и борьба с ним. М.: О-во борьбы с алкоголизмом, 1929. – 48 с.
49. Лисицын Ю.П., Копыт Н.Я. Алкоголизм (социально-гигиенические аспекты). М.: Медицина. 1978. – 232 с.
50. Левертов С.А. Социально-гигиенические аспекты хронического алкоголизма. Кишинев: Штиинца, 1977. – 108 с.
51. Левин Б.М. Потребление алкогольных напитков и его тенденции в посттоалитарной России. М.: ИС РАН, 1995. – 48 с.
52. Левин Б.М., Левин М.Б. Демографические штрихи к портрету пьяницы. М.: ИСИ АН, 1988. – 20 с.
53. Липский В., Тетельбаум И. Опыт изучения алкоголизма и курения в школе ФЗУ транспорта // Здравоохранение. 1929. №7-8. С. 148-156.
54. Магидов Б.Д. Анкета об алкоголизме среди санкт-петербургских рабочих // В сб.: Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством 28.XII.1909 – 6.I.1910 в Санкт-Петербурге. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1910. С. 844-850.
55. Мамкин А.Б. Характеристика некоторых факторов в оценке распространенности пьянства и алкоголизма // В сб.: Седьмой Всесоюзный съезд невропатологов и психиатров. М.: Обл. тип. г Калинин, 1981. – С. 274-276.
56. Мендельсон А. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. Пг.: Государственная типография, 1916. - 56 с.
57. Мещеряков Л.В. Клинико-социальный анализ проявлений пьянства и алкоголизма в интенсивно развивающемся городе Сибирского Севера. Автореф. дис. … канд. мед. наук. Томск, 1989. – 22 с.
58. Микаил-Заде З.Г. Социально-гигиеническое исследование причин, влияющих на формирование и течение хронического алкоголизма. Автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 1989. – 24 с.
59. Михайлов В.И., Мостовой С.М. Чуркин А.А. Региональные и этнокультуральные исследования в психиатрии и наркологии. Хабаровск: Изд-во ККБ-ХКЦПЗ, 2000. – 135 с.
60. Мишкинд А.Д. Формирование и течение хронического алкоголизма в условиях Крайнего Севера (клинико-эпидемиологическое исследование). Автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 1982. – 18 с.
61. Морозов Г.В., Качаев А.К. Эпидемиологические данные к этиологии хронического алкоголизма // Проблемы алкоголизма: Сб научн. трудов НИИ психиатрии им. В.П. Сербского. Вып. 2 / Под ред. Г.В. Морозова. М.: Полиграфист, 1971. – С. 5-10.
62. Нагаев В.В. Анкетное исследование распространенности употребления спиртных напитков // Здравоохранение Российской Федерации. 1971. №12. - С. 29-31.
63. Нагаев В.В. Материалы к социально-психологической характеристике личности алкоголиков. Автореф. дис. … канд. мед. наук. Пермь, 1972. – 32 с.
64. Немцов А.В. Алкогольная ситуация в России. М.: «Ассоциация общественного здоровья», 1995.
65. Немцов А.В. Алкогольный урон регионов России. М.: NALEX, 2003. – 136 с.
66. Никольский Д.П. Алкоголизм среди студентов // В сб.: Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством 28.XII.1909 – 6.I.1910 в Санкт-Петербурге. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1910. С. 242-245.
67. Первушин С.А. Влияние урожаев в связи с другими экономическими факторами на потребление спиртных напитков в России. М.: Типография Императорского Московского университета, 1909. – 202 с.
68. Петушков Е.Р. О роли некоторых профессиональных факторов в развитии алкогольных заболеваний // В кн.: Актуальные вопросы социальной и клинической наркологии / Под ред. Г.В. Морозова. Душанбе, 1976. – С. 59-61.

69. Положение с потреблением психоактивных веществ среди сельских подростков-школьников в России. Данные мониторинга 2001-2002. М.:ЦНИИОИЗ, 2003. – 24 с.
70. Попова М.С., Волгин В.Я. Факторы, обусловливающие употребление спиртных напитков в подростково-юношеском возрасте // Проблемы подростково-юношеского и женского алкоголизма: Сб. научн. трудов. М.: НИИмаш, 1984. – С. 89-92.
71. Рахальский Ю.Р. О генезисе и клинике женского алкоголизма // В кн.: Клиника, патогенез и лечение алкоголизма. Кишинев: «Картя Молдовенескэ», 1973. – С. 38-40.
72. Розенфельд Л.Г. Комплексное социально-гигиеническое исследование проблем алкоголизма и организация противоалкогольной работы в условиях большого города и сельской местности. Автореф. дис. … докт. мед. наук. Москва, 1984. - 46 с.
73. Розенфельд Л.Г., Прокофьев В.Г., Крупицкая Л.И. Влияние микросоциальной среды на знакомство со спиртными напитками среди подростков // В кн.: Медико-социальные проблемы алкоголизма и пьянства / Под ред. П.Д. Синицына. Челябинск: Челябинский мед. институт, 1982. – С. 20-28.
74. Сегал Б.М. Возникновение, динамика и рецидивы алкоголизма (материалы эпидемиологического, клинического и лабораторного исследования). Автореф. дис. … докт. мед. наук. Москва, 1967. - 48 с.
75. Сикорский И.А. О влиянии спиртных напитков на здоровье и нравственность населения России. Киев: И.Н. Кушнерев и К., 1899. – 98 с.
76. Скворцова Е.С. Влияние различных неблагоприятных факторов на развитие интенсивной алкоголизации у подростков // Проблемы подростково-юношеского и женского алкоголизма: Сб. научн. трудов. М.: НИИмаш, 1984. – С. 104-107.
77. Скворцова Е.С. Комплексное социально-гигиеническое исследование употребления алкоголя подростками. Автореферат … канд. мед. наук. М., 1981. – 26 с.
78. Соколов В.Д. Социально-гигиенические аспекты употребления алкоголя в городской семье // В кн.: Медико-социальные проблемы алкоголизма и пьянства / Под ред. П.Д. Синицына. Челябинск: Челябинский мед. институт, 1982. – С. 28-32.
79. Тихонов В.Н. Влияние социально-производственных факторов на течение алкоголизма. Автореф. дис. … канд. мед. наук. Москва, 1983. - 20 с.
80. Тусупбаева С.А. Формирование и динамика алкоголизма в различных этнических группах женщин. Автореф. дис. … канд. мед. наук. Москва, 1987. - 28 с.
81. Тюков Ю.А. Социально-гигиеническая характеристика больных алкоголизмом // Комплексные социально-гигиенические исследования. Респ. сб. научн. трудов / Под ред. Ю.П. Лисицына. М.: 2-й МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова, 1983. – С. 116-120.
82. Ураков И.Г., Петушков Е.Р. Сравнительная оценка влияния региональных особенностей на динамику алкоголизма // Клиника и патогенез алкогольных заболеваний: Сб. научн. трудов / Под ред. Н.Н. Иванца. М.: Тип. НИИмаш, 1984. – С. 144-149.
83. Ураков И.Г. Хотиняну М.А. Региональные особенности алкоголизма. Кишинев: Штиинца, 1989. – 78 с.
84. Федотов Д.Д. Алкоголизм как причина суицидов // В кн.: Актуальные вопросы социальной и клинической наркологии / Под ред. Г.В. Морозова. Душанбе, 1976. – С. 163-166.
85. Федоров А.Г. Алкоголизм среди сельских жителей и его влияние на здоровье детей дошкольного возраста (по материалам Тосненского района Ленинградской области). Автореферат … канд. мед. наук. Ленинград, 1975.
86. Фокин В.М., Куликов Г.В. Факторы микросоциальной среды, способствующие возникновению алкоголизма у несовершеннолетних. // Актуальные вопросы алкоголизма и наркомании: Сб. статей / Под ред. И.Г. Уракова и А.А. Дембинскаса. Вильнюс: Мокслас, 1983. – С.98-99.
87. Четыркин В.М. Тайное винокурение в деревне // Плановое хозяйство. Бюллетень Госплана. 1924. №4-5.

88. Чучелов Н.И. Опыт изучения потребления алкоголя в фабрично-заводском районе среди мужской молодежи // Социальная гигиена. 1927. №1(9). – С. 23-35.
89. Шешунов И.В. Социально-гигиеническое исследование пьянства и алкоголизма среди работников автотранспортных предприятий. Автореф. дис. … канд. мед. наук. Оренбург, 1995. – 26 с.
90. Щенникова А.И. Социально-гигиенические аспекты хронического алкоголизма (по материалам исследования в г. Куйбышеве). Автореф. дис. … канд. мед. наук. Казань, 1974. - 18 с.
91. Яраус В.Г. Групповые аспекты злоупотребления алкоголем среди работников промышленных предприятий. Автореф. дис. … канд. мед. наук. Новосибирск, 1984. – 12 с.

Глава 4. Зарубежные исследования алкоголизации населения России

Последнее десятилетие ознаменовалось выходом за рубежом значительного числа исследований российской алкоголизации. В советский период такие работы были единичны и предоставлены, главным образом, трудами эмигрировавших советских научных работников. Поэтому сегодня зарубежных исследователей привлекает широкий круг проблем – от социально-исторического контекста российской алкоголизации до тенденций актуального потребления алкоголя и его повреждающего влияния на здоровье населения страны.

Культурно-исторические аспекты российской алкоголизации вызывают интерес как с точки зрения оценки алкогольной политики, так и с точки зрения паттернов алкоголизации, присущих населению России. В статье M. McKee (1999) анализируются исторические паттерны российской алкоголизации, отмечаются особенности системы советского статистического учета, оценивается роль государства в алкоголизации населения. Автор заключает, что потребление алкоголя отнюдь не обязательная часть «русской жизни», и государство сыграло большую роль в создании алкогольной проблемы.

Работа D. Tarschys (1993) посвящена социополитическому анализу антиалкогольной кампании М. Горбачева. Провал кампании автор связывает с тем, что она была продуктом позднего централизма М. Горбачева, начатого в последние годы существования «империи», когда общественное сопротивление установленной авторитарной системе управления страной уже начало подрывать легитимность лидерства. В условиях общего ослабления системы и растущего чувства целостности и индивидуальной автономии среди населения мобилизация старой командной системы против глубоко укоренившейся привычки имела мало шансов на успех.

J. Wacklin (2005) анализирует феномен «публичного пьянства» и его социальный контроль в Петербурге и Хельсинки в 20-30-х годах XX века. Политика в сфере контроля алкоголизации была сходной в обоих городах, хотя в Ленинграде силовой контроль был более жестким. Рестораны, бары, закусочные играли роль территории общения и социальной интеграции людей, разобщенных в условиях большого города и дефицита частной площади. Автор отмечает, что преследование публичного пьянства стало фактором приватизации городской жизни и роста значения «советской кухни» как арены для общения и празднеств.

L. Fillips (1997) исследует место алкоголя в культуре российского рабочего класса в 1900-1929 годах. Неоднородная масса рабочих делилась на «продвинутых» и «рядовых» рабочих, и отношение к алкоголю было ключевым отличием этих групп. После 1917 года

советская идеология включила в себя основные черты культуры «продвинутого» рабочего, такие как трезвость, сознательность. В соответствии с ней досуг рабочего класса должен быть организованным, рациональным и делать ударение на образовании. «Рядовые» рабочие демонстрировали противодействие своим «продвинутым» собратьям, отвергая места общественного досуга или посещая их в состоянии опьянения. Однако в действительности культура рабочих была более однородна, а отношение к алкоголю использовалось больше как инструмент социально-политической игры.

В центре работы P. Herliny (2002) - трезвенническое движение в России в начале XX века. Автор исследует различные этапы этого движения, начиная с организации Попечительства о народной трезвости, основанного правительством в 1894 году, и финансируемого из средств, полученных от государственной монопольной продажи водки. Попечительство защищало позицию «умеренного потребления», как стиля потребления который в будущем должен был привести к счастливому сочетанию потребления с фискальным интересом.

P. Herliny обсуждает движение трезвости среди врачей, поддержку движения церковными деятелями, роль женщин. Ее исследование основано, главным образом, на современных публикациях. Большинство правительственных инициатив трезвости было связано с идеей умеренного потребления, тогда как большинство неправительственных инициатив – с идеей полной абстиненции. Без сомнения, каждая группа преследовала некий политический интерес в решении проблемы, по сути своей ссоциальной. Однако ясно, что движение в действительности не имело корней в русском обществе. Автор оставляет без внимания природу этой «алкогольной империи».

Оценка алкоголизации населения в советский период крайне затруднена, так как данные о состоянии алкоголизации населения были практически засекречены.

Исследование советского психиатра Б.М. Сегала, эмигрировавшего в США в начале 1970-х годов, – практически единственное, представляющее данные о распространенности алкоголизации в Советской России по данным опроса (Segal, 1976). Источником данных послужило эпидемиологическое исследование популяции Советского Союза по проблематике здоровья, проведенное в 1965 – 1972 гг. В ходе исследования было опрошено 12475 человек, из них в Российской Федерации – 5383. Дальнейший анализ проводился только по России.

Для России устанавливался и наиболее высокий инцидент алкоголизма, по сравнению с другими республиками СССР. Распространенность употребления в целом составила 94,6%, 11,6% населения оказались больными алкоголизмом, а 19,0% практиковали тяжелое пьянство. Относительно социальной структуры общества

наибольший инцидент алкоголизма был выявлен среди городских «синих воротничков» и лиц, занятых в сфере обслуживания и имеющих дополнительный нелегальный доход - «спекулянтов», подпольных «бизнесменов».

Значительный интерес представляет сравнительный анализ паттернов российской и американской алкоголизации, выполненный автором. Советское и американское общества не только различны, но во многом противоположны. Б.М. Сегал впервые поставил вопрос в том, отражает ли распространенность алкоголизма и его медицинских и социальных последствий эти различия.

Основная особенность российского паттерна алкоголизации заключается в глубокой интегрированности алкопотребления в социальную жизнь. Употребление носит не столько ритуальный, сколько утилитарный характер. Это выражается в практически тотальной пермиссивности употребления.

В обоих обществах пьянство неравномерно распределено по социальным группам. Однако в России наиболее выражены территориальные различия, обусловленные национальным и религиозным составом проживающего населения. Многонациональное американское общество также демонстрировало множественные паттерны употребления алкоголя. Одна общая тенденция охватывала оба общества: - нивелирование различий в стилях потребления между национальными и религиозными группами, вызванное интеграцией, возросшей мобильностью населения, деятельностью масс-медиа и другими причинами. Однако если в американском обществе это нивелирование происходило скорее в направлении формирования некоторого усредненного паттерна потребления, то в русском обществе тенденции алкоголизации национально - культурных меньшинств больше действовали в направлении приближения к «русскому паттерну» алкоголизации в виде тяжелого эпизодического пьянства.

Автор указывает, что употребление алкоголя русскими «синими воротничками» имеет сильное сходство с таковым в американских негритянских гетто. Эксцессивное пьянство до состояния глубокого опьянения, связь с днями выплат заработной платы, тенденция к агрессивному поведению были общими чертами обеих групп.

Общая тенденция культурно-исторического развития в XX веке – это ослабление культурных барьеров, снижение религиозно-ритуального значения алкоголя, ослабление контроля и протекции семьи. В то же время социальные сдвиги в современном мире усиливают чувства отчужденности, бессилия и тревоги, порождая эскапистские реакции, которые находят выражение в форме пьянства. Эскапистские реакции возрастают, когда индивид не может удовлетворить потребность в счастье и ощущении собственной значимости посредством социально и морально приемлемых форм активности. Таким

образом, алкоголь становится универсальным решением проблем. Более всего подобное решение подходит тем группам населения, которые утратили социальный контроль со стороны религии и национальных традиций и выражают общую неудовлетворенность своим положением. В первую очередь, это низший социальный класс малооплачиваемых, низкообразованных и дискриминируемых. Здесь следует вспомнить, что и русские крестьяне, и американские негры еще относительно недавно были рабами.

Однако сейчас марксистское объяснение алкоголизации протестом низших классов против эксплуатации уже не может быть релевантным. За последние предшествовавшие исследованию десятилетия уровень жизни этих низших классов значительно возрос и в американском, и в российском обществах. Зарплата русского «синего воротничка» не сильно отличалась от зарплаты врача. Однако алкоголизация не снижалась, и здесь решающую роль сыграло увеличение разрыва между растущими ожиданиями и достигнутыми стандартами в условиях слабости патриархальной морали и отсутствия духовных интересов. Этот разрыв оказывает более сильное влияние, чем низкий доход. В России пьянство оказалось широко распространено и среди интеллигенции – социальной группы, которая никак не может быть отнесена к «неудовлетворенным классам».

Таким образом, автор акцентирует роль переживаемой тревоги и бессилия в алкоголизации российского общества. Однако определенное значение имели и специфические для российского общества факторы. Здесь автор называет исторический опыт, неудачи алкогольной политики, фискальный интерес власти, фрагментарную превентивную систему.

Наиболее полную информацию о статистических показателях уровня и динамики алкоголизации в советский период дает американский экономист и советолог русского происхождения V.G. Treml (1982). Им опубликованы расчетные данные о потреблении самогона в России в 1960-80 гг. Так, в 1960 году общий уровень душевого потребления достигал 9,8 л, из них 5,2 л – за счет самогона. В последующие 15 лет потребление самогона снизилось до 3,2 л. Изначально самогоноварение было сельским феноменом, но значительная миграция населения из сел в города привела к снижению уровня потребления самогона.

Однако потребление самогона в последующие 10 лет возрастало, сначала постепенно, а с 1985 года все более интенсивно, и достигло максимума в 1992 году – 8,8 л, что в сумме с официально реализованным алкоголем составило 13,8 л на душу населения. Употребление же суррогатов и нелегально произведенного или импортированного алкоголя вообще не поддается оценке (Treml, 1997).

V. G. Treml (1997) дает подробную оценку надежности советской и российской алкогольной статистики, и приходит к выводу, что ее практически невозможно принимать во внимание.

Многие западные и российские специалисты связывают, и не беспочвенно, рестриктивные меры 1985 года со снижением смертности, инцидента преступности и другими благоприятными эффектами для здоровья населения (Nemtsov, Shkolnikov, 1997). V. G. Treml же полагает, что позитивные эффекты антиалкогольной кампании явно преувеличены. Автор отмечает, что официальные статистические данные, на которых базируются подобные выводы, могли быть скорректированы Госкомстатом для того, чтобы представить более благоприятную картину изменений после антиалкогольной кампании. Наиболее поразительное сообщение об эффектах кампании сделано А. Немцовым (1995), подсчитавшим, что антиалкогольная кампания сохранила 700 тысяч жизней в России. Этот вывод, по мнению V. G. Treml, основан на некоей достаточно простой статистической манипуляции, которая не может считаться валидной.

Кроме того, алкогольный психоз, хронический алкоголизм, алкогольный цирроз печени развиваются в течение нескольких лет после начала алкоголизма. Маловероятно, что эффект редукции употребления мог настолько быстро отразиться на снижении смертности, как это демонстрируется в официальной статистике. Без сомнения, определенные благоприятные эффекты кампания имела, однако без высококачественной, понятной и детальной статистики здесь нельзя сделать никаких окончательных выводов.

Актуальная алкогольная ситуация населения России находится в фокусе интересов целого ряда групп западных исследователей.

Проект «Условия жизни, образ жизни и здоровье» («Living Conditions, Lifestyle and Health (LLH)») координируется Институтом передовых исследований в Австрии в сотрудничестве со специалистами из Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Киргизстана, Молдовы, России и Украины. Проект посвящен исследованию стандартов жизни, образа жизни и здоровья населения восьми бывших советских республик. В 2001 году в рамках проекта было проведено сравнительное исследование алкоголизации и табакокурения в этих странах (Pomerleau, Gilmore, McKee et al, 2003).

The Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS) – это серия национальных репрезентативных исследований домохозяйств, которые проводились в России с 1992 по 2000 год Университетом Северной Каролины в г. Чепел-Хилл (Северная Каролина, США) совместно с российскими партнерами: Институтом социологии Российской академии наук, Институтом питания Российской академии медицинских наук, Госкомстатом и

Российским центром превентивной медицины (Zohoori, N., Blanchette, D. and Popkin, 2004).

Большинство зарубежных авторов отмечают такую особенность алкоголизации населения России как ее значительная территориальная неоднородность. В анализе, выполненном M. Bobak, M. McKee, R. Rose a. M. Marmot (1999), выявились значительные региональные различия в потреблении алкоголя. При этом национальность не имела значения для уровня алкоголизации мужчин, однако женщины не русской национальности вдвое реже употребляли алкоголь по сравнению с русскими. Отмечается и сходство уровней алкоголизации в ряде бывших республик СССР. Так, в проекте LLH (Pomerleau, Gilmore, McKee et al, 2003) наибольшее среднее значение потребления наблюдалось в Беларуси, Молдове и России, и, вместе с тем, в этих странах была наименьшая доля абстинентов.

Доли абстинентов и тяжелопьющих среди населения являются наиболее информативными показателями распределения потребления в популяции. Соответствующие эмпирические оценки западных исследователей приведены в таблице.

Таблица

Оценка актуальной алкогольной ситуации по данным зарубежных исследований

Авторы, год	Характеристики исследования	Доля абстинентов	Доля тяжело-пьющих
Malyutina, Bobak et al., 2001	Новосибирск, тренд за 1985-86 - 1994-95 г.г. по данным лонгитюдного исследования ВОЗ	8-9% мужчин; 35-51% женщин	36-51% мужчин; 0,4-5,0% женщин
Bobak, McKee, Rose a. Marmot, 1999	Данные мониторинга ВЦИОМ, репрезентативная национальная выборка, 1996 год. N=1599.	9% мужчин; 35% женщин	10% мужчин; 2% женщин
Pomerleau, Gilmore, McKee et al, 2001	Репрезентативная национальная выборка по 8-ми бывшим республикам СССР, осень 2001 года	11-13% мужчин; 27-30% женщин[4]	14% мужчин; 1% женщин
Zohoori, N., Blanchette, D. and Popkin, 2004	Национальное репрезентативное лонгитюдное исследование Российской Федерации в 1992-2003 гг.	33,4% мужчин; 54,8% женщин.[5]	Не оценивалась

Существует, тем не менее, ряд проблем, связанных с оценкой уровня алкоголизации по данным опросных исследований. Pomerleau, Gilmore, McKee et al (2003) отмечают, что результаты LLH неконсистентны с душевым потреблением алкоголя по данным официальной статистики, и, как представляется, занижают долю тяжелопьющих.

Действительно, оценки душевого потребления, сделанные в Global Burden of Disease (GBD) Study (Rehm, Monteiro et al, 2001), составляли 17,5 литров в России, 30,5

[4] Беларусь, Молдова, Россия
[5] На 2003 год

литров в Молдове, 11,1 литров в Казахстане, что почти вдвое превышает официальные статистические данные. Эти цифры включают оценки неучтенного потребления (самогона, домашних вина, технического и медицинского спирта, алкогольсодержащих жидкостей) и нелегального импорта, которые имеют большое значение для этого региона. В исследовании LLH почти половина респондентов отметили, что им случалось приобретать алкоголь из нелицензированных источников.

Занижение сведений в RLMS уже обсуждалось отечественным исследователем А. Немцовым (Nemtsov, 2003). Кроме того, большая доля абстинентов выглядит неправдоподобной, особенно по сравнению с аналогичным показателем для европейских стран (Pomerleau, Gilmore, McKee et al, 2001).

Рассматривая группу респондентов с высоким уровнем еженедельного потребления, Pomerleau, Gilmore, McKee et al (2003) отмечают, что она не очень велика по сравнению с некоторыми европейскими странами, например, с Австрией и Ирландией.

В LLH эпизодическое тяжелое пьянство определено как потребление в разовой дозе более 80 г чистого алкоголя в виде пива или вина или более 96 г в виде крепких напитков, по меньшей мере, каждые 2-3 недели. В новосибирском исследовании (Malyutina, Bobak et al., 2001) определение эпизодического тяжелого пьянства (потребление в разовой дозе, по меньшей мере, 80 г чистого алкоголя не реже одного раза в месяц) отличалось не настолько сильно от определения LLH, чтобы вызвать наблюдаемые различия в уровне показателя.

Таким образом, существующие оценки крайне неоднородны. По мнению самих авторов, в них присутствует тенденция к завышению доли абстинентов и занижению доли тяжелопьющих. Очевидно, что отчасти эта тенденция обусловлена самоселекцией респондентов; - наиболее тяжелопьющие не принимают участие в опросе.

Однако столь большой разброс показателей в разных исследованиях невозможно объяснить и возможным временным трендом. В условиях существующего в России паттерна потребления и почти полного отсутствия целенаправленной алкогольной политики снижение доли тяжелопьющих во времени вообще не представляется реальным (Pomerleau, Gilmore, McKee et al, 2003).

Тем не менее, достаточно низкий против ожидаемого уровень алкоголизации выявляемой в России алкоголизации остро поставил вопрос о влиянии гипотезируемых паттернов потребления на развитие негативных социальных последствий алкоголизации .

Для оценки влияния паттерна алкоголизации в рамках проекта HAPIEE (Health, Alcohol and Psychosocial Factors in Eastern Europe) было предпринято исследование в России, Польше и Чехии (Bobak, Room et al, 2004). Исследование было реализовано по

кроссекционному плану в Новосибирске (Россия), Кракове (Польша) и Карвина-Хавирове (Чехия) на случайной выборке мужчин и женщин в возрасте 45-64 года.

Влияние паттерна потребления на негативные социальные последствия оценивалось на индивидуальном и экологическом уровнях. Последствия на индивидуальном уровне оценивались с помощью вопросника CAGE, последствия на экологическом уровне– с использованием индекса кутежного пьянства (binge drinking scale), с помощью которого можно оценивать группы населения по степени «риска» негативных социальных последствий от 1 (минимальный риск) до 4 (максимальный риск).

Индекс представляет собой совокупную оценку по параметрам: высокая разовая доза, частота состояний опьянения, распространенность «праздничного» потребления, распространенность потребления в общественных местах, употребление алкоголя отдельно от принятия пищи, низкая частота ежедневного потребления. В более раннем исследовании шкала дала следующие оценки для рассматриваемых стран: Чехия – 2, Польша – 3, Россия – 4 (Rehm J, Room R, Monteiro, 2003).

Результаты HAPIEE были следующими. Уровень проблемного пьянства и негативных социальных последствий, как на индивидуальном, так и на экологическом уровне, был значительно более высоким среди российских мужчин (35% и 18% соответственно), по сравнению с чешскими (19% и 10%) и польскими (14% и 8%) мужчинами. Эти результаты контрастируют со значительно более низким годовым потреблением алкоголя по данным опроса среди российских мужчин (4,6 л) по сравнению с чешскими (8,5), и низкой частотой потребления алкоголя (в среднем 67 «случаев» в год у русских, 179 – у чешских мужчин). Однако русские потребляли алкоголь в большей разовой дозе (в среднем 71 г у русских, 46 г у чешских и 45 г у польских мужчин), и демонстрировали наибольшую распространенность бытового пьянства. Среди женщин уровни потребления алкоголя и связанных с ним проблем были низкими во всех исследуемых странах. Таким образом, приведенные данные демонстрируют высокий уровень связанных с употреблением алкоголя проблем, несмотря на относительно низкий уровень потребления. Авторы объясняют это существующим в России паттерном употребления в виде эпизодического тяжелого пьянства (Bobak, Room et al, 2004).

Межкультурные паттерны алкоголизации изучались в рамках проекта LLH (Pomerleau, Gilmore, McKee et al, 2003). Исследовались паттерны потребления пива, вина и крепких напитков и установки по отношению к употреблению алкоголя в России и семи других бывших советских республиках.

Среди мужчин наибольший преваленс эпизодического тяжелого пьянства отмечался в Грузии (в виде вина), России, Беларуси, Казахстане (в виде крепких

напитков), и наименьший - в Молдове. Среди женщин такой паттерн потребления наиболее распространен в России, а наименее – в Армении. Различалась и структура потребления: употребление вина было наиболее распространено в Молдове, несколько меньше – в Грузии, тогда как в России, Украине и Беларуси чаще всего употреблялись крепкие напитки, несколько реже – пиво. Казахские, киргизские и армянские мужчины предпочитали крепкие напитки.

Среди часто употребляющих алкоголь было широко распространено мнение о том, что алкоголь – это способ отметить событие, расслабиться и забыть о проблемах, и что он полезен для здоровья.

Хотя данные LLH и не использовались для оценки временных трендов, авторы все же утверждают, что в странах бывшего СССР происходит тот же процесс, что и в Европе – а именно, нивелирование национальных паттернов потребления. Об этом свидетельствует распространенность потребления пива среди более молодого контингента. Действительно, пивная индустрия активно развивается в России, молодежь предпочитает слабоалкогольные напитки и водка, по мнению авторов, возможно, скоро уйдет в прошлое. Сходно в «винопьющей» Молдове среди молодежи, по сравнению со старшими возрастными группами, более распространено употребление пива. В пользу приведенного объяснения говорит и то, что в традиционных «спиртопьющих» странах, – России, Молдове и Украине, - среди молодых женщин наблюдается большее предпочтение вина, чем среди женщин более старшего возраста, причем в виде еженедельного потребления.

Обсуждая региональные различия Pomerleau, Gilmore, McKee et al (2003) в целом отмечают сходство «винопьющих» стран бывшего СССР и стран Европы, особенно в отношении доли женщин-абстинентов. Высокая доля абстинентов среди женщин (около 50%) вообще характерна для «винопьющих» стран, таких как Испания и Португалия, где вино – это часть ежедневного рациона, и употребление алкоголя с целью опьянения социально неприемлемо. В Молдове и Грузии доля абстинентов среди женщин составила 61% и 71% соответственно.

Уровень алкоголизации и сопутствующих ей негативных последствий также анализируется в свете социетальных изменений, произошедших в России в 1990-х годах.

В исследовании M. Bobak, M. McKee, R. Rose a. M. Marmot (1999) использовались результаты мониторинга ВЦИОМ, проведенного вскоре после президентских выборов 1996 года. Измерялся широкий круг индикаторов воспринятых социетальных изменений: реакция на экономические и политические изменения, влияние рыночной реформы, рейтинг актуального семейного бюджета и сравнение с бюджетом пятилетней давности,

экономические ожидания, представления о роли и ответственности государства, общая удовлетворенность жизнью и политические предпочтения. Ни один из этих факторов не был связан с употреблением алкоголя. Таким образом, употребление алкоголя представляется не связанным с восприятием актуальных социетальных изменений.

Распределение алкоголизации в соответствии с социально-структурными переменными в период социальных изменений, однако, такое влияние демонстрирует. В новосибирском исследовании (Malyutina, Bobak, 2004) исследовался временной тренд (1985-1995г.г.) в распределении алкоголизации по социальным группам. Среди мужчин наиболее низкий уровень алкоголизации демонстрировали лица с высшим образованием. За рассматриваемый период алкоголизация нарастала во всех образовательных группах мужчин, однако наиболее интенсивно - именно среди получивших высшее образование. В исследовании ВЦИОМ, проведенном в 1996 году, по уровню образования среди мужчин различий уже не выявлялось (Bobak, McKee, Rose, Marmot, 1999). Статус безработного (10% выборки мужчин) был связан у мужчин с массивной алкоголизацией.

Различия в алкоголизации женатых и разведенных мужчин за рассматриваемый временной период снижались, - в 1996 году неженатые пили чаще, вдовцы – реже.

Различий в уровне алкоголизации по параметрам материальной депривации как среди женщин, так и среди мужчин, в 1996 году не выявлялись.

Среди женщин уровень образования был связан с более низким уровнем алкоголизации, и эта связь оставалась стабильной на протяжении 1985-1995 г.г. , а также в исследовании 1996 года.

Таким образом, отсутствие измеримых социоэкономических различий в уровне потребления свидетельствует в пользу равномерного распространения пьянства среди различных групп населения в 1996 году, и главным образом, среди мужчин (Bobak, McKee, Rose, Marmot, 1999).

Несколько отличные результаты были получены в исследовании LLH в 2001 году. Тяжелая алкоголизация была более распространена среди молодых, имеющих более низкий социоэкономический статус, прокоммунистически настроенных мужчин, одиноких женщин и женщин, проживающих в крупных городах. Отмечалась и более массивная алкоголизация женщин, имеющих более низкий образовательный уровень (Pomerleau, Gilmore, McKee et al, 2003).

Мотивы и социальный контекст пьянства

Результаты исследования алкоголизации подростков освещались в совместной публикации отечественных и западных авторов (Koposov et al, 2002). В фокусе внимания этого исследования были не уровень и факторы алкоголизации, а ее социальный контекст,

рассматриваемый с точки зрения мотивационного подхода к объяснению алкопотребления. Социальные детерминанты употребления алкоголя измерялись при помощи «Шкалы измерения социального контекста употребления», «Шкалы подростковой вовлеченности в алкоголизацию» и «Индекса алкогольных проблем Рутгерса». В исследовании принимали учащиеся старших классов г. Архангельска. Из общей выборки опрошенных были отобраны 387 подростков, употребляющих алкоголь. Далее был проведен опрос этих подростков.

Факторная структура данных, полученных с помощью «Шкалы измерения социального контекста употребления», была сходной результатами, полученными разработчиками методики. Так, были выделены пять факторов алкоголизации: социальная фасилитация, контроль стресса, принятие сверстниками, пренебрежение школой и родительский контроль.

Кроме того, были обнаружены значимые половые различия в социальном контексте алкоголизации. Девушки с высоким уровнем употребления алкоголя были склонны употреблять его в любом социальном контексте, тогда как юноши с высоким уровнем употребления алкоголя были более склонны употреблять его в контексте контроля над стрессом. Кроме того, проблемные потребители среди юношей были более склонны употреблять алкоголь в социальных контекстах пренебрежения школой и принятия сверстниками. В целом, «Шкала измерения социального контекста употребления» хорошо различала подростков с высоким и низким уровнем употребления алкоголя.

Алкоголизация и экономическая ситуация

Широко известно, что тяжелая алкоголизация и алкоголизм оказывают крайне негативное влияние на продуктивность рынка рабочей силы, результируя в снижении занятости, доходов и других негативных последствиях для трудящихся. Вместе с тем, получены некоторые данные в поддержку существования инверсивной U-образной связи алкоголизации и занятости. Эта модель аналогична широко описанной в литературе U-образной связи алкоголизации и сердечно-сосудистой заболеваемости.

Также была обнаружена позитивная связь умеренного употребления алкоголя и доходов, и негативная связь абстиненции и тяжелого пьянства с показателями занятости. Большинство подобных данных были получены по США в рамках экономических исследований. Часто эти результаты интерпретируются с позиций социализирующего эффекта умеренного употребления алкоголя на рабочем месте.

В работе E. Tekin (2002) впервые изучены эффекты употребления алкоголя на занятость и уровень доходов среди российского населения. Для анализа использованы

данные RLMS за период 1996-2000 гг., выборка объемом 974 мужчин и 1382 женщин возраста 24-58 лет. Использованы кросс-секционный и динамический анализ с контролем переменных, которые могут оказывать влияние как на алкоголизацию, так и на занятость: - регион-место опроса, семейный статус, образование, состояние здоровья и род занятий. В кросс-секционный анализ были включены показатели алкоголизации и занятости, измеренные в дихотомической шкале (занятость или безработица, употреблял или не употреблял алкоголь в течение последнего месяца), и показатели алкоголизации и заработной платы, измеренные в порядковой шкале (употребление алкоголя, рассчитанное в литрах абсолютного . спирта, уровень заработной платы). Если рассматривать алкоголь как любой другой продукт потребления, то уровень его употребления при безработице или низкой заработной плате естественным путем снижается, что и даст низкий уровень алкоголизации при низком уровне занятости и заработной платы. Для контроля этого эффекта был использован потребительский индекс цен, рассчитываемый Госкомстатом.

Результаты кросс-секционного анализа поддерживают точку зрения о том, что употребление алкоголя позитивно связано с занятостью и размером заработной платы, но лишь у женщин. У мужчин позитивная U –образная связь алкоголизации и занятости была обнаружена только при использовании порядковых шкал. Анализ же дискретным переменным не дал никаких результатов в поддержку гипотезы о нелинейной связи, и показал линейное и позитивное влияние употребления алкоголя на занятость. Для женщин результаты демонстрируют отчетливую U –образную связь алкоголизации и занятости, аналогичную установленной в проводившихся ранее исследованиях. Таким образом, факты говорят о существовании U –образной связь алкоголизации и занятости скорее для женщин. В целом, эти результаты консистентны с полученными ранее в исследованиях, проводившихся в США, Канаде и Великобритании по кросс-секционному плану, в которых использовались показатели не только употребления алкоголя, но также злоупотребления алкоголем и алкоголизма.

Результаты построения статистических моделей с фиксированными эффектами (fixed-effects models) отличаются от приведенных . Для занятости U –образная связь с алкоголизацией не подтверждается ни для мужчин, ни для женщин. Индивидуальная гетерогенность фактически нивелирует влияние алкоголизации на занятость. Связь алкоголизации и уровня заработной платы становится линейной и для мужчин, и для женщин. Сравнение между кросс-секционными моделями и моделями с фиксированными эффектами показывает, что контроль латентных переменных усиливает позитивное влияние алкоголизации на заработную плату.

Другая группа работ посвящена анализу социальных последствий алкоголизации в России. Влиянием употребления алкоголя объясняется наблюдаемый рост смертности среди молодых российских мужчин. Об этом свидетельствует и диспропорциональный рост смертности от внешних причин, особенно смертности в результате травм и отравлений (Ryan, 1995).

Особый интерес западных исследователей привлекают изменения показателей смертности российского населения в период середины 1980-х – 90-х гг., которые большинством исследователей связываются с влиянием эксцесса в потреблении алкоголя.

Так, D. Leon and V. Shkolnikov заключают, что алкоголь играет ведущую роль в смертности 1990-х годов. Общая категория «внешние причины смерти» давала основной вклад в эксцесс смертности в этот период времени. Эти «внешние причины» включают, главным образом, случайные и насильственные повреждения, травмы и отравления, связанные с употреблением алкоголя. Свои выводы авторы строят на следующих фактах. Более всего пострадали в период политико-экономических изменений 1990-х мужчины работоспособного возраста, то есть именно та группа населения, которая демонстрировала наибольшее улучшение показателей здоровья в начальный период антиалкогольной кампании 1985-88 годов. Аналогичные изменения происходили и с показателями смертности: - уровень смертности от внешних причин снижался в начальный период антиалкогольной кампании и возрастал в период кризиса 1990-х годов.

Влияние алкоголизации на смертность от сердечно-сосудистых заболеваний изучалось в проспективном когортном исследовании в Новосибирске (Malyutina, Bobak et al, 2004). Предполагалось, что умеренное потребление алкоголя оказывает протективное влияние на сердечно-сосудистую систему, а злоупотребление – повреждающее влияние. Выборку составили 6502 мужчин в возрасте 25-64 года, участники проекта ВОЗ MONICA (исследование тренда и детерминант сердечно-сосудистой заболеваемости) в 1985-86 гг., 1988-89 гг., и 1994-95 гг., и пилотажного исследования 1984 г. С помощью вопросника оценивались уровень и паттерн потребления. Бытовое пьянство определено как потребление разовой дозы 160 г и более чистого алкоголя. Было обнаружено, что с риском смерти от сердечно-сосудистого заболевания была связана регулярная тяжелая алкоголизация, с риском смерти от внешних причин – эпизодическое пьянство.

D. Leon a. L. Chenet (1997) проанализировали флуктуации смертности в в России в 1984-94 годах. В разных половозрастных категориях изменения общей смертности были пропорциональны изменениям смертности от причин, связанных с употреблением алкоголя. Вместе с тем, смертность от онкологических заболеваний не была подвержена

аналогичным изменениям. Этот факт авторы рассматривают как основной аргумент в пользу «алкогольной» интерпретации флуктуаций смертности.

Этиология внезапной смерти от сердечно-сосудистых заболеваний молодых мужчин в России связывается с пьянством. Однако, существует вероятность, что подобные смерти при посмертной экспертизе относятся к сердечно-сосудистым ошибочно, поскольку на самом деле они вызваны алкогольным отравлением.

V. M. Shkolnikov, M. McKee et al. (2002) исследовали посмертный уровень алкоголя в крови 309 русских мужчин в возрасте 20-55 лет. Средний или высокий уровень интоксикации был обнаружен в крови ¼ лиц, отнесенных к умершим от сердечно-сосудистых заболеваний. Сильная интоксикация была обнаружена в крови 13,5% умерших от сердечно-сосудистых заболеваний и 27,1% умерших от внешних причин. Ни в одном случае смерти от сердечно-сосудистых заболеваний не был отмечен фатальный уровень интоксикации, однако такой уровень был установлен в 26% случаев смерти от внешних причин. Таким образом связь сердечно-сосудистых заболеваний с потреблением алкоголя не обусловлена ошибочной посмертной экспертизой.

W. Pridemore (2002) исследовал связь алкоголизации и насильственных смертей в 89 регионах России. Автор исследовал региональную ковариацию алкоголизации и летального насилия. Для оценки влияния алкоголя на уровень убийств в регионах использовались двойная логарифмическая модель с контролем структурных факторов, которые могли влиять на распределение уровня убийств. Результаты продемонстрировали позитивную и значимую связь между потреблением алкоголя и убийствами. Увеличение потребления на 1% было связано с увеличением уровня убийств приблизительно на 0,25%.

Автор исследовал также ковариацию агрегированных показателей по России. Хотя социальные, политические и экономические изменения привели к увеличению алкопотребления, уровень его был высок и в прежние годы. То же относится и к насильственной смертности: - уровень убийств возрос в 1990-е годы, но этот тренд был обнаружен и при анализе статистики за 1965-1996 годы.

В другом своем исследовании W. Pridemore (2004) изучал социальную связь между пьянством и убийствами в России. Для этого в соответствии с днем недели и причиной смерти были проанализированы свидетельства о смерти лиц в возрасте 20-64 года в Удмуртии за 1994-98 годы. Смертность от отравления алкоголем использовалась как индикатор тяжелого пьянства. Была обнаружена высокая корреляция (r=0,75) между недельными распределениями смертности по причинам отравлений и убийств. Число алкогольных смертей возрастало в субботу и воскресенье; - как результат пьянства в

пятницу и субботу, число убийств возрастало по пятницам и субботам. Автор делает вывод о связи этих двух видов смертности. Эпизодическая, но массивная алкоголизация, предпочтение крепких напитков и высокая социальная толерантность к пьянству, по мнению автора, играют роль социальных и контекстуальных факторов, которые повышают риск насильственного деяния.

W. Pridemore (2006) также проанализировал влияние употребления алкоголя на уровень убийств и самоубийств по материалам официальной статистики за 1956-2002 гг. Автором использовались показатели как общей смертности, так и смертности по причинам отдельно для мужского и женского пола. Для анализа был использован метод авторегрессионной интегрированной скользящей средней (АРПСС). Была обнаружена сильная и статистически значимая связь употребления алкоголя (в анализе был использован связанный показатель – смертность по причине цирроза печени) и смертности по причинам убийств и самоубийств. Связь была более сильной для мужского пола. Однако данные не показали отложенной связи (лага) между алкогольной и насильственной смертностью. Таким образом, приведенные данные не могут интерпретироваться как подтверждение причинно-следственной связи алкоголизации и насильственной смертности.

Если говорить о прогнозе влияния алкоголизации, который дают исследователи для российской популяции, то это дальнейший рост смертности молодой и работоспособной части населения. Он будет неуклонно продолжаться в отсутствии эффективной и релевантной антиалкогольной политики (Ryan, 1995). Контроль, направленный исключительно на уровень потребления алкоголя, не будет эффективным в плане снижения социальных последствий употребления. В разработке антиалкогольных мер необходимо учитывать паттерн алкоголизации, присущий российскому населению (Bobak, M., Room, M. et al, 2004).

ЛИТЕРАТУРА

1. Bobak, M., McKee, M., Rose R., Marmot M. Alcohol consumption in a national sample of the Russian population // Addiction (1999) 94(6), 857-866.
2. Bobak, M., Room, M., Pikhart, H., Kubinova, R., Malyutina, S., Pajak, A., Kurilovitch, S., Topor, R., Nikitin, Y., Marmot,M. Contribution of drinking patterns to differences in rates of alcohol related problems between three urban populations // Journal of Epidemiology and Community Health (2004) 58, 238-242.
3. Fillips, L. Message in a bottle: working-class culture and the struggle for revolutional legitimacy, 1900-1929. // The Russian Review (1997) 56, 25-43.
4. Herlihy, P. The Alcoholic Empire: Vodka and Politics in Late Imperial Russia. New York: Oxford University Press, 2002. pp. 244.

5. Koposov R.A., Ruchkin V.V., M., Sidorov, P. Alcohol use in adolescents from Nothern Russia: the role of the social context // Alcohol & Alcoholism. Vol. 37, No.3, pp.297-303, 2002.
6. Leon, D., Chenet, L. Huge variation in Russian mortality rates 1984-94: artefact, alcohol or what? // Lancet (1997) Vol. 350, 383-388.
7. Leon, D.A., Shkolnikov, V.M. Social stress and the Russian mortality crisis // JAMA (1998) 279,790-791.
8. Malyutina S, Bobak M, Kurilovitch S, Gafarov V, Simonova G, Nikitin Y, Marmot M. Relation between heavy and binge drinking and all-cause and cardiovascular mortality in Novosibirsk, Russia: a prospective cohort study // Lancet (2002) 9;360(9344),1448-54.
9. Malyutina, S., Bobak, M., Kurilovitch, S., Nikitin, Y., Marmot, M. Trends in alcohol intake by education and marital status in an urban population in Russia between the mid 1980s and the mid 1990s // Alcohol & Alcoholism (2004) Vol. 39, No. 1, pp. 64-69.
10. Malyutina S, Bobak M, Kurilovitch S, Ryizova E, Nikitin Y, Marmot M. Alcohol consumption and binge drinking in Novosibirsk, Russia, 1985-95. Addiction (2001) 96, 987-995.
11. McKee, M. Alcohol in Russia // Alcohol and Alcoholism (1999), Vol. 34, No.6, 824-829.
12. Nemtsov A. Alcohol consumption level in Russia: a viewpoint on monitoring health conditions in the Russian Federation (RLMS). Addiction (2003) 98, 368-370.
13. Nemtsov, A, Shkolnikov, V.M. Alcohol consumption in Russia and Anti-Alcohol campagne // In: Premature death in the New Independent States / Eds.: Bobadilla, J.L., Costello, C.A., Mitchell, F. Washington: National Academic Press, 1997.
14. Pomerleau, J., Gilmore, A., McKee, M., Rose, R., Balabanova, D. Living Conditions, Lifestyles and Health EU Fifth Framework Project, 2000-2003 Work Package # 32 (working paper No. 16): Comparative analysis of the impact of tobacco and alcohol consumption in eight countries of the former Soviet Union, Nov. 2003.
15. Pridemore, W.A. Vodka and Violence: Alcohol Consumption and Homicide Rates in Russia // American Journal of Public Health (2002), Vol. 92, Issue 12.
16. Pridemore, W.A. Weekend effects on binge drinking and homicide: the social connection between alcohol and violence in Russia // Addiction (2004) 99, 1034-1041.
17. Pridemore, W.A. A time-series analysis of the impact of heavy drinking on homicide and suicide mortality in Russia, 1956-2002 / Paper presented at the 32nd Annual Alcohol Epidemiology Symposium of the Kettil Bruun Society for Social and Epidemiological Research on Alcohol, Maastricht, the Netherlands, May 29 – June 2, 2006.
18. Rehm J, Monteiro M, Room R, Gmel G, Jernigan D, Frick U, Graham K. Steps towards constructing a global comparative risk analysis for alcohol consumption: determining indicators and empirical weights for patterns of drinking, deciding about theoretical minimum, and dealing with different consequences. European Addiction Research (2001) 7, 138-147.
19. Rehm J, Room R, Monteiro M, et al. Comparative quantification of health risks: global and regional burden of disease due to selected major risk factors. Geneva: World Health Organisation, 2003.
20. Ryan, M. Russian Report: Alcoholism and rising mortality in the Russian Federation // British medical journal (1995) 310, 648-650.
21. Segal, B.M. Drinking patterns and alcoholism in Soviet and American societies: A multidisciplinary comparison // In: Psychiatry and psychology in the USSR / Eds.: S.A. Corson, E. O'Leary Corson. NY.; L.: Plenum Press, 1976. P. 181-265.
22. Shkolnikov, V. M., McKee, M., Chervyakov, V. V. and Kyrianov, N. A. Is the link between alcohol and cardiovascular death among young Russian men attributable to misclassification

of acute alcohol intoxication? Evidence from the city of Izhevsk // Journal of Epidemiology and Community Health (2002) 56, 171-174.

23. Tekin, E. Employment, Wages, and Alcohol Consumption in Russia: Evidence from Panel Data. IZA DP No. 432. February 2002.
24. Treml, V.G. Soviet and Russian Statistics on Alcohol Consumption and Abuse // In: Premature death in the New Independent States / Eds.: Bobadilla, J.L., Costello, C.A., Mitchell, F. Washington: National Academic Press, 1997. pp. 220-238.
25. Treml, V.G. Alcohol in the USSR: A statistical study. Rutgers Center of Alcohol Studies; Duke University Press, 1982.
26. Wacklin, J. Drinking and public space in Leningrad/St. Petersburg and Helsinki in the interwar period // Contemporary drug problems (2005) 32, 57-91.
27. Zohoori, N., Blanchette, D. and Popkin, B. Monitoring Health Conditions in the Russian Federation: The Russia Longitudinal Monitoring Survey 1992-2003. Report submitted to the U.S. Agency for International Development. Carolina Population Center, University of North Carolina at Chapel Hill, North Carolina. April 2004.
28. Немцов А.В. 1995

Глава 5. Сравнительный анализ уровней, паттернов и последствий алкоголизации в России и странах Северной Европы

Давно существует миф о так называемом специфическом российском пьянстве, которое является неотъемлемой чертой русской нации, а Россию иногда рассматривают как самую пьющую страну в мире. С этим так же трудно согласиться, как и отрицать. Уровень и паттерны алкоголизации в советское время являлись закрытой темой для исследований, но особенно остро ощущается нехватка эмпирических данных в постперестроечный период.

Проведенные по адаптированной методике финских популяционных опросов (Mustonen H. и др. 1999) исследования алкопотребления в Москве (1994) и Санкт-Петербурге (1999), позволяют создать уникальную базу для оценки уровней, паттернов, факторов алкоголизации российской популяции последнего десятилетия, зафиксировать произошедшие изменения, а также открывают возможности для сравнения российских данных с результатами, полученными в ходе аналогичных исследований на Западе.

Первой попыткой изучения паттернов алкоголизации российского населения, осуществленной в последние десятилетия, является московское исследование 1994 г., проведенное Социологическим Институтом РАН. За основу для данной работы была взята методика организации финских опросов без проведения процедуры адаптации к российским условиям. На основе квотного плана, репрезентативного к московской популяции, был проведен несистематический отбор респондентов внутри организаций. Недостающее количество респондентов было найдено на основе электоральных списков и опрошено по месту жительства.

Далее нами будут представлены данные, полученные в ходе Санкт-Петербургского исследования (1999), а также будут представлены результаты сравнения показателей алкоголизации петербургской популяции с показателями, полученными в близких к России по паттернам потребления странах Северной Европы.

Методика и процедура исследования

Популяционное исследование алкоголизации населения было проведено в октябре-декабре 1999 г. в Санкт-Петербурге по стратифицированной серийной выборке с объемом серий не меньше объема малой выборки, т. е. 30 единиц. Основой выборки являлись электоральные списки и выборка бюджетных организаций Петербургкомстата. Исследование охватило 6 районов Санкт-Петербурга, что позволило представить центральную и периферийную («спальную») зоны города. Сбор информации проведен на основе разовых посещений, поэтому первоначальный объем выборки составил 4000

единиц, опрос проводился по месту жительства респондентов, анкеты заполнялись респондентами в присутствии интервьюера.

В ходе математико-статистической обработки были рассчитаны простые распределения, для оценки силы связей был использован коэффициент корреляции качественных признаков Крамера (V)[6].

Социально-демографические характеристики выборки

Выборка оказалась смещенной по полу в сторону преобладания женщин из-за большего удельного веса женщин в общей структуре петербургской популяции (Табл.1). Группа пожилого возраста имеет удельный вес в популяции менее 1/3, а молодого – менее 1/5.

Подавляющее большинство – более 4/5 из всех охваченных исследованием, проживают в семье. Чаще всего семья респондентов включает брачного партнера, детей собственных или брачного партнера, около 1/3 опрошенных проживают совместно со своими родителями. Более половины респондентов состоит в браке той или иной формы.

По образовательному уровню респонденты оказались распределены следующим образом. Менее 1/10 опрошенных имеет образование ниже среднего, более половины – законченное среднее образование (полное, профессионально-техническое, специальное среднее), 2/5 – незаконченное, законченное высшее образование, причем около 4% имеют ученую степень или обучались в аспирантуре.

По своей социально-групповой принадлежности почти 1/7 респондентов идентифицируют себя с рабочими разной квалификации. Самой многочисленной группой оказалась группа служащих – 1/3 от всех опрощенных, причем половина из них имеет высшее образование. Широко представлены группы пенсионеров и учащихся, с каждой из этих групп себя идентифицирует более 1/7 респондентов. В исследуемой популяции оказались представлены домохозяйки, предприниматели, руководители, представители свободных профессий и лица, оказывающие услуги. Удельный вес каждой из этих групп не превышает 5%.

По своим этническим корням свыше 4/5 респондентов – русские, и еще 1/13 – представители других славянских народов. Около 2% населения идентифицируют себя по этнической принадлежности с народами финно-угорской или кавказской групп, и менее 1% - с тюркскими или западноевропейскими народами.

1. Уровень и паттерны алкоголизации населения Санкт-Петербурга

Подавляющее большинство респондентов употребляло алкоголь в течение жизни. Первая его проба почти у 2/5 опрошенных произошла в возрасте 14-16 лет, до 14 лет

---

[6] Построение выборки и сбор первичной информации были выполнены под руководством И.И. Елисеевой.

попробовали алкоголь 2/10 респондентов, причем до 7 лет – менее 3%. До 9/10 респондентов отмечали актуальную, т. е. в течение предшествовавшего опросу года, алкоголизацию.

Из паттернов («моделей») употребления алкогольных напитков для женщин характерно употребление по праздникам небольшого количества вина, реже – крепких спиртных напитков (Табл. 2).

Мужчинам присуща множественность паттернов употребления различных спиртных напитков, в различных дозах, как в будние, так и выходные и праздничные дни, в том числе – и в зависимости от эмоционального состояния. Отмеченные различия отражают характер социально-нормативного регулирования употребления алкоголя. В целом, это большая социальная приемлемость употребления алкоголя мужчинами. Поэтому встречающийся у 1% женщин паттерн повседневного и тяжелого пьянства следует рассматривать как аберрантный (отклоняющийся).

Более подробно уровень и паттерны потребления петербургской популяции рассматриваются ниже, при сопоставлении с североевропейскими моделями алкоголизации.

2. Отношение населения Петербурга к политике контроля алкоголизации

В Санкт-петербургском исследовании, пожалуй, впервые в России за последние десятилетия, оценивалось отношение населения к большинству известных инструментов политики контроля. Оказалось, что половина опрошенных жителей воспринимает ситуацию с алкоголизацией в городе как острую и угрожающую (Табл. 3). При этом почти столько же считают, что в Санкт-Петербурге не существует целенаправленной антиалкогольной политики, и лишь четверть населения придерживается противоположного мнения. Еще ниже оценка существования какой-либо антиалкогольной политики в стране. Отношение населения к рестрикционистским (жестко ограничительным) мерам контроля над алкоголизацией оказалось следующим. Почти 1/2 респондентов считают, что цены на алкогольные напитки не должны меняться, и лишь 1/8 считает, что их нужно повысить, тогда как почти 1/3, напротив, считает целесообразным их понизить. Также около 1/2 респондентов считает целесообразным оставить без изменений количество предприятий, торгующих алкогольными напитками, 1/3 предлагает его уменьшить, и только 1/18 – увеличить.

За сохранение существующего временного режима продажи алкоголя выступает 3/5 опрошенных, за его ограничение – 1/4, а 1/18 – за увеличение продолжительности времени продаж. Однако 4/5 опрошенных являются сторонниками ужесточения ответственности за продажу алкогольных напитков несовершеннолетним, при 1/9

сторонников сохранения существующего положения дел. Около 7/10 респондентов демонстрирует ригоризм в отношении правонарушений, совершенных в пьяном виде, тогда как за сохранение существующих карательных норм выступают 1/6 и за их отмену – 2%.

Увеличение налогов на производство алкогольных напитков представляется целесообразным 1/4 опрошенных, их снижение – 1/6, а за сохранение существующего уровня налогообложения – 2/5 опрошенных. Почти 9/10 респондентов считают необходимым ужесточение ответственности за нелегальное производство и продажу алкогольных напитков, при 1/20 выступающих за сохранение существующих норм ответственности и 3% - за их полную отмену. В тоже время возращение к государственной монополии не поддержали 3/4 опрошенных.

Половая самоидентификация существенно влияет на отношение к контролю алкоголизации. Женщины чаще, чем мужчины, воспринимают алкогольную ситуацию в городе как острую, напряженную и угрожающую, демонстрируют более высокий уровень прогибиционистской установки. Принадлежность к той или иной возрастной группе воздействует на отношение к контролю алкоголизации значительно более сложным образом (Табл. 4). Обеспокоенность алкогольной ситуацией в городе, а также прогибиционистская установка по индикаторам числа торговых предприятий и времени их работы, ответственности за продажу алкогольных напитков несовершеннолетним и за правонарушения, совершаемые в пьяном виде, монотонно возрастают с повышением возраста и максимальны в старшей возрастной группе.

В отношении цен на алкогольные напитки лица пожилого и старческого возраста чаще прочих выступают и за их повышение, и за их снижение, причем доля последних более чем в два раза выше доли первых. Молодые взрослые существенно чаще прочих настаивают на снижении налогового «пресса» для производителей алкогольных напитков и отмену ответственности за нелегальное производство и продажу алкоголя. Пожилые чаще прочих являются противниками возращения к государственной монополии, тогда как молодые взрослые – сторонниками. Образовательный статус обуславливает отношение к алкоголю следующим образом. С повышением уровня образования увеличивается оценка алкогольной ситуации в городе как острой, напряженной и угрожающей. Однако максимальная оценка устанавливается при крайне низком уровне образования, тогда как при наиболее высоком уровне образования величина оценки вновь снижается.

Оценка существования антиалкогольной политики в городе и стране, прогибиционистская установка в отношении времени продаж спиртных напитков

повышается с ростом образования, со снижением в группе с наиболее высоким образовательным статусом. Однако в отношении цен на алкогольные напитки и налогов на их производство при низком образовательном уровне наблюдается наибольшее число сторонников (эксцесс), а в отношении ответственности за нарушение антиалкогольного законодательства такой же эксцесс наблюдается при очень низком образовательном статусе. При очень высоком уровне образования здесь отмечается, напротив, снижение прогибиционистской установки.

Из приведенных данных можно заключить, что большинство населения с обеспокоенностью воспринимает ситуацию с алкопотреблением в городе и в стране в целом.

Однако отношение населения к контролю алкоголизации неоднозначное. Петербуржцы в первую очередь поддерживают действия, способствующие поддержанию общественного порядка, контролю качества спиртных напитков. Эффективность антиалкогольной борьбы население жестко связывает с репрессивными мерами, видя в них основное одержание антиалкогольной деятельности властных структур.

С другой стороны, даже при наличии угрозы эпидемии алкоголизации, петербуржцы не готовы поддержать меры, направленные на ограничение доступности алкоголя, как потенциально наиболее действенные для изменения уровня потребления. Очевидно, население, не раз сталкивавшееся с попытками государства ограничить алкопотребление путем резкого ограничения доступности спиртного, последней из которых является антиалкогольная компания М.С. Горбачева 1986-87 гг., не верит в результативность данных действий. В целом собственно рестрикционистские меры не имеют особой популярности, хотя и сторонников чрезмерного либерализма мало.

3. Сравнительный анализ уровня, паттернов и исходов потребления спиртных напитков в России и странах Северной Европы

В научной литературе, затрагивающей проблемы потребления спиртных напитков, принято выделять два главных паттерна потребления, в соответствии с тем, присущ ли он южным или северным странам.

Для южного паттерна характерно частое потребление алкоголя, преимущественно вина, в небольших дозах. Процесс потребления спиртных напитков интегрирован в повседневную жизнь, он не создает больших социальных проблем и не вызывает резкого осуждения со стороны общества. Этого паттерна потребления придерживаются в основном жители южных винопроизводящих стран (Франция, Испания, Португалия, Греция и др.).

Для северного паттерна характерно менее частое потребление спиртного, в основном в виде крепкого алкоголя, обычно сопровождаемое тяжелой интоксикацией и агрессивным поведением, что, в свою очередь, вызывает негативную реакцию общества и заставляет жестко контролировать процесс алкоголизации населения. К странам с северным паттерном потребления относят Финляндию, Швецию, Норвегию, Прибалтийские государства, Польшу, частично Германию и др. Российский паттерн потребления целесообразней сравнивать именно с паттернами потребления, сформировавшимися в Северных странах.

В связи с большой актуальностью изучения алкоголизации для Северных стран, в этих государствах накоплен большой опыт не только национальных, но и интернациональных исследований.

Первая волна кросс-культуральных исследований в этих странах пришлась на 1979 г., когда сравнивались данные по Финляндии, Исландии, Норвегии, Швеции (Hauge and Irgens-Jensen, 1987); исследование второй волны 1993-95 гг. затрагивало Данию, Финляндию, Норвегию, Швецию (Hakkarainen, 1996; Hanhinen, 1995; Simpura, 1989). Третья волна исследований пришлась на вторую половину 90-х гг., полученные данные сопоставлялись с результатами российского исследования (Pia Makela, 1999). Финляндия проводит лонгитюдное исследование (1968, 1976, 1984, 1992, 1996 г.), методика которого была взята за основу при разработке российских опросов. Волна финского исследования 1996 г. являлась частью общего проекта исследования Северных стран. В каждой из стран на стандартизированный вопросник в ходе телефонного интервью ответило не менее 1000 респондентов (табл.1). [7] Сопоставление параметров опрошенной совокупности со статистическими данными по структуре населения стран показало значительное смещение, поэтому результаты исследований перевзвешивались с учетом веса каждой половозрастной группы в популяции.

Таблица 1.

Объем выборки национальных исследований, чел.

	Дания 1997/1998	Финлян-дия 1996	Норвегия 1996	Швеция 1996/97	Швеция 1995	Москва 1994	Петербург 1999
Конечный объем выборки	2439	1509	2000	10853	1897	993	1980

Половозрастные характеристики выборок российских исследований (Табл. 6) отличаются от характеристик выборок Северных стран в силу преобладания женской части населения и молодежи (до 29 лет), меньшей представленности в структуре

[7] В Швеции было проведено два исследования, однако методика и используемый инструментарий (вопросник) несколько отличался от Датского и Норвежского вариантов.

населения старших возрастных групп. Значительно меньше, по сравнению со Скандинавией, в Петербурге было мужчин среднего и старшего возраста. Следует заметить, что в Дании, Швеции, Норвегии в опросах принимали участие лица старше 18 лет, в Петербурге и Финляндии –15 лет и старше.

Статистически значимые отличия выборок наблюдаются при сравнении Петербурга с Финляндией и Швецией, а также Москвой (петербургская выборка оказалась смещена в сторону молодых возрастов). В целом различия в половозрастной структуре выборок отражают различия в структуре самих популяций.

3.1. Паттерны потребления в России и Северных странах

Абстинентами считались лица, не употреблявшие спиртные напитки в течение последних 12 месяцев. Наибольшая доля трезвенников наблюдается в Норвегии, наименьшая - в Дании (Приложение, табл. 7). Дания является исключением в ряду Скандинавских стран, где паттерны потребления спиртных напитков существенно отличаются от традиционных северных. До начала XX века датчане предпочитали крепкие спиртные напитки. Во время Первой Мировой установление запрета на производство спирта и увеличение налогообложения радикально изменили датскую культуру потребления спиртных напитков. Благодаря поддерживаемой на государственном уровне пивной промышленности, датчане не компенсировали недостаток крепких спиртных напитков при помощи контрабанды и самогоноварения, а стали потреблять больше пива.

Количество абстинентов среди женщин традиционно выше, чем среди мужчин: в Дании, Норвегии, Финляндии почти в 2 раза. В большинстве исследований количество трезвенников имеет явный возрастной тренд: с возрастом количество абстинентов увеличивается.

В России наблюдается один из самых высоких уровней абстиненции среди мужчин; при сопоставлении с финскими данными по возрастным группам в Петербурге заметно преобладание трезвенников старшего возраста. Доля абстинентов среди российских женщин значительно ниже, чем среди финских.

Количество мужчин-абстинентов в Петербурге совпадает с московскими данными, а женщин-абстинентов в Петербурге больше. Для петербургской популяции, по сравнению с московской, характерно меньшее количество трезвенников молодого возраста и значительно большее число трезвенников старшего возраста. Обращает на себя внимание достаточно низкий уровень абстиненции и отсутствие увеличения количества трезвенников с возрастом среди московских женщин.

3.2. Уровень потребления спиртных напитков

Оценка различий уровня потребления по странам основана на сравнении данных официальной статистики потребления и данных, полученных в результате исследования.

В качестве официальной статистики использовались данные зарегистрированного уровня продаж: для Северных стран - данные за 1996 г, для Санкт-Петербурга – уровень продаж спиртных напитков в России на год проведения исследования (1999 г.). В таблице 8 Приложения приводится зарегистрированный среднедушевой уровень потребления (продаж) для лиц старше 15 лет.

Расчет среднего уровня потребления алкоголя основывался на измерении средней частоты и среднего потребления различных видов спиртных напитков в течение 12 месяцев, предшествовавших исследованию. Данный алгоритм расчета носит название QF-меры (quantity-frequency measure). Респондентов просили указать частоту потребления спиртных напитков по отдельным категориям, затем категории были переведены в количество случаев выпивки в днях за год. Средняя доза потребления отдельных видов спиртных напитков была переведена в литры абсолютного (100%) алкоголя.

И официальные данные, и результаты исследования фиксируют одни и те же закономерности: самый высокий уровень потребления среди рассмотренных стран в Дании и в России, самый низкий - в Норвегии.

Рассчитанный в ходе исследования уровень потребления алкогольных напитков отражает от 40% до 82% официального уровня. Различия в оценке уровня потребления вызваны наличием нелегальной продукции, возможным занижением респондентами истинного объема потребления, недопредставленностью в выборке тяжелопьющего населения. Согласно данным исследования, уровень потребления алкоголя в Москве почти в 2 раза выше, чем в Санкт-Петербурге.

При сравнении петербургских и финских данных по половозрастным группам наблюдается более высокий уровень потребления алкоголя россиянами в целом, однако в молодых возрастах уровень потребления различается незначительно.

В обеих странах потребление женщинами алкогольных напитков примерно одинаковое.

Петербургские мужчины потребляют заметно больше алкоголя, чем финские, особенно в средней и старшей возрастных группах (30-49 и 50-69 лет).

3.3 Частота потребления спиртных напитков

Наибольшая частота потребления алкогольных напитков наблюдается в Дании, наименьшая - в Норвегии (Приложение, табл.9). Во всех странах мужчины пьют чаще, чем женщины. В Петербурге мужчины потребляют спиртные напитки чуть реже, чем в Дании. По количеству мужчин, употребляющих алкоголь 4 раза в неделю и чаще,

петербуржцы практически сравнялись с Данией и значительно опередили мужчин из других стран. Например, один среднестатистический петербургский мужчина потребляет спиртное на 22-26 дней в году чаще среднестатистического финна. Частота потребления спиртных напитков петербургскими женщинами от частоты потребления алкоголя женщин в Финляндии отличается незначительно. Интересно, что москвичи пьют значительно реже жителей северной столицы.

3.4. Предпочитаемые спиртные напитки

Одной из важных характеристик паттернов потребления является тип алкогольного напитка, предпочитаемого населением страны. Жители Северных стран традиционно придерживались потребления крепкого алкоголя с присущим данному типу алкоголизации эпизодическим потреблением и расторможенным поведением в состоянии интоксикации.

Однако в настоящее время все Северные страны в результате целенаправленной политики государства изменили традиционный паттерн потребления и стали пивопьющими странами. В Дании переход от крепких спиртных напитков к пиву совершился еще в начале XX века. В Норвегии, Швеции, Финляндии переход к преимущественному потреблению пива был начат в 60-х годах и по сей день не завершен. Особенностью Финляндии, а отчасти и Швеции, является то, что пиво не вытеснило традиционное потребление крепких спиртных напитков, а «успешно» с ним сочетается.

Российское правительство никогда не ставило здоровье нации во главу своей алкогольной политики, поэтому предпочитаемым напитком населения по-прежнему остается водка.

Больше всего пива потребляется в Дании, затем в Финляндии и Норвегии (более 50% от всего объема алкоголя согласно официальной статистике), вина – в Дании, крепких спиртных напитков – в России. Согласно официальным статистическим данным и по результатам московского исследования 76-77 % россиян предпочитает крепкие спиртные напитки, 9-15% – пиво или вино.

Имеющиеся по России и Москве данные существенно рознятся с результатами петербургского исследования (Приложение, табл.10). Различия, возможно, вызваны некоторым отличием петербургского паттерна потребления от общероссийского, а возможно, что и произошедшими за 5 лет, отделивших московское и петербургское исследования, изменениями потребления на уровне популяции. Доля крепких спиртных напитков в Петербурге оказалась заметно ниже, а доля пива и вина – вдвое выше. Вино традиционно считается женским напитком. В Северных странах женским напитком

можно считать и пиво, - в Петербурге наблюдается тенденция увеличения потребления пива женщинами. Если в 1994 г. в Москве на долю пива приходилось всего 2% от всего объема алкоголя, выпиваемого женщинами, то сейчас в Петербурге доля пива составляет 32%.

Согласно результатам исследования, количество потребляемого жителями Петербурга пива и вина сопоставимо с количеством выпиваемого в Норвегии, Швеции, Финляндии, хотя количество потребляемых крепких спиртных напитков по-прежнему больше, чем в других странах в 2-5 раз.

3.5. Паттерны тяжелого потребления

Распределение уровня потребления алкоголя внутри популяции оценивается с помощью среднего потребления, доли абстинентов и доли тяжелопьющих.

Оценивать потребление среднестатистического человека целесообразнее на основе медианы, на которую, в отличие от средней, не оказывает заметного влияния объем алкоголя, выпиваемого тяжелопьющими (Приложение, табл.11). Так, типичный житель Петербурга выпивает почти столько же, сколько типичный швед или финн, но заметно больше норвежца и меньше датчанина. Типичная петербургская женщина выпивает гораздо меньше, чем датчанка или шведка, т.е. примерно на уровне жительницы Финляндии или Норвегии.

В то же время среди мужчин Петербурга устанавливается самый высокий уровень тяжелого пьянства, оцениваемого в таблице 11 Приложения с помощью 90-го процентиля. Значения 90-го процентиля для женщин мало отличимы от значений для жительниц Финляндии. Если считать тяжелопьющими тех, кто потребляет более 10 л. абсолютного алкоголя в год, то количество тяжелопьющих в Дании будет несколько большим, чем в Петербурге. Доля алкоголя, выпиваемая данной группой, в общем объеме потребления в Петербурге превышает 50% и является самой высокой для всех анализируемых стран. Значительные отличия существуют по сравнению с Данией: - там на долю тяжелопьющих приходится только 34-38% всего объема спиртного.

Россиянам более свойственно потребление большой дозы алкоголя, ведущей к интоксикации (более 6 порций («drinks») или 100 г. абсолютного алкоголя).

Жители Петербурга чаще финнов испытывают состояние тяжелой интоксикации. Москвичи считают, что испытывают легкую интоксикацию реже, чем петербуржцы. Зато мужчины Москвы чаще петербуржцев пребывают в состоянии тяжелой интоксикации, а женщины - заметно реже.

В целом, россияне оценивают частоту наступления интоксикации в несколько раз выше, чем жители других стран. Возможно, это связано с предпочтением крепких спиртных напитков другим видам алкоголя.

3.6. Негативные последствия алкоголизации

Негативные последствия алкоголизации достаточно трудно поддаются сравнению. Фактически можно сравнить только два таких последствия – абсентеизм (прогулы работы или учебы без уважительной причины) и частоту наступления похмельного синдрома, т. к. только они являются общими для всех рассматриваемых исследований (Приложение, табл.12).

Абсентеизм в значительно большей степени свойственен мужчинам, нежели женщинам. Петербургские мужчины в 4-8 раз, а петербургские женщины в 2-8 раз чаще прогуливают работу или учебу из-за пьянства, чем это происходит на Западе. Однако подобное сравнение не совсем корректно, т.к. в исследованиях Северных стран респондентов спрашивали о прогулах работы или учебы без уважительной причины в течение последнего года, а в петербургском исследовании временные ограничения обозначены не были.

За исключением старшей возрастной группы (50-69 лет), петербуржцы реже испытывают состояние похмелья, чем финны.

3.7. Позитивные последствия алкоголизации

Наряду с пьянством или злоупотреблением алкоголем, влекущим противоправное поведение, нарушающим нормальную жизнь других людей, становящимся привычкой, неотъемлемой чертой образа жизни пьяницы, и алкоголизмом - заболеванием, развивающееся в результате пьянства, существует и такое потребление алкогольных напитков, которое известно тысячелетиями как приносящее людям удовольствие.

Процесс потребления алкогольных напитков связан с ожиданием некоторых психологических выгод, преимуществ от использования алкоголя. Сравнение финских данных за 1992 г. и российских результатов показало здесь значительные культуральные различия. Практически по всем переменным оценка позитивных последствий алкоголизации россиянами выше, чем финнами (Приложение, табл. 13). Уровень оценки жителями Петербурга положительного опыта равен, а в отдельных случаях и превышает уровень оценки москвичей.

Финские респонденты выше оценили пункт «получить одобрение окружающих», который для россиян не был столь значимым.

Как в России, так и в Финляндии, мужчины имеют больший положительный опыт, связанный с алкоголизацией. Россияне в первую очередь ожидают от потребления

алкоголя веселого время препровождения (самые популярные ответы – «быть веселее», «смотреть на вещи более оптимистично»). Алкоголь также позволяет им «ближе узнать человека», «лучше выражать чувства» и «сблизится с человеком противоположного пола». Финны, как и русские, в первую очередь, ожидают от потребления алкоголя веселья, а также того, что он поможет «лучше выражать свои чувства», «узнать ближе человека», «получить одобрение окружающих», «сблизиться с человеком противоположного пола» и «смотреть на вещи более оптимистично».

Лишь небольшая часть респондентов ждет от алкоголя помощи в решении проблем на работе или с близкими людьми. Исключение составляют московские мужчины, 1/5 которых считает, что алкоголь может помочь разрешить трудную ситуацию на работе.

В целом, аттитьюды россиян и финнов по отношению к потреблению алкоголя имеют много общего, а основное различие заключается в том, что русские, а особенно петербуржцы, имеют в 1,5-3 раза больший положительный опыт алкоголизации, чем их северные соседи.

В результате проведенного сравнительного анализа какого-то специфического русского паттерна потребления спиртных напитков выявлено не было. Петербургский паттерн во многом идентичен паттернами потребления спиртного в странах Северной Европы, хотя некоторые особенности отечественной алкоголизации выделить можно.

По уровню потребления алкоголя, абстиненции и количества случаев выпивки в год в Петербург уступает Дании и превосходит Норвегию, однако вполне сопоставим со Швецией и Финляндией. Результаты петербургской выборки отличаются от общероссийских данных; сегодня петербуржцы потребляют несколько меньше крепких спиртных напитков, чем в целом по России, и выпивают практически такое же количество вина и пива, как жители Норвегии, Швеции, Финляндии.

Отличительной чертой петербургской выборки является крайняя поляризация уровня потребления внутри популяции. С одной стороны, достаточно высока доля абстинентов, с другой стороны, широко распространено тяжелое потребление. Уровень тяжелого пьянства, в зависимости от способа оценки, чуть меньше или чуть больше датского уровня, а по количеству спиртного, приходящегося на долю тяжелопьющих, россияне являются абсолютными лидерами. Петербуржцы чаще потребляют дозы спиртного, ведущие к интоксикации, в том числе и тяжелой.

При сравнении с финскими данными обращает на себя внимание в несколько раз больший положительный опыт алкоголизации петербуржцев. Хотя петербуржцы оценивают действие спиртного аналогичным финнам образом, уровень позитивных оценок гораздо выше.

В ходе анализа были выявлены отличия петербургских данных от результатов исследования в Москве, проводившегося в 1994 г. В столице значительно меньшее количество трезвенников среди женщин, особенно старших возрастов; почти в 2 раза выше уровень потребления спиртных напитков; значительно больше число респондентов, предпочитающих крепкий алкоголь, и выше частота наступления тяжелой интоксикации.

Расхождения результатов московского и петербургского исследований, возможно, вызваны изменениями потребления на уровне популяции, произошедшими за пять лет, разделяющих исследования. Возможно, различия объясняются и наличием специфического петербургского паттерна потребления, формирующегося под воздействием как российских, так и западных норм потребления спиртных напитков.

Большая распространенность, по сравнению с Северными странами, тяжелых форм алкоголизации и в несколько раз более высокая оценка положительных последствий от употребления алкоголя могут быть объяснены как особенностями национального мировоззрения и культуры, так и недостатком контроля над алкоголизацией со стороны государства, недостаточной заботой о здоровье населения.

4. Последствия алкоголизации, паттерны потребления и половозрастная структура

По уровню официально зарегистрированного потребления и объема потребления, рассчитанного на основе данных популяционных исследований, Россия не имеет существенных отличий от стран Скандинавии. Много общего между рассматриваемыми культурами и в паттернах (моделях) алкоголизации. Однако в ходе сравнительного анализа исходов алкоголизации обращает на себя внимание в несколько раз более высокая оценка петербуржцами положительных последствий потребления спиртных напитков, чем, например, в соседней Финляндии.

Основной задачей представленного в данном разделе анализа являлась оценка детерминирующего влияния на формирование позитивного и негативного опыта алкоголизации демографических факторов (пол, возраст), характеристик потребления (уровня и частоты, ситуации потребления), с последующим сравнением результатов, полученных для российской и финской популяций.

В зарубежной науке накоплен большой материал в изучении влияния паттернов потребления и демографических характеристик на негативные и позитивные последствия алкоголизации, в том числе и с использованием регрессионных моделей. Для России же это одна из первых попыток подобного анализа (предыдущая см.: Simpura J., Levin B. M., 1997).

Финляндия представляет интерес для сравнительного анализа как страна, близкая к России по географическими и историческим характеристикам, и как типичное западноевропейское государство, традиции, культура и политические институты которого были во многом заимствованы из Германии, Швеции и англосаксонского мира.

Для анализа использованы результаты Петербургского исследования (1999 г.), где для регрессионного анализа использовались ответы 823 мужчин и 976 женщин, по которым имелись полные данные по всем переменным, включенным в анализ, и аналогичного финского исследования (1992), где для регрессионного анализа использовались ответы 2856 участников (1483 мужчин и 1373 женщин) (Приложение, табл.14). Выборки исследований являлись репрезентативными для населения соответственно Петербурга и Финляндии.

Общий уровень потребления оценивался при помощи суммирования всех случаев потребления за 12 предшествующих исследованию месяцев. Для повышения надежности данных респондентам был предложен блок вопросов о потреблении алкоголя в течение определенного периода, длительностью от 1 недели до 12 месяцев, устанавливаемого в зависимости от средней частоты потребления алкоголя опрашиваемыми. По каждому случаю потребления задавались вопросы о количестве выпитого алкоголя различного вида Конечный уровень потребления был вычислен с учетом содержания спирта в выбранных спиртных напитках. Ежегодный уровень потребления в литрах абсолютного алкоголя был рассчитан путем корректировки общего годового потребления с поправкой на коэффициенты потребления за рассмотренный период (методика см.: Makela, 1971, Simpura, 1987).

Для выявления факторов, влияющих на негативный и позитивный опыт алкоголизации петербургской популяции, была рассчитаны две модели множественной логистической регрессии: 1) Негативный и позитивный опыт алкоголизации в зависимости от паттернов потребления, пола и возраста; 2) Негативный и позитивный опыт алкоголизации в зависимости от ситуационных характеристик потребления.

4.1. Негативный и позитивный опыт алкоголизации в зависимости от паттернов потребления, пола и возраста

Основные гипотезы регрессионного анализа следующие:

1. общий объем потребления и частота тяжелой интоксикации влияют на уровень негативного и позитивного опыта алкоголизации,
2. половозрастные характеристики являются значимыми детерминантами для негативного и позитивного опыта алкоголизации даже при учете вклада объема потребления и частоты тяжелой интоксикации,

3. данные закономерности являются общими для популяций Европейского населения, в том числе и для России.

Кратко приведем основные выводы проведенных ранее исследований по изучению позитивного и негативного опыта алкоголизации.

При анализе опыта алкоголизации половозрастные переменные обычно включаются в регрессионную модель перед переменными, описывающими алкоголизацию, т. к. демографические характеристики считаются более сильными объясняющими факторами, чем характеристики потребления. Так, например, женщины потребляют меньше алкоголя, чем мужчины, поэтому у них и меньший объем негативного опыта, связанного с алкоголизацией.

Однако в данном анализе мы, вслед за финскими исследователями Makela и Mustonen (Makela K., Mustonen H., 2000), рассматриваем характеристики алкоголизации как первичные детерминанты позитивного и негативного опыта потребления алкоголя.

В ряде популяционных исследований было показано, что большее потребление алкоголя приводит соответственно к большему опыту переживания негативных и позитивных исходов алкоголизации (Makela & Simpura, 1985; Makela & Mustonen, 1988; Edwards et al., 1994; Midanik, 1995). Частота тяжелого потребления и интоксикации является главным объясняющим фактором для количества проблем, связанных с алкоголизацией. За последнее время был проведен ряд исследований, изучающих вклад общего потребления и частоты тяжелой интоксикации в приобретение опыта алкоголизации. В большинстве работ общий уровень потребления и частота тяжелой интоксикации рассматривались в качестве независимых факторов (Single & Wortley, 1993; Room et al., 1995; Single et al., 1995; Rossow, 1996), однако и по сей день является открытым вопрос о целесообразности использования уровня общего потребления в качестве предиктора.

Во всех культурах алкоголизация мужчин носит более тяжелый характер, чем женская алкоголизация, и, соответственно, у мужчин отмечается наличие более разнообразного опыта, связанного с потреблением спиртного. Однако после исключения объясняющего вклада переменных алкоголизации, связь между полом и количеством проблем, вызванных потреблением алкоголя, значительно ослабевает.

Мужчины чаще, чем женщины выбирают негативные суждения об алкоголизации. Например, в Канаде в 1989 г., мужчины отмечали большее количество негативных последствий алкоголизации, чем женщины с тем же уровнем общего потребления и частоты тяжелой алкоголизации (Room et al., 1995). Из исследования в исследование мужчины говорят о необходимости более строгих мер по социальному контролю, чем

женщины. Возможно, суждение о том, что женская алкоголизация подвергается более сильному осуждению, чем мужская, неверно.

Различия по полу, которые сохраняются после исключения влияния общего уровня потребления и тяжелой алкоголизации, являются отражением сложного паттерна употребления и изменяются от исследования к исследованию.

Молодые потребители спиртного обычно выбирают больше суждений, касающихся опыта алкоголизации, как положительных, так и отрицательных, чем потребители старшего возраста с тем же уровнем потребления (Makela & Simpura, 1985; Casswell, Zhang & Wyllie, 1993; Midanik, 1995; Midanik & Clark, 1995; Makela & Mustonen, 1996). Для респондентов молодых возрастов в нескольких исследованиях отмечался более высокий уровень проблем, связанных с алкоголизацией. Данный феномен имеет несколько объяснений: алкоголизация молодых людей носит более «рискованный» характер, молодежь учится потреблению алкоголя, и, скорее всего, находится под более строгим социальным контролем, а большая ограниченность экономических и социальных ресурсов, по сравнению с другими возрастными группами, отягощает молодежную алкоголизацию.

Исследователи сталкиваются с определенными трудностями в интерпретации полученных зависимостей, т. к. различные объяснительные переменные, влияющие на поведение, взаимодействуют друг с другом. В данном анализе мы рассматриваем каждую переменную опыта потребления как независимую.

Построенная нами модель логистической регрессии приводится в таблицах 15-18 Приложения. В начале были сформированы модели для оценки зависимости каждой переменной, описывающий негативный и позитивный опыт алкоголизации, от ежегодного объема потребления и количества случаев выпивки в год. Затем в модель последовательно вводились переменные пола и возраста. Возраст был введен в модель как номинальная переменная с четырьмя градациями (15-19 лет, 20-29 лет, 30-49 лет, 50-69 лет). Потом близкие возрастные группы были объединены, т. к. по результатам оценки с помощью критерия Вальда достоверных различий между ними не обнаружилось. В конечную модель вошли две переменные, характеризующие потребление (объем и частота алкоголизации), а также пол и возраст. Различия между полученными значениями в российской и финской моделях были оценены с помощью z-критерия Фишера.

Построение модели логистической регрессии позволило получить следующие результаты.

При сравнении уровня ежегодного потребления алкоголя в Петербурге с финскими данными установлена большая поляризация алкоголизации в петербургской выборке:

значительно выше удельный вес групп с наименьшим и наибольшим объемом потребления. Для петербургской выборки характерна более высокая частота алкоголизации (выше доля респондентов, потребляющих спиртные напитки 1 раз в месяц и чаще). Значительные культуральные различия в оценке позитивных исходов алкоголизации между Финляндией и Петербургом проявляются, прежде всего, в том, что петербуржцы в 1,5-3 раза выше оценивают ее положительные последствия.

Логарифмы уровня ежегодного объема потребления и частоты алкоголизации были включены в модель как независимые переменные для объяснения позитивных и негативных последствий алкоголизации (Приложение, Табл. 15 и 16).

Для петербургской выборки влияние объема потребления алкоголя на такие переменные исходов алкоголизации, как «уладить проблемы по месту работы или учебы», «увольнение с работы или учебы», «обращение за помощью в медицинские учреждения», «предупреждения друзей (подруг) об опасности злоупотребления алкоголем», оказалось не значимым. Зависимость переменных «быть веселее в компании», «лучше, чем обычно, выражать свои чувства», «получать одобрение окружающих», «ближе узнать какого-то человека» и «обращение за помощью в органы социального обеспечения» от частоты алкоголизации оказалась слабой. В моделях, представленных в таблицах 15 и 16 Приложения, первой вводилась переменная объема потребления, и затем переменная частоты алкоголизации. Поскольку корреляция этих двух переменных между собой значительна, то уровень достоверности, оценивающий объяснительный вклад переменных, зависит от порядка их введения в модель. Однако в обеих моделях объяснительный вклад переменной общего объема потребления оставался значимым и при ее вводе после переменной частоты алкоголизации (модели не приводятся).

В целом, влияние объема потребления и частоты алкоголизации на суждения респондентов о негативном и позитивном опыте алкоголизации сильнее проявляется в Финляндии (влияние значимо для 20 зависимых переменных из 22), чем в Петербурге (влияние значимо для 14 переменных из 19).

Тенденция увеличения и позитивного, и негативного опыта алкоголизации с увеличением потребления наблюдается в обеих странах.

Половая принадлежность оказывает наибольшее влияние на позитивный, и в меньшей степени на негативный опыт алкоголизации (Приложение, Табл.17). В Финляндии детерминация фактором половой принадлежности суждений о последствиях потребления спиртного выражена отчетливее, чем в Петербурге. Для петербургских мужчин характерны суждения о том, что алкоголь помогает им «лучше, чем обычно,

выражать свои чувства» и «уладить проблемы на работе (по месту учебы)». В Финляндии же данные пункты чаще выбирали, наоборот, женщины.

В России более высокая оценка положительного опыта алкоголизации присуща старшим возрастным группам. Петербуржцам старших возрастов алкоголь помогает «быть веселее в компании», «ближе узнать какого-то человека», «сблизиться с человеком противоположного пола». Скорее всего, данная тенденция является отличительной чертой российской популяции, т. к. в большинстве зарубежных стран, в том числе и в Финляндии, больший опыт как позитивного, так и негативного опыта потребления характерен, напротив, для молодежи. Возможно, это связано с большей степенью алкоголизации в России, по сравнению с Финляндией, именно лиц старшего возраста, что, в свою очередь, может быть вызвано разрушением привычных ценностей и потерей жизненных ориентиров в ходе перехода к рыночной экономике поколений, выросших при социалистическом строе. Влияния пола и возраста на отрицательный опыт алкоголизации для петербургской популяции выявлено не было.

4.2. Негативный и позитивный опыт алкоголизации в зависимости от ситуационных характеристик потребления

Основные гипотезы регрессионного анализа следующие:

1. ситуация потребления (место, время, компания и повод алкоголизации) влияет на уровень негативного и позитивного опыта алкоголизации,
2. характер и направление этого влияния являются культурально обусловленными, и будут специфичными для каждой отдельной страны, в том числе и для России.

Большинство исследований исходов алкоголизации показывает, что с увеличением объема потребления алкоголя увеличивается и негативный, и позитивный опыт алкоголизации. Частота тяжелого потребления или интоксикации является важным причинным фактором возникновения проблем, связанных с алкоголем. Изучение четырех Северных стран (Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция) продемонстрировало тесную связь частоты интоксикации с негативным и позитивным опытом алкоголизации (Hauge & Irgens-Jensen, 1986, 1990).

В дополнение к изучению объяснительного вклада объема потребления и частоты интоксикации, в недавних исследованиях большое внимание уделяется влиянию контекста алкоголизации на вероятность появления негативных последствий. Однако систематическое изучение влияния контекста потребления на позитивный опыт алкоголизации только начинается.

Западные исследования демонстрируют то, что ситуативные факторы могут воздействовать на появление негативных последствий алкоголизации непрямым образом, т.е. посредством влияния на объем потребления, причем одни ситуации потребления могут быть рискованнее других. Например, в англосаксонских и скандинавских странах считается, что риск возникновения насилия ниже в ситуации ужина в кругу друзей, чем в ситуации выпивки в многолюдном пабе, причем вне зависимости от дозы выпитого алкоголя (Mustonen H., Makela K., 1999).

Обычно в качестве причинных факторов, определяющих дозу потребления, рассматриваются: время и место выпивки, причина случая выпивки, компания (Harford, 1983, Demers, 1995). Уровень потребления ниже, если выпивка включена в контекст ежедневной жизни, чем в случае экстраординарных ситуаций. Потребление алкоголя совместно с едой ассоциируется с более умеренной алкоголизацией, а тяжелое пьянство – с вечеринками (Simpura, 1987; Single & Wortley, 1993). На характеристики потребления оказывают влияние и взаимоотношения между членами группы. Люди склонны пить больше в компании друзей, чем в кругу семьи и родственников. Важен и размер группы. Некоторые исследования говорят о том, что люди склонны пить меньше в одиночестве, чем в составе больших групп.

Связь между ситуационными характеристиками и дозой потребления может быть частично вызвана самоселекцией, т. к. различным типам потребителей спиртного свойственен различный контекст алкоголизации. Работы Clark (1988) и Cahalan and Room (1974) демонстрируют то, что тем индивидам, которые посещают общественные места с целью выпить, присущ более высокий уровень и потребления, и проблем, связанных с алкоголизацией, по сравнению с теми, которые предпочитают потребление спиртного в домашней обстановке. Обычно доля тяжелопьющих высока среди индивидов, выпивающих после полуночи и предпочитающих большие группы.

Приведем модели множественной регрессии, предназначенные для оценки влияния характеристик ситуации потребления (компания, место, время и повод выпивки) на позитивный и негативный опыт алкоголизации с учетом объяснительного вклада объема и частоты потребления.

Построенная модель логистической регрессии приводится в таблицах 19-21 Приложения. Формирование модели множественной логистической модели происходило в два шага. Первый шаг заключался в том, что, после оценки объяснительного вклада объема потребления и частоты алкоголизации, каждая ситуационная переменная вводилась в модель отдельно. На втором шаге ситуационные переменные были введены одновременно.

В конечную модель вошли две переменные, характеризующие потребление - объем и частота алкоголизации, и характеристики ситуации потребления - компания, место, время, повод алкоголизации.

Построение моделей дало следующие результаты.

Большинство петербуржцев предпочитает употреблять спиртные напитки в окружении семьи (супругов или родственников), друзей и соседей. Россияне чаще финнов выпивают в больших компаниях (от 5 человек), Среди петербургских мужчин значительно более распространена алкоголизация в одиночку. Наиболее распространенным местом потребления спиртных напитков является дом или другое приватное место (дом свой или друзей, дача, сауна), Петербуржцы в 4 раза реже, чем финны посещают рестораны, бары и другие общественные места с целью алкоголизации. Подавляющее большинство случаев выпивки приходится на дневное и вечернее время.

Значительная часть ситуационных характеристик оказывает существенное влияние на приобретение негативного и позитивного опыта алкоголизации даже после исключения вклада уровня потребления и частоты алкоголизации. Из 17 изучаемых ситуационных переменных более половины (9 для Петербурга и 11 Финляндии) обуславливают приобретение негативного опыта, чуть меньшее количество – позитивного опыта (5 для Петербурга и 9 для Финляндии). В целом, влияние ситуационных характеристик на приобретение опыта алкоголизации проявляется сильнее на финской выборке.

В Финляндии к увеличению негативных исходов алкоголизации приводит совместная выпивка с любовником или любовницей, друзьями и соседями, лицами только своего пола и в большой компании, а к уменьшению – потребление в одиночку, совместно супругами и родственниками. В Петербурге, как и в Финляндии, алкоголизация в кругу семьи является фактором, сдерживающим потребление, а в компании лиц своего пола – фактором, стимулирующим алкоголизацию. Интересно, что выпивка в одиночку в Финляндии препятствует увеличению негативных последствий, а в России, наоборот, способствует. Потребление в кругу семьи сдерживает финнов от приобретения опыта алкоголизации, а выпивка среди друзей, соседей и лиц своего пола увеличивает количество положительных исходов алкоголизации. В Петербурге выпивка в большой компании ограничивает возможности получения позитивного опыта потребления.

В Финляндии потребление спиртных напитков в общественном месте или на улице приводит к увеличению негативных последствий. В Петербурге ситуация выпивки на улице также имеет положительную связь с негативными последствиями алкоголизации, причем доля респондентов, придерживающихся данного паттерна потребления, в России,

особенно среди мужчин, на порядок выше. Следует заметить, что опрос проводился в октябре-декабре, и можно полагать, что в летнее время удельный вес тех, кто отметил опыт алкоголизации на улице, был бы еще более высоким. Дом, собственный или друзей, и другие подобные приватные места влияют на негативный опыт алкоголизации в двух странах совершенно по-разному: в Финляндии сдерживают алкоголизацию, в России способствуют ей. В обеих странах потребление алкоголя на улице увеличивает положительные последствия алкоголизации, но в Финляндии позитивный опыт увеличивает и выпивка в общественных местах, чего не наблюдалось в Петербурге.

В Финляндии потребление алкоголя в вечернее время (с 16 до 24 часов) способствует уменьшению негативного и позитивного опыта алкоголизации. В России потребление алкоголя в ранние утренние часы (с 0 до 12 часов), как правило, являющее продолжением вечернего пьянства, и в дневные часы (с 12 до 16 часов) приводит к увеличению негативных исходов.

Повод (причина) потребления оказывает значительное влияние на оценку последствий алкоголизации, однако данные ситуационные переменные действуют в рассматриваемых странах различным образом. В Финляндии сдерживающим фактором для приобретения негативного и позитивного опыта является алкоголизация вечером в домашних условиях, во время приема пищи, в бане, а стимулирующим фактором (только для негативного опыта) – потребление спиртного во время семейного или другого праздника. В Петербурге алкоголизация дома в вечернее время приводит, наоборот, к росту негативных и позитивных последствий, а потребление спиртного во время семейного или другого праздника является ограничителем опыта алкоголизации. К увеличению числа положительных исходов приводит и выпивка во время встреч с друзьями.

Из 17 рассматриваемых переменных в Петербурге 10 переменных влияют одинаково и на положительный, и на отрицательный опыт алкоголизации, причем вклад 3-х из них является значимым. К увеличению как положительного, так и отрицательного опыта приводит потребление спиртного на улице и дома вечером, а к уменьшению - алкоголизация во время семейных и других праздников.

Подведем итоги. Одним из главных выводов, который подтвердился в результате построения моделей логистической множественной регрессий на данных финского и петербургского популяционных опросов, является обусловленность позитивного и негативного опыта алкоголизации интенсивностью алкопотребления.

Полученные модели, в то же время, могут быть использованы и для объяснения мотивации уменьшения или увеличения потребления алкоголя. Больший объем и большая

частота потребления приводят к увеличению не только негативного, но и позитивного опыта алкоголизации. Тяжелопьющие чаще сталкиваются с проблемами, но чаще и получают положительные эмоции от процесса алкоголизации, чем мало или умереннопьющие.

Пол влияет на оценку, в основном, позитивных последствий потребления. Алкоголизация в большинстве культур считается скорее мужским паттерном поведения. В Петербурге алкоголь способствует мужчинам в выражении эмоций («лучше выражать свои чувства») и разрешении трудных жизненных ситуаций («уладить проблемы»). Финские мужчины при помощи алкоголя становятся более коммуникабельными (становятся веселее в компании, легче сближаются с противоположным полом). Возраст также является причинным фактором в оценке положительных последствий алкоголизации. Однако возрастные оценки позитивного опыта потребления спиртного в России и Финляндии носят противоположный характер. В Петербурге спиртные напитки помогают, прежде всего, людям старшего возраста, и в сфере межличностного общения («быть веселее в компании», «ближе узнать человека», «сблизиться с человеком противоположного пола»). В Финляндии больший положительный опыт алкоголизации присущ молодежи.

Таким образом, пол и возраст влияют на опыт алкоголизации в обеих изученных популяциях, однако направление и характер влияния являются культурально и социально специфическими.

Для петербургской выборки объем потребления и частота выпивки являются наиболее важными причинными факторами для приобретения опыта, связанного с алкоголизацией, как положительного, так и отрицательного. Характеристики ситуации алкоголизации вносят существенный вклад в модель, но сила их воздействия несколько меньше.

При изучении характера воздействия ситуационных характеристик выделяются как устойчивые для изученных стран тенденции, так и тенденции, специфические для каждой культуры, обусловленные особенностями национальных паттернов потребления.

Можно говорить о специфике петербургских ситуаций потребления по сравнению с финскими. Так, петербуржцы склонны к более опасным формам потребления, чем финны: чаще выпивают в одиночку или на улице, а алкоголизация в ресторанах, барах и общественных местах встречается в Петербурге 4 раза реже.

И в России, и в Финляндии алкогольная компания из лиц своего пола приводит к снятию внутренних ограничителей потребления и увеличивает негативный опыт

алкоголизации, а семейно-родственное окружение, осуществляя контролирующую функцию, способствует уменьшению потребления. В обеих странах потребление спиртного на улице является девиантной формой поведения и способствует приобретению как негативного, так и позитивного опыта.

Одни и те же поводы и причины алкоголизации приводят к совершенно разным последствиям в этих двух странах. Потребление спиртного вечером дома уменьшает возможности возникновения позитивных и негативных исходов в Финляндии, но увеличивает в Петербурге. Аналогично выпивка во время семейных праздников препятствует приобретению алкогольного опыта в России, но способствует в Финляндии.

В Петербурге, по сравнению с европейскими странами, значительно большую опасность представляет широко распространенная ситуация алкоголизации в домашних условиях. Положительным отличием Петербурга является повышенная роль семьи как более сильного сдерживающего социального фактора в отношении приобретения опыта алкоголизации.

Проведенный сравнительный анализ позволяет говорить о значительном сходстве России и стран Северной Европы по уровню, паттернам, исходам алкоголизации. Особенностью российской ситуации потребления можно считать большее распространение в популяции тяжелых форм алкоголизации и более опасных ситуаций потребления (в одиночку, на улице и т.п.). Обращает на себя внимание в несколько раз более высокий уровень оценок положительных последствий алкоголизации петербуржцами и москвичами по сравнению с финнами. Возможно, именно такое позитивное отношение к спиртному со стороны большей части россиян обрекает на неудачу все попытки регулирования алкогольного рынка со стороны государства. Данную гипотезу подтверждает тот факт, что, несмотря на оценку сложившей алкогольной ситуации значительной частью петербуржцев как опасной и угрожающей, жесткие ограничительные меры не находят широкой поддержки со стороны населения.

Однако сопоставление данных двух российских опросов (Московского 1994 г. и Петербургского 1999 г.) позволяет заметить намечающуюся положительную тенденцию изменения традиционных российских паттернах потребления, в частности уменьшение доли крепких спиртных напитков и увеличение объемов потребления пива и вина, в сторону общеевропейских. В целом, после резкого роста уровня алкоголизации населения и ее негативных исходов в 1994-1995 гг., на сегодняшний день можно говорить о некой стабилизации ситуации в России, хотя и на довольно опасном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гилинский Я. Социология девиантного поведения и социального контроля// Социология в России/ Ред. В. Ядов. 2-е изд, М., 1998
2. Гилинский Я., Гурвич И., Русакова М., Симпура Ю., Хлопушин Р. Девиантность подростков: теория, методология, эмпирическая реальность. СПб.: Медицинская пресса, 2001.
3. Гурвич И. Н. Социальная психология здоровья. СПб.: СПбГУ, 1999.
4. Российский статистический ежегодник, 2000. М.: Госкомстат, 2001.
5. Cahalan D., Room R. Problem Drinking among American Men. New Brunswick: Rutgers Center of Alcohol Studies, 1974.
6. Casswell S., Zhang J.F. & Wyllie A. The importance of amount and location of drinking for the experience of alcohol-related problems// Addiction. № 88. 1993.
7. Clark W., 1988 Places of drinking: a comparative analysis // Contemporary Drug Problems. № 15. 1988.
8. Edwards G., Anderson P., Babor, T.F., Casswell S., Ferrence R., Giesbrecht N, Godfrey C., Holder H.L. Lemmens P. Makela K., Midanik L.T., Nordstrom T., Osterberg E., Romelsjo A. Room R., Simpura J. & Skog O-j. Alcohol Policy and the Public Good. Oxford: Oxford University Press, 1994.
9. Hakkarainen P, Hubner L, Laursen L & Obergard E. Drug Use and Public Attitudes in the Nordic Countries. In: Hakkarainen P, Laursen L & Tigerstedt C. Discussing drugs and drug policy. Comparative Studies on four Nordic Countries. NAD Publication No 31, Helsinki, 1996.
10. Hanhinen S. Nordic, Italian, and German drinking Habits. A comparison between surveys made since the 1980s. Nordisk Alkoholtidskrift, 1995.
11. Hauge R, Irgens-Jensen. Alcohol in the Nordic countries. A comparative study of use attitudes, and consequences. Alko and NAD, Helsingfors, 1987.
12. Hauge R. & Irgens-Jensen O. The relationship between alcohol consumption, alcohol intoxication and negative consequences of drinking in four Scandinavian countries// British Journal of Addiction. № 81. 1986.
13. Makela K., Measuring the Consumption of Alcohol in the 1968-1969 Alcohol Consumption Study. Helsinki: Social Research Institute of Alcohol Studies, 1971.
14. Makela K., Mustonen H. Positive and negative experiences related to drinking as a function of annual alcohol intake// British Journal of Addiction. № 83. 1988.
15. Makela K., Mustonen H. Relationships of drinking behaviour, gender and age with reported negative and positive experiences to drinking// Addiction. № 95(5). 2000.
16. Makela K., Mustonen H. The reward structure of drinking among younger and older male drinkers// Contemporary Drug Problems. № 23. 1996.
17. Makela K., Simpura J. Experiences related to drinking as a function of annual alcohol intake and by sex and age// Drug and Alcohol Dependence. № 15. 1985.
18. Makela P., Drinking Habits in the Nordic Countries. SIFA-rapport nr. 2/99, Oslo
19. Midanik L.T. , Clark W.B. Drinking-related problems in the United States: description and trends, 1984-1990// Journal of Studies on Alcohol. № 56. 1995
20. Midanik L.T. Alcohol consumption and social consequences, dependence, and positive benefits in general population survey, in Holder H.D.& Edwards G.(Eds) Alcohol and Public Policy: evidence and issues. Oxford: Oxford University Press. 1995
21. Mustonen H., Makela K. Relationships between characteristics of drinking occasions and negative and positive experiences related to drinking// Drug and Alcohol Dependence. № 56. 1999.
22. Mustonen H., Merso L., Paakanen P., Simpura J, Kaivonurmi M. Finnish Drinking Habits in 1968, 1976, 1984, 1992 and 1996. Tables and Publications Based on Finnish Drinking Habit Surveys. Helsinki: Stakes, 1999.

23. Mustonen H., Merso L., Paakanen P., Simpura J., Kaivonurmi M. Finnish Drinking Habits in 1968, 1976, 1984, 1992 and 1996. Tables and Publications Based on Finnish Drinking Habit Surveys. Helsinki: Stakes, 1999.
24. Room R., Bondy S.J. & Ferries J. The risk of harm to oneself from drinking, Canada 1989 // Addiction. № 90. 1995.
25. Rossow I. Alcohol-related violence: the impact of drinking pattern and drinking context//Addiction. № 91. 1996.
26. Simpura J. (Ed.) Finnish Drinking Habits: results from interview surveys held in 1968, 1976 and 1984. Helsinki: Finnish Foundation for Alcohol Studies. 1987.
27. Simpura J., Levin B. M. Demystifying Russian Drinking. Comparative Studies the 1990s. Helsinki: Stakes, 1997.
28. Single E. & Wortley S. Drinking in various setting as it related to demographic variables and level of consumption: finding from a national survey in Canada// Journal of Studies on Alcohol. № 54. 1993.
29. Single E., Brewsters J.M., MacNeil, P., Hatcher, J.& Trainor C. The 1993 General Society Survey II: alcohol problems in Canada// Canadian Journal of Public Health. № 86. 1995
30. Statistics on Alcohol, Drug and Crime in the Baltic Sea Region. NAD Publication No 37, 2000.
31. Sulkunen P., Sutton C., Tigerstedt C., Warpenius K. Broken Spirits. Power and Ideas in Nordic Alcohol Control. NAD Publication No 39, 2000.

Заключение

Завершая рассмотрение феномена русского пьянства, представляется необходимым выделить некоторые его характерные особенности, что позволяют сделать приводимые в монографии материалы.

Прежде всего, представляется несомненным, что русское пьянство не является каким-то исключительным и абсолютно культурально специфичным для России феноменом, но выступает только одной из разновидностей северного паттерна употребления алкоголя. Вместе с тем, оно имеет и некоторые свои характерные особенности. Среди них центральными, на наш взгляд, выступают следующие.

При сходных с другими Северными странами характеристиках собственно алкопотребления, т.е. количества и вида алкогольных напитков, частоты выпивок, русское пьянство сопровождается значительно более существенными поведенческими отклонениями и, соответственно, более тяжелыми социальными последствиями, т.е. носит более аберрантный характер.

Регуляция употребления алкоголя неформальными социальными нормами в России отличается от наблюдающейся, например, в Финляндии, попустительским характером общесоциальных норм, что прямо и непосредственно воздействует на контекстно-ситуационные характеристики употребления.

Субъективная же значимость позитивно эмоционально окрашенного опыта употребления алкоголя для российских потребителей алкоголя существенно выше, чем для потребителей алкоголя в той же Финляндии, что во многом объясняет реакцию населения на меры государственно-правового и экономического контроля, направленные на ограничение алкопотребления.

Доминирующий паттерн употребления алкоголя в современной России достаточно вариативен как внутри коротких временных промежутков, так и для различных территорий. Однако в длительной исторической ретроспективе обнаруживается поразительная устойчивость распределения тяжелого алкопотребления по отдельным группам населения.

На протяжении прослеживаемого по статистическим и исследовательским данным отрезка российской истории, включающего в себя как царский, так и советский, и постсоветский периоды, аберрантный характер российского пьянства усиливался, несмотря на параллельное ужесточение мер государственно-правового и экономического контроля. Другими словами, этот контроль становился все менее эффективным.

В рамках этой общей тенденции наблюдались, конечно, и некоторые колебания, вызванные флюктуациями социально-политической и экономической обстановки в

стране. Причинно-следственные отношения между этой обстановкой, характеристиками алкопотребления и жесткостью контроля алкоголизации, несомненно, существуют, однако допускают неоднозначную содержательную интерпретацию. Существенную роль в названных отношениях, очевидно, играет негативное отношение основной части населения к ограничительным мерам контроля алкопотребления. Отсюда понятно, почему в антиалкогольной политике Российского государства последних полутора веков фискальные соображения в действительности не являлись определяющими.

Алкоголизация населения, безусловно, вносила и вносит существенный вклад в депопуляционный процесс, протекающий на территории страны уже на протяжении более чем века. Однако универсализация повреждающего действия алкоголя на российскую популяцию, которая присуща работам многих современных западных исследователей, вызывает определенные возражения. Действительно, сам характер алкопотребления демонстрирует отчетливую зависимость от протекающих в стране социально-политических и экономических процессов. Таким образом, алкоголизация населения выступает в отношении депопуляции в качестве лишь одной из целого ряда воздействующих на него «промежуточных переменных», опосредующих влияние макросоциальных процессов на популяцию.

В сфере социального контроля алкоголизации мы вынуждены сегодня констатировать минимальную эффективность мер формального контроля, что на фоне существующих в российском обществе попустительских неформальных норм не позволяет надеяться на сколько-нибудь заметное снижение уровня алкопотребления и его негативных исходов для населения исключительно средствами государственного регулирования.

Отсюда вытекает необходимость всемерного развития методов и средств поведенческой профилактики пьянства и алкоголизма, осуществляемой на основе современных моделей профилактического вмешательства в общностях.[8] Для достижения необходимой эффективности на популяционном уровне подобное вмешательство должно реализовываться на всех основных уровнях организации общностей - в школах, средних и высших учебных заведениях, в индустриальных организациях, в территориальных образованиях.

Неуклонная, хотя и весьма противоречивая, позитивная социальная динамика российского общества на протяжении рассмотренного в монографии временного периода, а также анализ исторического опыта стран со сходными с Россией паттернами

---

[8] См.: Л.А. Цветкова, И.Н. Гурвич, М.М. Русакова и др. Технологии разработки и совершенствования молодежных социальных проектов и программ по формированию здорового образа жизни в студенческой среде. /Под ред. И.Н.Гурвича. СПб. Изд-во С.-Петербургского ун-та. 2004.

алкоголизации населения позволяют утверждать, что реальные успехи в борьбе с феноменом русского пьянства возможны и практически достижимы.